

K-789-c

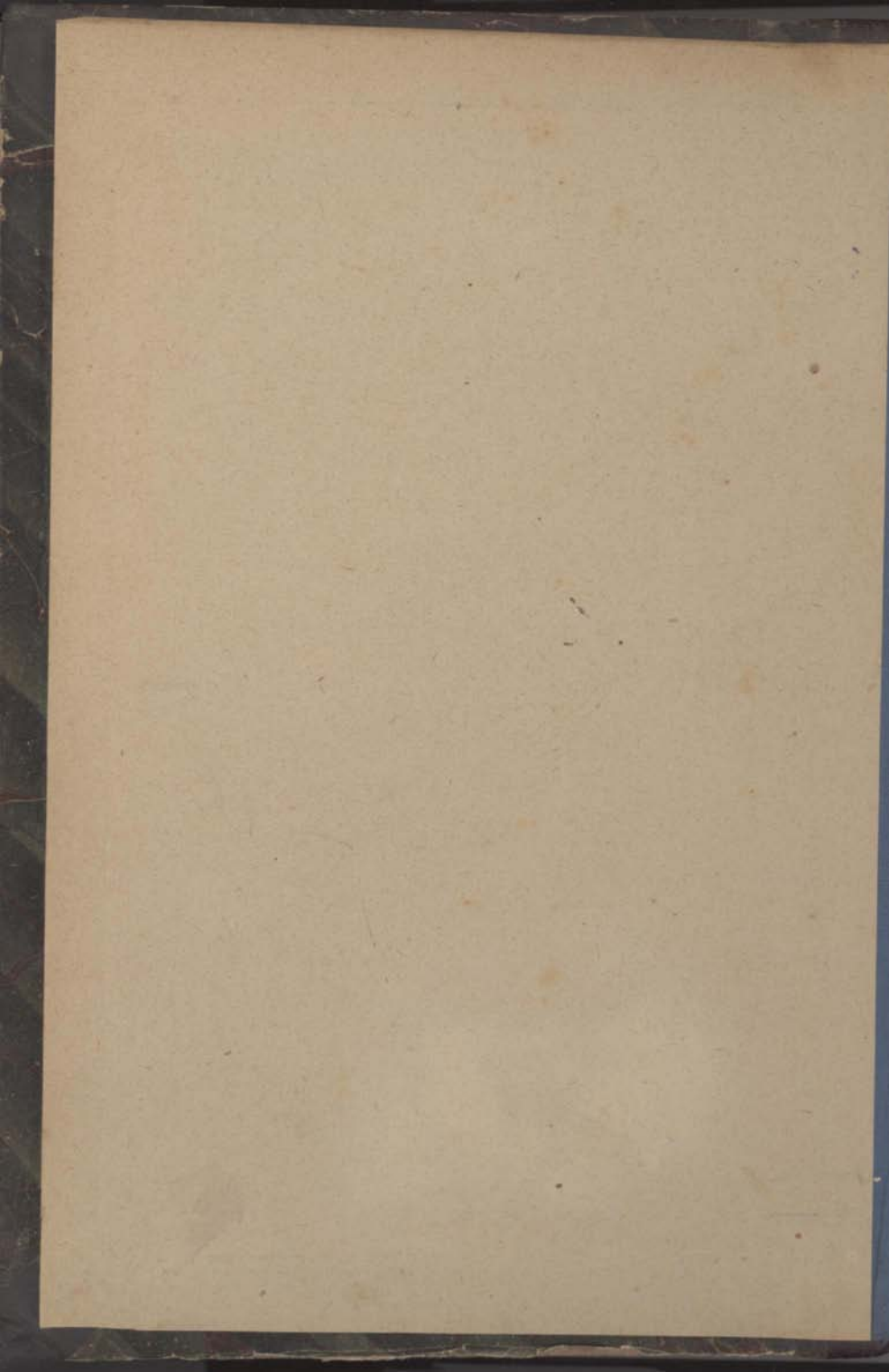
49047

V.N. Karazin Kharkiv National University

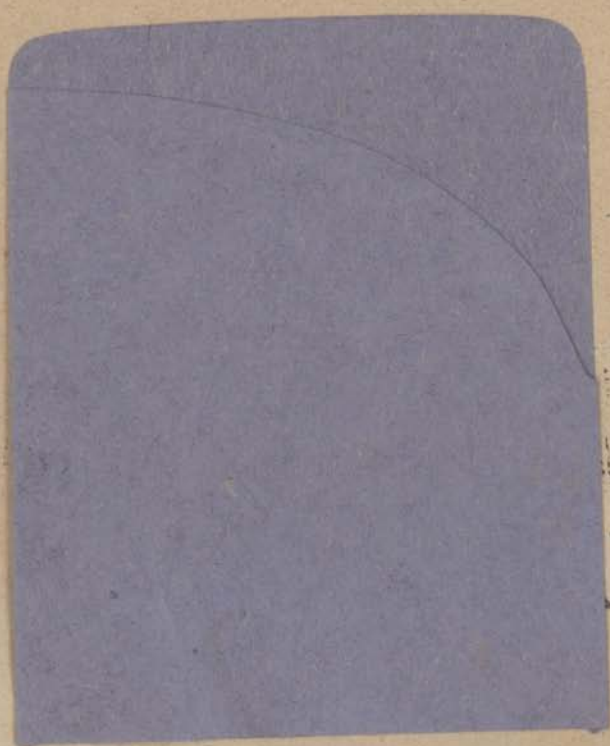
00620390

6

1841
10 11

К. 789. с.

ас

С Ф И Н К С Ъ.

ПОВѢСТЬ.

А. Крашевскаго.

№ 49044
1914/3.4р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Н. Э. Мертца
1900:

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Декабря 1900 года.

I.

На людей полных силъ, здоровья, надежды, которыхъ жизнь манить къ себѣ, интересуеть и увлекаеть массою самыхъ разнообразныхъ ощущеній, монастырь своими старинными, покрытыми плѣсенью стѣнами, своими сводчатыми потолками, своей тишиной, прерываемой только шопотомъ молитвы, монотоннымъ пѣніемъ гимновъ, да боемъ старыхъ часовъ, производитъ тяжелое, печальное впечатлѣніе. Такимъ людямъ монастырь кажется холоднымъ могильнымъ склепомъ, и они спѣшатъ уйти скорѣе оттуда, чтобы онъ не удержалъ ихъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ, не закрылъ передъ ними того міра, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ, гдѣ происходитъ головокружительная борьба страстей, въ которой хотя много опасностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ много новизны и упоеній. Но для тѣхъ, что пережили всѣ присущіе молодости порывы и стремленія, въ этомъ приближищѣ всѣхъ страдающихъ, дышащемъ такимъ невозмутимымъ покоемъ, заключается какое-то неизъяснимое обаяніе.

Пусть говорятъ, что хотятъ, люди, гордящіеся наукой, ослѣпленные самолюбіемъ, пусть осуждаютъ эти учрежденія, значенія которыхъ они не хотятъ понимать не по какимъ-нибудь особннымъ причинамъ, но болѣе всего вслѣдствіе предубѣжденія, тѣмъ не менѣе всѣ эти предвзятые взгляды находятся въ прстиворѣчій съ жизнью. Сколько разочарованныхъ, утомленныхъ житейскими бурями мечтають объ этой желанной тихой пристани. Ихъ вздохи сильнѣе говорятъ, чѣмъ всякія умствованія. Даже отреченіе отъ собственной воли, съ виду кажущееся самой тяжелой жертвой, не страшитъ такихъ людей, ибо они неоднократно испытали, что въ минуты упадка силъ и сомнѣній мнимая свобода воли всегда ихъ приводила ко злу.

Всѣ тѣ, что въ настоящее время кончаютъ жизнь самоубійствомъ, моральнымъ или физическимъ, во времена глубокой вѣры шли въ монастырь, тамъ находили спасеніе, тамъ всегда тлѣющая на днѣ души искра религіознаго чувства вспыхивала яркимъ пламенемъ и согрѣвала ихъ. Нѣкогда монастырь былъ въ полномъ смыслѣ слова той желанной пристанью, куда не долетали волны бурнаго житейскаго моря, гдѣ въ сладостной невозмутимой тишинѣ быстро и незамѣтно протекали годы. Къ такой именно цѣли стремились основатели многихъ монашескихъ орденовъ, ибо она исходила изъ истинныхъ потребностей человѣческой природы. То обстоятельство, что монастыри иногда бывали далеко не на высотѣ своего назначенія, нисколько не умаляетъ ихъ значенія, какъ убѣжища для всѣхъ истомленныхъ жизнью и ищущихъ вдали отъ соблазновъ міра нравственнаго самосовершенствованія. Все на свѣтѣ люди могутъ исказить и испортить.

Не знаю почему, но на меня чрезвычайно дѣйствуетъ монастырская тишина, и я не могу проѣхать мимо этихъ жилищъ аскетовъ безъ того, чтобы не заглянуть подъ ихъ сумрачные своды и не насладиться царящимъ тамъ повсюду спокойствіемъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ случилось проѣзжать черезъ одно маленькое литовское мѣстечко, недалеко отъ котораго возвышаются бѣлыя и красныя стѣны капуцинскаго монастыря и собора. Окрестности мѣстечка очень живописны. Всюду виднѣются холмы, покрытые то сосновыми, то еловыми лѣсами, долины перерѣзаны березовыми рощами. Маленькая рѣчка съ одной стороны причудливо извивается по зеленому лугу, съ другой, протекая по котловинѣ, превращается въ небольшой чистый прудъ, окруженный высокими старыми вербами. Въ долинахъ между холмами виднѣется мѣстечко, надъ которымъ сверкаютъ блестящіе купола нѣсколькихъ церквей. Капуцинскій монастырь окруженъ рощами и красиво выдѣляется на темномъ фонѣ огромныхъ вѣтвистыхъ елей.

Онъ былъ воздвигнутъ въ семнадцатомъ вѣкѣ, то есть въ то время, когда многіе поляки отреклись отъ ереси и вернулись на лоно католической церкви. Это было въ эпоху реак-

ціи противъ протестантизма, когда, подъ вліяніемъ Сигизмунда III и пылкихъ рѣчей священника Скарги, обращенные къ вѣрѣ своихъ отцовъ старались доказать свое рвеніе сооруженіемъ многочисленныхъ храмовъ и монастырей.

Основатель описываемаго нами монастыря очевидно старался, насколько возможно, разукрасить и облегчить жизнь аскетовъ.

Обитель была окружена великолѣпными садами. Въ тѣнистыхъ липовыхъ аллеяхъ были раскинута изящныя бесѣдки, въ которыхъ стояли каменные скамьи, чтобы монахи во всякое время могли въ одиночествѣ предаваться размышленію и молитвѣ. Среди фруктовыхъ деревьевъ видѣлись мраморныя изображенія святыхъ угодниковъ. Садъ былъ перерѣзанъ цвѣточными клумбами и газонами; посреди возвышался холмъ, на которомъ стоялъ павильонъ, откуда открывался чудный видъ на окрестности.

Сюда приходили старцы монахи погрѣться на солнцѣ и побесѣдовать о давно минувшемъ, отсюда также видѣлось кладбище, вызывавшее въ нихъ мысль о близкой кончинѣ и той вѣчной жизни, къ которой наше скоротечное земное существованіе является однимъ лишь подготовленіемъ. Въ тѣнистыхъ, полныхъ аромата аллеяхъ были укромныя уголки, гдѣ охваченный экстазомъ, или смущаемый несовершенствомъ своей природы, монахъ могъ пасть на колѣни и предаться вдохновенной молитвѣ, безъ всякой боязни быть заподозрѣннымъ въ лицемѣріи.

Монастырь былъ окруженъ высокою стѣною, вдоль которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ стояли небольшія часовни, украшенныя съ наружной стороны изящными барельефами.

Соборъ, подобно всѣмъ капуцинскимъ храмамъ, былъ очень обширенъ. Главный алтарь поражалъ величественностью и красотой. Надъ нимъ возвышалась цѣлая группа изваяній, представлявшая крестную смерть Спасителя. Стѣны были разукрашены плафонной живописью и нѣсколькими образами кисти Данкертса, удивительными по смѣлости замысла и колоритности. Внутренняя сторона купола, великолѣпно расписанная, представляла Вознесеніе. Въ нишахъ стѣнъ мѣстами видѣлись горельефы, изображающіе фигуры безстрашныхъ рыцарей и мужественныхъ добродѣтельныхъ матронъ.

На каменномъ полу, недалеко отъ входа въ сѣлепы, лежала мраморная доска съ двумя желѣзными кольцами, въ память основателя монастыря, какъ-бы нарочно брошенная подъ ноги молящимся въ знакъ полнѣйшаго смиренія. На ней не красовались гербы или другія отличія высокаго происхожденія покойнаго, здѣсь были начертаны только стихи, въ которыхъ выражалась смиренная просьба помолиться за него Богу. Лишь на фронтонѣ храма виднѣлась доска изъ чернаго мрамора съ надписью значительно позднѣйшаго происхожденія, въ которой выражалась благодарность благодѣтельствованныхъ монаховъ. Тамъ въ краснорѣчивыхъ словахъ высчитывались всѣ заслуги, титулы, дѣянія, восхвалялись всѣ добродѣтели, какъ самого основателя, такъ и его достойной супруги.

Среди нѣкоторыхъ гробницъ особенное вниманіе обращалъ мавзолей сына основателя — гетмана, при которомъ была окончена постройка монастыря. Мавзолей поражалъ своей замѣчательной красотой и величіемъ. Онъ состоялъ изъ гранитнаго постаменты, на которомъ возвышалась фигура рыцаря въ полномъ вооруженіи.

На хорахъ сіялъ своими многочисленными трубами органъ. На верху его стояли чудныя деревянныя изваянія ангеловъ.

Соборъ примыкалъ къ монастырю и соединялся съ нимъ длинными корридорами, стѣны которыхъ были увѣшаны множествомъ картинъ религіознаго содержанія и портретовъ святыхъ, большей частью принадлежащихъ кисти знаменитѣйшихъ европейскихъ художникахъ того времени. Эти безсмертныя произведенія глубокой вѣры сіяли богатствомъ красокъ и возвышенностью сюжета. Царящую въ корридорахъ тишину нарушалъ только бой старинныхъ данцигскихъ часовъ, стоящихъ въ большой нишѣ и находящихся здѣсь болѣе двухсотъ лѣтъ. Въ одной изъ аркадъ передъ огромнымъ крестомъ днемъ и ночью горѣла лампада. Возлѣ главной залы висѣлъ прекрасный портретъ основателя монастыря, но безъ булавы, безъ доспѣховъ и другихъ знаковъ своего отличія, а въ скромной одеждѣ смиреннаго благочестиваго пилигрима. Далѣе виднѣлись портреты его сыновей, благодѣтелей монастыря, а также знаменитѣйшихъ генераловъ ордена капуциновъ, Святыхъ и великихъ угодниковъ.

Трапезная была очень большая, вслѣдствіе чего своды ея

поддерживались колоннами. У одной стѣны стоялъ крестъ, на противоположной стѣнѣ висѣлъ образъ св. Антонія. Стѣны были покрыты фресками и разными изреченіями изъ Священнаго Писанія. Вкругомъ стояли дубовые столы и такія-же скамьи, недалеко отъ окна, выходившаго въ садъ, возвышалась красивая кафедра, на которой, согласно монашескимъ правиламъ, лекторъ читалъ во время общей трапезы.

Библіотека занимала обширное помѣщеніе и возникла благодаря трудамъ и средствамъ гетмана и его потомковъ. Въ шкапахъ находились очень интересныя сочиненія, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ-то: произведенія Безы, Меланхтона, Эколампада, Кальвина, Лютера, Сервета и множество брошюръ XVI вѣка выдавались монахамъ только съ разрѣшенія настоятеля. Верхніе полки были наполнены коллекціей болландистовъ, теологическими энциклопедіями, великолѣпными трактатами отцовъ церкви, библіями, разными комментаріями, словарями и описаніями путешествій. Здѣсь въ отдѣлѣ *manuscriptorum* любопытныя *historia domus* и переписанныя любознательными монахами *compendia privilegiorum*. Многія помѣтки, сдѣланныя на поляхъ огромныхъ фоліантовъ, свидѣтельствовали о недюжинномъ умѣ читавшихъ и о невѣдомой міру ихъ борьбѣ съ демономъ сомнѣнія.

Къ сожалѣнію, эта драгоценная библіотека постепенно предавалась забвенію.

Почтенные монахи жили въ большой дружбѣ со всѣмъ окрестнымъ населеніемъ, и ихъ монастырь былъ однимъ изъ гостепріимнѣйшихъ домовъ. Въ описываемое мною время почти всѣ кельи были еще заняты, но большей частью совсѣмъ съдыми старцами, которые, несмотря на то, что стояли одной ногой въ гробу, тѣмъ не менѣе почти съ юношеской бодростью не разъ даже пѣшкомъ отправлялись, сравнительно далеко, въ утѣшеніемъ и молитвой къ больнымъ и умирающимъ.

Всѣ сосѣди относились къ капуцинамъ съ большимъ уваженіемъ и любили ихъ, какъ родныхъ, да и нельзя было не любить этихъ добрыхъ, честныхъ и въ полномъ смыслѣ слова стоящихъ на высотѣ своего призванія пастырей. Монахи составляли точно одну семью и отличались чисто христіанскими добродѣтелями.

Когда я впервые заглянулъ въ этотъ монастырь, онъ былъ

далекъ отъ запусѣнія. Проѣзжая мимо его воротъ, я услышалъ пѣніе и съ любопытствомъ остановился.

Въ церкви оказалось народу немного, на хорахъ, за главнымъ алтаремъ пѣлъ хоръ монаховъ. Я сначала помолился, а затѣмъ сталъ осматривать надписи на стѣнахъ, гробницы и образа. И вотъ въ ту минуту, когда я съ интересомъ присматривался къ картинѣ Вознесенія Данкертса и готовился отмѣтить въ книжкѣ эту прекрасную композицію, передъ мной внезапно появился монахъ. Сѣдой старичекъ, добродушно улыбаясь, обратился ко мнѣ съ стариннымъ привѣтствіемъ, употреблявшимся въ первые вѣка христіанства между членами ихъ общинъ для отличія вѣрующихъ отъ язычниковъ.

— Какъ прекрасна ваша церковь! — воскликнулъ я въ восхищеніи. — Какая великолѣпная живопись!

— Да, да очень хороша, — прервалъ меня обрадованный моей похвалой старичекъ. — Все это плоды творчества религіозныхъ и талантливыхъ людей! А видѣли-ли вы прекрасныя статуи въ главномъ алтарѣ, которыми такъ восхищаются художники, и нѣкоторые большіе образа? Если вы любитель и интересуетесь живописью, то я попрошу васъ заглянуть въ монастырь, въ корридоры, въ трапезную и въ библіотеку, — тамъ не мало есть произведеній кисти того-же славнаго Данкертса.

Видя, что при одномъ лишь перечисленіи у меня загорѣлись глаза, старецъ улыбнулся и сначала повелъ меня по церкви, объясняя, указывая всѣ достопримѣчательности и не скрывая своей радости, когда я что-нибудь хвалилъ.

— Нѣкогда благочестивыя люди, — сказалъ онъ, — царство имъ небесное, все, что имѣли лучшаго, несли къ подножію креста. Гетманы, самые высшіе сановники старались украшать храмы, гдѣ за нихъ молились монахи, когда высокій обязанности и разныя событія противъ воли отрывали достойныхъ государственныхъ мужей отъ молитвы. Прежде религіозныя чувства и мысли создавали гораздо болѣе великихъ произведеній истиннаго чистаго искусства, чѣмъ даже людская суетность и гордость, а нынче..., — впрочемъ, не будемъ хулить нашего времени, такъ какъ и въ немъ есть хорошія стороны.

Монахъ вздохнулъ. Бесѣдуя такимъ образомъ, мы прошли въ часовню, но старецъ почему-то не обратилъ моего внима-

нія на висѣвшій тамъ образъ въ черной дубовой рамѣ, очевидно, очень недавней работы. Я мелькомъ взглянулъ на него, предполагая, что это произведеніе не представляетъ ничего особеннаго. Но каково-же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что передо мной въ полномъ смыслѣ слова высокохудожественное произведеніе, отличающееся замѣчательнымъ колоритомъ.

Я не могъ оторваться отъ картины. Новыхъ образовъ такого содержанія врядъ-ли гдѣ-нибудь можно увидѣть. Для созданія ихъ необходима очень пылкая глубокая вѣра, даже религіозный экстазъ, и истинный талантъ. Образа нашего времени холодны, сухи, въ нихъ нѣтъ жизни, такъ какъ нѣтъ сильной вдохновляющей художниковъ вѣры.

Этотъ-же со всей наивностью старыхъ мастеровъ флорентійской школы воспроизвелъ св. Луку, восхищеннаго видѣніемъ Богоматери, въ чертахъ которой было положительно что-то неземное. Въ верхней части образа, на чистой лазури, среди легкихъ облачковъ, окруженная цѣлымъ вѣнкомъ маленькихъ ангельчиковъ, видѣлась Богоматерь въ чудной серебристой ризѣ, надъ Ея головой сіяла корона изъ семи звѣздъ, у Нея на рукахъ покоился младенецъ Христосъ, съ удивительнымъ божественнымъ выраженіемъ взирающій вмѣстѣ съ Матерью на св. Евангелиста; внизу колѣнопреклоненный старецъ въ какомъ-то экстазѣ, съ кистью въ рукѣ, казалось, весь былъ поглощенъ небеснымъ видѣніемъ. Изъ его полуоткрытыхъ устъ будто вырывался радостный вздохъ. Два ангельчика съ улыбкой поддерживали полотно и палитру. Возлѣ него, какъ сумволъ жертвы, лежалъ волъ, переданный съ изумительной экспрессіей. Вся картина поражала замѣчательной колоритностью и гармоніей. Каждая фигура была великолѣпно передана и находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ сюжетомъ; все жило, но жило той идеальной жизнью другого лучшаго міра, который мы такъ жадно ищемъ въ произведеніяхъ искусства.

— Откуда у васъ этотъ образъ?—воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ онъ такъ красивъ?—наивно спросилъ меня старецъ, внимательно глядя мнѣ прямо въ глаза.

— Чудно хорошъ!

— Неужели? Вы даже удивляете меня.

— Кто-же его писал?—спросилъ я.— Очевидно, образъ недавно законченъ.

— Да, еще и недѣли нѣтъ, какъ его освятили и помѣстили надъ алтаремъ.

— Но откуда вы его получили?

— Это работа монастырская,—тихо добавилъ старичекъ,—здѣшняя.

— Какъ? здѣшняя?—все болѣе удивляясь быстро, спросилъ я.

— Да. Образъ написанъ братомъ Маріаномъ.

— Онъ, навѣрно, скопировалъ его съ какой-нибудь старинной картины, и я долженъ вамъ сказать, что копія получилась великолѣпная.

— О, нѣтъ! какъ сюжетъ, такъ и выполненіе, со всѣми мельчайшими аксессуарами, ему принадлежитъ одному. Правду сказать, образъ даже не понравился отцу настоятелю; кромѣ того, онъ не особенно подходилъ къ нашему алтарю, и мы вслѣдствіе этого принуждены были заказать новую раму, такъ какъ новое произведеніе было значительно больше прежняго образа, совершенно испортившагося отъ сырости.

Если-бы это мнѣ кто-нибудь иной говорилъ, я врядъ-ли повѣрилъ-бы, что въ кельѣ такого отдаленнаго, находящагося въ глубинѣ литовскихъ дремучихъ лѣсовъ, монастыря могло быть создано такое истинно вдохновенное произведеніе.

— А кто-же этотъ художникъ?—спросилъ я старца.

— Вы спрашиваете про брата Маріана? Да онъ простой монахъ,—отвѣтилъ, нюхая табакъ, капуцинъ.

— Великій художникъ! и, увы, никому невѣдомый и неоцѣненный!—воскликнулъ я съ удивленіемъ, не будучи въ состояніи оторвать своихъ глазъ отъ необыкновенной картины.

Старичекъ выслушивалъ мои похвалы, какъ-бы сомнѣваясь въ моей компетентности въ области искусства, и приглашалъ меня взглянуть на фрески Данкертеа и скульптурныя работы нѣкоторыхъ пѣмецкихъ мастеровъ, но все было напрасно. Я весь былъ поглощенъ чуднымъ произведеніемъ и заинтересованъ его никому неизвѣстнымъ великимъ творцомъ.

— А нельзя-ли навѣстить брата Маріана въ его кельѣ?—спросилъ я, послѣ нѣкотораго размышленія.

— Отчего нѣтъ? Навѣрно можно будетъ. Но, видите-ли, онъ немного странный человѣкъ, печальный, замкнутый, молчаливый. Не знаю только, понравится-ли ему визитъ незнакомаго человѣка; бѣднякъ любить одиночество.

— Я пробуду лишь нѣсколько минутъ.

— Въ такомъ случаѣ, идемте! — сказалъ отецъ Серафимъ (такъ назывался старичекъ) — пойдемъ, попытаемся; если не молится, то долженъ насъ принять.

Направляясь въ келью, я не могъ удержаться отъ разспросовъ о братѣ Маріанѣ, но, увы, немного мнѣ удалось узнать.

— Въ жизни онъ много перенесъ, къ чему-то стремился, но, не достигнувъ цѣли, скрылся въ тиши нашего монастыря. Намъ почти ничего не извѣстно, кромѣ того, что счастья ему не удалось вкусить. Но по всему видно, что онъ и прежде былъ художникомъ. Слѣды перенесенныхъ нѣкогда страданій не затерлись и до настоящаго времени. Молитва и трудъ исцѣляютъ душевныя раны, и въ нихъ-то онъ ищетъ лѣкарства и утѣшеніе.

Мы приблизились къ кельѣ, и отецъ Серафимъ постучалъ въ дверь.

Изъ комнаты послышался сдавленный голосъ, но я не могъ разобрать отвѣта.

— Это я, это я! — ласково сказалъ старецъ: — я веду гостя, который, увидѣвъ въ церкви вашего святого Луку, выразилъ непремѣнное желаніе познакомиться съ вами и навѣститъ въ кельѣ.

Дверь раскрылась, и мы вошли въ скромное жилище монаха. Келья эта ничѣмъ особеннымъ не отличалась и освѣщалась только однимъ рѣшетчатымъ окномъ. Узкая кровать, столъ, два-три стула — вотъ и все ея убранство. Посрединѣ я съ изумленіемъ увидѣлъ самымъ неудобнымъ образомъ растянутое на трехъ жердяхъ полотно. Всѣ принадлежности живописи, какъ-то: краски, камень, палитра и кисти лежали тутъ-же на полу. Между полотномъ и стѣнами еле можно было пройти. Съ перваго взгляда я понялъ, какое мученіе было жить въ такой тѣсной комнаткѣ и работать, не имѣя возможности гдѣ-либо присѣсть. Невозможно было сдѣлать нѣсколько шаговъ безъ соблюденія величайшей осторожности, изъ боязни уронить картину.

Келья освѣщалась неудобно и свѣта было мало. Солнечные лучи падали на полотно, но тѣни отъ рѣшетки перекрещивались на немъ и раздѣляли на нѣсколько частей.

Обыкновенный художникъ, требующій извѣстныхъ удобствъ, свѣта, обширнаго помѣщенія, не понялъ-бы даже, какимъ образомъ возможно здѣсь работать. Картина, по необходимости поставленная подъ прямымъ угломъ, какъ-бы нарочно была помѣщена въ самыя невыгодныя условія, но иначе былъ-бы совершенно загороженъ проходъ между кроватью и дверью. Позже я узналъ, что настоятель предлагалъ брату Маріану одну изъ залъ, но тотъ изъ скромности отказался и добровольно обрекъ себя этимъ неудобствамъ.

На большомъ полотнѣ углемъ смѣлыми штрихами былъ сдѣланъ эскизъ проектированной картины. Посреди кельи стоялъ высокій, статный монахъ. Голова его была классически правильна, глаза горѣли огнемъ, носъ изящный, губы тонкія, блѣдныя. Когда мы вошли, онъ въ рукѣ держалъ свою кисть, но увидѣвъ насъ, смутился, тотчасъ всунулъ ее въ палитру и поспѣшилъ къ намъ навстрѣчу.

На мои похвалы и удивленіе братъ Маріанъ отвѣтилъ нѣсколькими фразами, полными непритворной скромности и видимо очень сконфузился. Мнѣ даже показалось, что онъ не особенно доволенъ посѣщеніемъ и радъ былъ-бы избавиться отъ неожиданныхъ гостей, но я не могъ удержаться себя, и мнѣ хотѣлось во что-бы то ни стало взглянуть на другія работы художника. Благодаря моимъ просьбамъ и старанію отца Серафима, мнѣ удалось осмотрѣть новыя не совсѣмъ оконченныя произведенія брата Маріана.

На первой картинѣ даже краски не просохли, но часть ея была замазана вѣроятно рясой какого-нибудь проходившаго мимо нея монаха. Я съ сожалѣніемъ вздохнулъ, такъ какъ картина была прелестна. Она представляла стигматизацію св. Франциска. Христосъ на небесахъ и монахъ на землѣ соединялись чудесными лучами. Обѣ фигуры были чудно выполнены, и самая идея великолѣпно понята. Новое произведеніе превосходило св. Луку какъ въ частностяхъ, такъ и въ цѣломъ. Основатель ордена нищихъ братьевъ, стоявшій въ полутѣни (такъ какъ почти все лучи свѣта окружали Спасителя) на-

чать былъ съ замѣчательнымъ знаніемъ всѣхъ техническихъ ресурсовъ искусства.

Другой монахъ, рукой прикрывавшій глаза отъ ослѣпительнаго сіянія, отличался замѣчательной натуральностью позы, выраженія лица и, казалось, не видѣлъ и не понималъ небеснаго явленія.

Лица обоихъ монаховъ рельефно выражали противоположность двухъ человѣческихъ натуръ: природы поэтической, идеальной и заурядной, прозаической. Впрочемъ, черты какъ того, такъ и другого отличались благородствомъ и красотой. Христосъ, парящій въ небесахъ, поражалъ своей божественной красотой. Кругомъ видѣлись высокія, вѣтвистыя деревья, составлявшія замѣчательно удачный и красивый фонъ для изображенной группы. Колоритъ отличался теплотой и жизненностью и такимъ утонченнымъ разнообразіемъ, что неотразимо приковывалъ вниманіе зрителя.

Я долго стоялъ передъ картиной, охваченный какимъ-то необыкновеннымъ экстазомъ. Иныя меньшія картины, то начатыя, то уже оконченныя, представляли: смерть св. Іосифа, бѣгство изъ Египта, обращеніе св. Павла, мученичество св. Екатерины и. т. д. Во всѣхъ написанныхъ произведеніяхъ видны были глубокое знаніе, сильное чувство и чудный колоритъ.

Когда я взглядывался въ эти неожиданно найденныя сокровища, братъ Маріанъ стоялъ у порога, какъ-бы пристыженный моимъ восхищеніемъ. Онъ почти оставлялъ безъ отвѣта мои похвалы и вопросы, точно боялся изліяній, точно опасался разбудить мысли, несоотвѣтствующія его настоящему положенію. Напрасно я пытался вызвать его на разговоръ; въ концѣ концовъ мнѣ пришлось уйти, съ непріятнымъ сознаніемъ постигшей меня въ этомъ отношеніи неудачи. Впрочемъ, монахъ простился со мной очень ласково, хотя даже въ послѣднюю минуту старался не проронить лишняго слова и даже избѣгалъ моихъ взглядовъ. Я выразилъ желаніе пріобрѣсти одно изъ его произведеній, но онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ заявилъ, что эти работы ему уже не принадлежать и что ими распоряжается отецъ-настоятель.

Мы со старичкомъ тотчасъ отправились къ настоятелю,

который принял меня очень радушно, и, на мою просьбу относительно продажи какой-нибудь работы брата Маріана, съ громкимъ смѣхомъ отвѣтилъ:

— Неужели въ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, есть что-нибудь особенное?

— Это прекрасныя картины и когда-нибудь будутъ вполне оцѣнены по достоинству. Братъ Маріанъ будетъ вторымъ Лексиккимъ, да онъ и теперь не уступаетъ ему.

— Кто же такой Лексиккій?

— Знаменитый краковскій художникъ, монахъ, принадлежащій къ ордену св. Бернарда.

— А! а! Есть тамъ у брата Маріана что-нибудь оконченное?

— Миѣ кажется, — сказалъ я, — что «Бѣгство изъ Египта» вполне уже закончено.

— Ну, вотъ и хорошо! Денегъ мы съ васъ не возьмемъ, но если-бы вы взамѣнъ пожертвовали что-нибудь въ пользу монастыря, то мы были-бы очень благодарны.

— Охотно. Что именно вы желали-бы имѣть?

— Ну хотя-бы какой-нибудь красивый пунсовый покровъ, а то у насъ нечѣмъ украсить алтари во дни св. Мучениковъ.

Говоря это, онъ, казалось, сомнѣвался, соглашусь-ли я на его предложеніе. Я, разумѣется, выразилъ полнѣйшее согласіе. По лицу настоятеля мелькнула снисходительная улыбка; онъ поднялся со стула и сказалъ:

— Пойдемте же за этимъ «Бѣгствомъ».

Мы вторично отправились въ келью брата Маріана.

Настоятель вошелъ туда безъ всякаго предупрежденія, живописецъ, вѣроятно, не слышалъ скрипа дверей, такъ какъ мы застали его стоящимъ на колѣняхъ передъ крестомъ, постаментъ котораго былъ сдѣланъ въ формѣ сфинкса.

На привѣтствіе настоятеля монахъ быстро поднялся и съ нѣкоторымъ смущеніемъ поглядѣлъ на насъ.

— А! а! какъ-же намъ сюда пройти? — воскликнулъ толстый настоятель, — тутъ вѣдь шагу ступить нельзя. Третьяго дня я уже замазалъ какую-то картину, но хуже всего то, что я испортилъ свою новенькую рясу.

— Вотъ, — добавилъ онъ, — этотъ господинъ желаетъ приобрести вашу картину «Бѣгство изъ Египта», которую очень хвалятъ

и взаимно ея жертвуетъ пунсовый покровъ. Если вамъ не очень тяжело разстаться съ своимъ произведеніемъ...

Говоря это, онъ ласково взглянулъ на монаха.

Тотъ немного поблѣднѣлъ, но не сказалъ ни слова, покорно склонилъ голову, снялъ со стѣны картину, пристально поглядѣлъ на нее, какъ бы прощаясь со своимъ произведеніемъ, и передалъ настоятелю.

— Все это,—проговорилъ онъ,—собственность монастыря. Слава Богу, наконецъ-то я на что-нибудь пригодился. Возьмите, пожалуйста.

Я тотчасъ внесъ необходимую для покупки покрова сумму, и былъ очень обрадованъ пріобрѣтеніемъ такого истинно художественнаго произведенія. Настоятель вмѣстѣ съ отцомъ Серафиномъ на минуту вышли по какому-то дѣлу, а я остался наединѣ съ братомъ Маріаномъ.

Я приблизился къ нему и пытался убѣдить художника принять отъ меня какое-нибудь вознагражденіе за картину, съ которой, какъ мнѣ казалось, ему жаль было разстаться, но онъ мягко отвѣтилъ:

— По нашимъ уставамъ намъ не полагается имѣть никакой собственности, да мнѣ ничего и не нужно. Спокойствіе и тишина—вотъ мои сокровища.

При этихъ словахъ, онъ глубоко вздохнулъ.

— Вы, вѣроятно, много перенесли въ жизни?—спросилъ я съ сочувствіемъ.

— Не спрашивайте меня,—отвѣтилъ монахъ,—такъ какъ пришлось-бы вспоминать то, что мнѣ хотѣлось-бы забыть. Пріятно-ли было-бы вамъ ради празднаго любопытства лишить меня покоя, который я наконецъ обрѣлъ?..

— Это вовсе не пустое любопытство,—возразилъ я,—напротивъ, мной руководитъ искреннее сочувствіе. Меня глубоко поразила вашъ необыкновенный талантъ и вы безспорно великій художникъ. Въ всякаго сомнѣнія, что вамъ пришлось много выстрадать, прежде чѣмъ стѣны этого монастыря сокрыли васъ отъ міра. Однако, душа ваша, мнѣ кажется, не создана для такой жизни.

— Какъ такъ? — замѣтилъ капуцинъ, съ какимъ-то печальнымъ выраженіемъ вглядываясь въ меня.—Вы такъ мало

меня знаете, а между тѣмъ такъ рѣшительно высказываете обо мнѣ свое мнѣніе. Кто знаетъ, для чего я былъ созданъ, — добавилъ онъ. — Но какъ-бы тамъ ни было, я все же здѣсь счастливъ, насколько на землѣ можетъ быть счастливъ человѣкъ.

Въ эту минуту мы услышали шаги приближающихся монаховъ, и братъ Маріанъ умолкъ. Лишь только въ келью вошли почтенные отцы, какъ я тотчасъ поспѣшилъ съ ними проститься, такъ какъ мнѣ не хотѣлось отнимать у нихъ времени, да и пора было ѣхать.

Солнце уже склонялось къ западу, когда я выѣхалъ изъ монастыря и направился на ночлегъ въ сосѣднее мѣстечко, такъ какъ продолжать поѣздку было поздно, а ближайшій постоялый дворъ отстоялъ отъ монастыря не менѣе четырехъ миль.

На слѣдующій день, утромъ, я на прощанье еще разъ отправился въ церковь прослушать мессу, послѣ которой на минуту зашелъ къ настоятелю, но видѣться съ братомъ Маріаномъ мнѣ не удалось, такъ какъ онъ былъ нездоровъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, я случайно опять попалъ въ это мѣстечко и узналъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ интересовавшемъ меня монахѣ, о его происхожденіи и кой-какихъ событіяхъ изъ его юности, а значительно позже мнѣ сообщили болѣе подробныя данныя, относящіяся къ жизни великаго художника, и послужившія матеріаломъ для настоящей повѣсти. Какимъ образомъ и откуда добыты мною эти свѣдѣнія, я не считаю нужнымъ объяснять.

Одни говорили, что братъ Маріанъ уже умеръ, другіе-же утверждали, что онъ гдѣ-то въ отдаленномъ монастырѣ спокойно кончалъ свои дни, но съ увѣренностью никто, однако, ничего не могъ сказать.

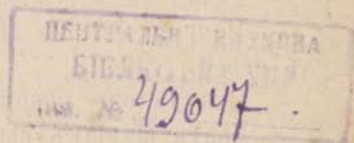
А монастырь этотъ опустѣлъ и разрушался съ той поразительной быстротой, съ какой исчезаютъ созданія человѣческихъ рукъ, отданныя въ жертву времени.

Нѣсколько лѣтъ измѣнило его до неузнаваемости. Окружавшая монастырь стѣна въ многихъ мѣстахъ обрушилась, обширный дворъ заросъ травою, въ библіотекѣ и главной залѣ воробы свили себѣ гнѣзда, въ кельяхъ и корридорахъ обитали крысы, летучія мыши и пауки. Фрески Данкертса испортились, многія картины и скульптурныя произведенія неизвѣстно куда исчезли.

Голыя стѣны съ пустыми рамами производили грустное впечатлѣніе. Грубые, невѣжественные жители мѣстечка не могли понять всѣхъ красоть этого великолѣпнаго памятника старины и разносили по своимъ угламъ все, что по ихъ понятіемъ представляло какую нибудь матеріальную цѣнность. Прудъ заросъ травой, вѣковые деревья были сломаны, словомъ, всюду видѣлись слѣды постепеннаго уничтоженія.

Одинъ лишь старый понамарь охранялъ эти руины и терпѣливо ждалъ смерти на своемъ посту. Сгорбленный, блѣдный, какъ привидѣніе, и молчаливый, какъ могила, онъ днемъ обходилъ все зданіе, а ночью тревожно вслушивался въ какіе-то таинственные голоса, которые будто-бы явственно раздавались въ пустыхъ огромныхъ залахъ монастыря и даже въ самой церкви. Старый понамарь клялся, что въ полночь онъ неоднократно слышалъ тихіе звуки органа и голоса монаховъ, поющихъ Requiem.

II.

Я никогда не могъ-бы сообщить ничего достовѣрнаго о молодости того, котораго позже мнѣ удалось узнать подъ именемъ брата Маріана, если-бы не моя новая побѣдка и случайный ночлегъ въ мѣстечкѣ. Изъ находящихся у меня бумагъ, я уже зналъ о жизни и судьбѣ этого художника, сдѣлавшагося въ концѣ концовъ монахомъ, но мнѣ ничего еще не было извѣстно о его происхожденіи и юныхъ годахъ. Напрасно я старался собрать интересующія меня свѣдѣнія у окрестныхъ жителей—ихъ нельзя было раздобыть, такъ какъ старожилы умерли, а молодые врядъ-ли помнили.

Я уже потерялъ всякую надежду узнать что-либо по данному предмету, какъ однажды, сидя въ маленькой комнатѣ одного изъ лучшихъ постоянныхъ дворовъ въ мѣстечкѣ, мнѣ пришла фантазія отъ скуки побесѣдовать съ своимъ хозяиномъ, старымъ сѣдобородымъ евреемъ. Глаза его были очень живые, а голосъ, несмотря на столь преклонные года, былъ довольно звучный и сильный. Бесѣда, какъ обыкновенно, началась съ вопросовъ. Еврей старался узнать, кто я такой, откуда, куда и по какому

дѣлу ѣду; я, въ свою очередь, небрежно спрашивалъ объ окрестныхъ жителяхъ, о цѣнахъ на хлѣбъ и т. д.

— А вы въ первый разъ въ этой мѣстности? спросилъ еврей.

— Нѣтъ, я уже нѣсколько разъ былъ какъ здѣсь, такъ и въ монастырѣ.

— Вы бывали въ монастырѣ?

— Да, когда еще жили здѣсь капуцины.

Мнѣ вспомнился братъ Маріанъ и я невольно вздохнулъ.

— Жаль добрыхъ монаховъ,—замѣтилъ старикъ,—съ того времени, какъ ихъ нѣтъ, мѣстечко пришло въ запустѣніе.

— Вы навѣрное хорошо знали монаховъ?

— О! о! почему нѣтъ?! рѣшительно всѣхъ! Я снималъ у нихъ кусокъ земли.

Слово за словомъ—и мы наконецъ добрались до брата Маріана.

— Вы говорите про художника?—спросилъ еврей.

— Развѣ вы его знали?—подхватилъ я съ любопытствомъ.

— Почему мнѣ не знать его!—пожавъ плечами, воскликнулъ еврей.

— Откуда онъ родомъ?

— Братъ Маріанъ былъ родомъ почти изъ самаго мѣстечка. Если-бы теперь не было темно, я показалъ-бы вамъ мѣсто, гдѣ стоялъ домъ его отца. Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что я знаю про него и про его отца. Навѣрно никто о нихъ лучше меня не знаетъ во всей окрестности.

Такимъ образомъ, я совершенно случайно узналъ первую часть исторіи, дополнившей ранѣе добытыя мною свѣдѣнія, которыя мною переданы въ настоящей повѣсти.

Недалеко отъ описаннаго въ первой главѣ нашего литовскаго мѣстечка, за рѣченкой, черезъ которую былъ перекинутъ деревянный мостикъ, на краю лѣса, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, стоялъ небольшой домикъ. Нынче тамъ остались однѣ только развалины, да недалеко отъ нихъ старый, покрытый мохомъ, крестъ, свидѣтельствующій, что нѣкогда здѣсь проходила дорога.

Домикъ этотъ съ довольно затѣйливымъ крыльцомъ, окруженный бѣлыми плакучими березами и высокими соснами, представлялъ что-то среднее между жилищемъ мелкаго шляхтича и хатой крестьянина. Во дворѣ были расположены обычныя

хозяйственные постройки. За дворомъ, огороженнымъ каменною невысокой стеной, тянулись сады, а далѣе зеленѣли поля. Почти къ самому амбару примыкалъ лѣсъ, и часто въ весеннія утра здѣсь слышалось воркованье дикихъ голубей, странное постукиваніе дятла, а ночью нѣжныя причудливыя трели соловья.

Въ этомъ домикѣ жилъ тогда съ своимъ семействомъ нѣкій Вареоломей Ругпіутись. Само имя свидѣтельствовало о его происхожденіи, такъ какъ Ругпіутись по литовски означаетъ *заботящійся о посты*, тѣмъ не менѣе почтенный Вареоломей, уроженецъ Жмуди, здѣсь казался чѣмъ-то въ родѣ шляхтича, и по своему костюму отличался отъ окрестныхъ поселянъ. Его почтенные честные предки въ теченіе многихъ лѣтъ ни о чемъ другомъ не заботились, какъ о насущномъ хлѣбѣ, да о спасеніи души. Крѣпостные гетмана, построившаго вышеупомянутый капуцинскій монастырь, они въ потѣ лица трудились на своей нивѣ. Одинъ только Вареоломей случайно попалъ въ иное положеніе. Одинъ изъ потомковъ гетмана взялъ его въ число своихъ дворовыхъ. Вареоломей многому здѣсь научился, но многое и утратилъ изъ того, что составляетъ характерныя достоинства простолюдина. Онъ былъ очень любознателенъ, хватался рѣшительно за все и потому не пріобрѣлъ никакихъ основательныхъ познаній. Единственнымъ его стремленіемъ было сдѣлаться независимымъ и ради этой цѣли онъ не брезгалъ никакими средствами. Грубая лесть, низкопоклонничество, наглость, пронырство, все было пущено въ ходъ. Благодаря такимъ качествамъ, ему наконецъ удалось добиться своей цѣли, то есть, сдѣлаться не только свободнымъ человѣкомъ, но и хозяиномъ маленькой усадьбы, расположенной недалеко отъ мѣстечка. Итакъ, земля уже была въ его рукахъ и теперь приходилось позаботиться о постройкѣ жилища. Средствъ для достиженія этой цѣли у него не было, но за то была сильная воля.

Описанный нами домикъ былъ созданіемъ его рукъ, или по крайней мѣрѣ, его изобрѣтательности.

— Важное дѣло быть плотникомъ! — сказалъ онъ самому себѣ, почувя въ первой разъ на *собственномъ* полѣ. — Тутъ нѣтъ никакой мудрости. Топоръ, пила, бечевка, да охота — вотъ и вся штука.

На слѣдующій день Вареоломей купилъ въ мѣстечкѣ необходимые инструменты, но тѣмъ не менѣе для *безопасности*, какъ онъ говорилъ, пригласилъ на недѣлю плотника, чтобы присмотрѣться къ его работѣ. Черезъ недѣлю, выжавъ изъ мастера все, что только было возможно, Вареоломей разстался съ нимъ и, благодаря своей необыкновенной силѣ, одинъ сталъ таскать сосновыя бревна и уже на готовомъ фундаментѣ ставить срубъ. Работа кой-какъ подвигалась, но когда дѣло дошло до крыши, онъ понялъ, что этой задачи ему самому не разрѣшить и снова обратился за помощью къ плотнику. Поставивъ пару стропиль, Вареоломей опять рѣшилъ докончить постройку собственными руками и опять отдѣлался отъ мастера, который, видя, что надъ нимъ подшучиваютъ, очень разсердился. Хитрецъ, однако, ласково съ нимъ простился, даже поцѣловалъ его на прощанье и вернулся къ начатому домику. Сколько ему пришлось потрудиться при установкѣ остальныхъ стропиль, одному лишь Богу извѣстно. Часто, будучи не въ силахъ втащить какое-нибудь слишкомъ тяжелое бревно, онъ подкарауливалъ на дорогѣ отправлявшихся въ церковь крестьянъ и за веселыя прибаутки даромъ пользовался ихъ услугами.

Наконецъ стропила были поставлены, оставалось достать солому для крыши, оштукатурить и выкрасить стѣны.

Вареоломей долго ломалъ голову и наконецъ придумалъ.

Будучи въ услуженіи, онъ учился разнымъ ремесламъ и между прочимъ малярному дѣлу. Тамъ былъ какой-то нѣмецъ Клейнъ, что красилъ двери, окна, скамьи и даже сундуки. Вареоломей присматривался къ его работѣ, помогалъ растирать краски и наконецъ рѣшилъ, что онъ маляръ. Нѣмцу даже въ голову не могло прійти, что хитрый жмудинъ подстроитъ ему такую штуку и лишитъ его куска хлѣба. Черезъ нѣкоторое время Вареоломей отправился къ помѣщику и предложилъ даромъ выкрасить флигель, лишь бы только предоставить въ его распоряженіе краски, камень и кой-какія другія принадлежности этого искусства. Помѣщикъ согласился, Клейна удалили, на его мѣсто всяли жмудина, который съ торжествомъ выполнилъ взятую на себя задачу.

Вся дворня была поражена способностями Вареоломея, по-

мѣщикъ былъ очень доволенъ и въ награду подарилъ новому маляру всѣ необходимые инструменты.

И вотъ теперь, вспомнивъ свою спеціальность, онъ взялъ кисть и другія принадлежности, вздохнулъ, и, не мѣшкая, отправился въ сосѣднюю усадьбу.

Владѣльцемъ ея былъ бывшій экономъ имѣній потомковъ гетмана, извѣстный во всей окрестности скряга и плутъ. Въ ту минуту, когда Вареоломей, успѣвшій осмотрѣть всѣ строенія, вошелъ во дворъ, новый помѣщикъ въ бѣломъ кителѣ важно стоялъ на своемъ крыльцѣ.

Жмудинъ снялъ шапку и чрезвычайно почтительно привѣтствовалъ хозяина, приплетая къ его имени даже какой-то титулъ.

— Ахъ, это вы, господинъ Ругпіутисъ!—отвѣтилъ старикъ.—Ну, какъ поживаете?

— Плохо!—подумалъ Вареоломей.—Старый плутъ не хочетъ остаться въ долгу: за *титулъ* сейчасъ же дастъ *господина*, дѣло, вѣроятно, не выгореть!

— Какая наша жизнь!—сказалъ онъ громко,—все равно, что горохъ при дорогѣ. Вотъ вамъ такъ вѣрно живется не дурно. Но что я вижу? Вы построили великолѣпный домъ! Прелесть какой домъ!—восклицалъ жмудинъ, притворяясь, будто первый разъ его видитъ.—Честное слово, во всей окрестности нѣтъ ничего подобнаго. Въ полномъ смыслѣ слова барскій домъ.

— А вы что думали?—съ улыбкой проговорилъ чрезвычайно польщенный этимъ экск-экономъ.

— Ну, вы теперь настоящій помѣщикъ, баринъ съ головы до пятъ!

— Видите, дорогой мой, Богъ наградилъ меня и благословилъ мои честные труды. Впрочемъ, что изъ того, когда пришла уже старость и у меня почти нѣтъ зубовъ.

— Рассказывайте! Дай Богъ, чтобъ у меня были такіе зубы.

Вареоломей перекрестился, а затѣмъ добавлялъ:

— Но все-таки, на мой взглядъ, здѣсь кой-чего недостаетъ, нехорошо, ей Богу, не хорошо, не по барски, еще не все окончено.

— Что же вы там видите неоконченного, господинъ Ругниутись?!

Жмудинъ тяжело вздохнулъ и нѣсколько разъ печально покачалъ головой.

— Видѣлъ я,—сказалъ онъ, какъ бы про себя,—много барскихъ домовъ, но нигдѣ дѣло безъ этого не обошлось. Развѣ отложили на нѣкоторое время, но и въ такомъ случаѣ это нигуда не годится.

— Что вы тамъ бормочете: нигуда не годится?

— Конечно, дерево не покрашено! Ставни, окна, все мигомъ сохнетъ, полопается и сгніетъ!

— Почему-же? Дерево сухое.

— Вы вѣроятно изволите шутить. Это нисколько дѣлу не поможетъ, разъ дерево не покрашено.

— Ужъ не предполагаете-ли вы, что я буду красить?

— Не знаю, но если-бы вы пожелали сдѣлать все дѣйствительно по-барски, то необходимо было-бы покрасить.

— Хитрецъ, хочетъ получить у меня работу.

— Ха! ха! я? воскликнулъ Вареоломей съ притворнымъ удивленіемъ.—Вы какъ разъ попали. Могу увѣрить, что если-бы вы меня даже очень просили и давали бы большія деньги, то изъ этого ровно ничего-бы не вышло, такъ какъ у меня нѣтъ времени и я спѣшу въ Зацншки.

А въ Зацншкахъ жилъ заклятый врагъ эксъ-эконома, одинъ старый холостякъ, которому помѣщикъ новѣйшей формаціи не могъ простить какого-то оскорбительнаго восклицанія по поводу неудачнаго сватовства къ его сестрѣ.

— Меня подрядили тамъ выкрасить весь домъ заново и въ полномъ смыслѣ слова по-барски,—добавилъ жмудинъ.— Тотъ помѣщикъ ни въ чемъ себѣ не отказываетъ.

— Гм... въ самомъ дѣлѣ?—сквозь зубы процѣдилъ шляхтичъ.

— Какже! я даже взялъ у него задатокъ, мнѣ надо спѣшить, чтобы къ ночи быть уже на мѣстѣ, я далъ слово. Спокойной ночи!

— Обождите! обождите!—воскликнулъ эксъ-экономъ.—А въ какой цвѣтъ будете тамъ красить?

— Ужъ они не жалѣютъ! Honeste! Бѣлый цвѣтъ! бѣлый!—возразилъ Вареоломей.—Блейвейсомъ, весь домъ блейвей-

сомъ. Они говорили, что не желаютъ отдать такую работу этому пьяницѣ изъ мѣстечка, который дорого беретъ и прескверно дѣлаетъ, а потому приглашаютъ меня. Я довольствуюсь немногимъ. Спокойной ночи! Мнѣ надо спѣшить, не то опоздаю.

— Обождите, сами видите, что уже поздно, — не ясно пробормоталъ шляхтичъ, о чемъ-то думая. — Въ Зациски вы не попадете къ ночи. На кой чертъ вамъ такъ спѣшить? Усадьба не убѣжить, а пока переночуйте у меня.

Ругніутисъ хотя притворялся, что ему спѣшно, однако не заставилъ себя упрашивать и, съ минуту подумавъ, согласился. Послѣдствія этого дипломатическаго маневра оказались очень хорошія. Онъ порядочно заработалъ, да кромѣ того не въ счетъ платы работники эксъ-эконома даромъ сдѣлали ему крышу.

Кой-какъ окончивъ работу, жмудинъ поспѣшилъ домой.

Не хватало оконъ и дверей, но Ругніутисъ не тревожился, подумалъ немного, нахлобучилъ шапку и съ важнымъ видомъ отправился въ мѣстечко. Въ данномъ случаѣ необходима была болѣе, чѣмъ когда-либо, важность.

Предстояло разрѣшить вопросъ гораздо сложнее предыдущаго: надо было достать кирпичей, извести и денегъ. «Мастера, — думалъ онъ, — мнѣ не надо; не святые горшки обжигаютъ. Видѣлъ я не разъ, какъ ставятъ печи, отчасти знаю, какъ укладываются кирпичи, какъ устраивается сводъ и разводится известь, но вопросъ-то заключается въ томъ, откуда достать кирпичей и извести. Этого я уже самъ не сдѣлаю и потому надо откуда-нибудь достать.

Сначала жмудинъ хотѣлъ купить все недостающіе матеріалы, но сосчитавъ хранившіяся въ карманномъ кошелькѣ деньги, рѣшилъ, что если все онъ уйдетъ на эту покупку, то не на что будетъ начинать хозяйства.

Оставалось употребить все усилія, чтобы достать кирпичи и известь какъ-нибудь безъ денегъ.

Съ этой цѣлью Ругніутисъ направился къ еврею, владѣльцу кирпичнаго завода, и заявилъ, между прочимъ, что онъ служить въ сосѣднемъ громадномъ имѣніи. Жмудинъ подробно разспрашивалъ обо всехъ сортахъ кирпича, о цѣнѣ каждаго сорта, и намекнулъ владѣльцу завода, что въ имѣніи предпо-

лагается построить новую конюшню и для этого понадобится не меньше двухсотъ тысячъ кирпича. Евреи легко повѣрили его словамъ, такъ какъ знали, что у помѣщика нѣтъ кирпичнаго завода.

Ругпіутисъ осматривалъ все чрезвычайно обстоятельно и наконецъ, сдѣлавъ видъ, что хочетъ удалиться, но владѣлецъ Хаимъ, старый воробей, удержалъ его, поставилъ на столъ кварту меду и сталъ допытываться.

Жмудинъ сначала притворялся дурачкомъ, а затѣмъ немного пьянымъ.

— Видите-ли, — сказалъ онъ добродушно, — это дѣло еще отдаленное и не вполне рѣшенное. Если кирпичъ будетъ дорогъ, то построить деревянную конюшню, если же...

Еврей, предполагая, что здѣсь скрывается какая-то тайна, прервалъ его съ горячностью:

— Почему вы думаете, что кирпичъ будетъ дорогъ?

— Я заглянулъ къ вамъ просто по дорогѣ, — добавилъ Ругпіутисъ. — Меня сюда никто не посылалъ, могу васъ въ этомъ увѣрить. Я хотѣлъ только посмотрѣть, что у васъ тутъ дѣлается.

— Не притворяйтесь.

Жмудинъ сталъ клясться и такъ отчаянно, что Хаимъ еще болѣе утвердился въ своемъ предположеніи, что неожиданный гость былъ тайнымъ посломъ.

— Чего вы пристали ко мнѣ! — точно защищаясь, говорилъ Вареоломей. — Я ничего не знаю и зашелъ сюда безъ всякой задней мысли, я самъ недалеко отсюда затѣялъ постройку, нуждаюсь въ кирпичѣ и потому хотѣлъ прицѣниться, и если бы цѣна оказалась подходящей, то можно было бы намекнуть объ этомъ помѣщику.

Жмудинъ такъ ловко игралъ комедію, что еврей, въ надеждѣ заработать на продажѣ двухсотъ тысячъ кирпичей, далъ ему за содѣйствіе даромъ тысячи двѣ кирпичей. Къ счастью, вскорѣ дѣйствительно послѣдовалъ отъ помѣщика заказъ и Хаимъ остался при своемъ убѣжденіи, что дѣло это не обошлось безъ вліянія Вареоломея, къ которому съ того времени сталъ относиться съ еще большимъ уваженіемъ.

Когда кирпичъ былъ привезенъ Ругпіутису, снова пришлось

ломать голову надъ тѣмъ, откуда достать извести. Наконецъ онъ вспомнилъ, что монахи выдѣлываютъ извести, и немедленно отправился къ нимъ. Прежде всего Вареоломей вошелъ въ церковь и сталъ горячо молиться. Послѣ богослуженія побѣждалъ онъ къ настоятелю. Низко поклонившись и поцѣловавъ его руку, жмудинъ глубоко вздохнулъ.

— Ну, что скажешь, сынъ мой? — ласково спросилъ настоятель. — Что ты такъ глубоко вздохнулъ?

— Я, отче, пришелъ съ вами посовѣтоваться.

— О чемъ именно?

— Лишь бы вы только милостиво меня выслушали.

— Почему-же и нѣтъ, мой дорогой; что могу, то сдѣлаю съ удовольствіемъ.

— Видите ли, у меня былъ сонъ.

— Нельзя вѣрить снамъ.

— Я знаю, но сонъ былъ очень странный.

— Напримѣръ? — спросилъ настоятель, нюхая табакъ. — Что-же въ немъ было страннаго?

Ругнувшись снова глубоко вздохнулъ и проговорилъ:

— Надо вамъ сказать, что я человѣкъ бѣдный и круглый сирота. Помѣщикъ вывезъ меня изъ Жмуди, и послѣ многихъ лѣтъ вѣрной и усердной службы подарилъ мнѣ кусокъ земли на самомъ краю лѣса. Я собственными руками и съ большими усиліями построилъ скромный маленькій домикъ. Кирпичъ у меня есть, а извести нѣтъ. Известь не даетъ мнѣ ни спать ни ѣсть, а купить не на что. И вотъ вчера совершенно измученный этой неустанно терзающей меня заботой...

Настоятель усмѣхнулся и снова понюхалъ табакъ.

— Я заснулъ. Внезапно во снѣ я вижу мою Святую покровительницу, какъ бы парящую въ облакахъ и оттуда доносятся ея слова: «То, чего такъ страстно жаждешь, ты найдешь у отцовъ капуциновъ. Завтра горячо помолись въ церкви, а затѣмъ иди къ отцу настоятелю, низко поклонись ему и обращешь то, что такъ алчетъ твоя бѣдная душа. Онъ тебя пойметъ, выслушаетъ, одаритъ и отпустить съ миромъ». Я проснулся, весь покрытый холоднымъ потомъ, тотчасъ помолился и вотъ теперь низко кланяюсь.

Настоятель весело захохоталъ.

— А знаешь-ли, сынъ мой?—сказалъ онъ,—должно быть, ты правду говоришь; я теперь вспоминаю, что мнѣ тоже снилось, будто я тебѣ далъ извести, но вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ приказъ съ неба, чтобы за каждый гарнецъ высыпать тебѣ тридцать ударовъ нашей капудинской плетью.

Вареоломей поблѣднѣлъ.

— Такого рода сны надо свято исполнять, такъ какъ они очевидно ниспосланы небомъ,—добавилъ настоятель.—Сколько же, тебѣ, сынъ мой, надо гарнцевъ извести?

Жмудинъ почесалъ затылокъ и думалъ о томъ, какъ-бы вывернуться изъ столь щекотливаго положенія, но въ первую минуту не находилъ выхода.

Настоятель съ улыбкой смотрѣлъ на хитреца.

— Что-то никакъ не могу подсчитать,—сказалъ наконецъ Ругпиутись.—Но знаете-ли, благодѣтель, какъ мы сдѣлаемъ? Я теперь покорнѣйше прошу дать мнѣ извести, а долгъ свой я отдамъ потомъ, когда уже будетъ вполнѣ извѣстно, сколько съ меня, или вѣрнѣе—мнѣ, слѣдуетъ получить.

Вдоволь нахохотавшись надъ выдумкой хитраго мужика, настоятель охотно исполнилъ его просьбу, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ ему должное внушеніе: «Трудись, мой сынъ,—сказалъ пастырь:—тебѣ легко заработать на свои нужды; запомни хорошенько, что стыдно и унижительно попрошайничать, да еще съ помощью разныхъ выдумокъ».

Однако вмѣсто обѣщанныхъ плетей, Вареоломею приказано было только выкрасить церковную балюстраду и кладбищенскія ворота.

Такимъ образомъ, получивъ всѣ необходимые матеріалы, Ругпиутись взялся за работу, но она ему не легко давалась, такъ какъ многое изъ того, что зналъ, забылъ, да и не было у него надлежащей опытности. Долго не думая, жмудинъ отправился въ мѣстечко, заглянулъ ко всѣмъ мастерамъ, къ которымъ въ данныхъ обстоятельствахъ относился съ особеннымъ уваженіемъ и, потѣшая ихъ разными анекдотами, внимательно присматривался къ интересовавшей его работѣ. Черезъ нѣсколько дней Ругпиутись вернулся домой и смѣло принялся за установку дымовой трубы. Хотя она не особенно вышла удачной и не совсѣмъ подошла къ оставленному къ крышѣ отверстию,

но все же была окончена. Съ печью произошло не мало затруднений, но съ грѣхомъ пополамъ и эта одна изъ главныхъ принадлежностей жилья была поставлена.

Теперь оставалось сдѣлать двери и окна. Закрывъ главный входъ какими-то досками, Варѣоломей снова отправился въ мѣстечко.

«Мнѣ теперь необходимо, — думалъ онъ по дорогѣ, — подружиться съ какимъ-нибудь столяромъ. Вообще, всѣ столяры очень честные и добродѣтельные люди, не то, что печники. Правда, столяры подчасъ любятъ здорово выпить, но кто же безъ слабости? Теперь, въ особенности, всѣ печники кажутся мнѣ почему-то крайне несимпатичными людьми».

Онъ вспомнилъ всѣхъ знакомыхъ въ мѣстечкѣ столяровъ, но пока еще не сдѣлалъ выбора.

Ругнѣутись, однако, былъ человѣкъ опытный, а потому прежде всего направился въ кабакъ, гдѣ, какъ извѣстно, легче всего не только завязываются, но и кончаются всякія знакомства. Сѣвъ на скамью, онъ ждалъ, кого пошлетъ ему судьба, твердо вѣря въ счастливыя случайности, которыя въ слѣдствіе большой набожности называлъ Провидѣніемъ.

Счастье, какъ всегда, благопріятствовало ему.

Подъ вечеръ сюда пришла за водкой Юстыся, дочь цехового мастера Луки, съ которой Варѣоломей былъ еще раньше знакомъ. Необходимость заставляла поухаживать за дочкой столь почтеннаго человѣка, а такъ какъ послѣ пива это не составляло особеннаго труда, то онъ очень скоро отъ обычнаго привѣтствія перешелъ къ вопросамъ о здоровьи достойнаго семейства и наконецъ проводилъ дѣвушку до самыхъ дверей отцовскаго дома.

Юстыся, какъ единственное дѣтище почтеннаго Луки, пользовалась большой свободой, и потому, въ благодарность за выказанную жмудиномъ любезность, пригласила его въ квартиру.

Лука сначала принялъ нежданнаго гостя не особенно дружелюбно и приписалъ это посѣщеніе не столько красотѣ Юстыся, сколько желанію вмѣстѣ распить принесенную водку. Но когда ловкій Ругнѣутись, разгадавъ причину холоднаго пріема, отказался отъ предложенной рюмки и всецѣло, казалось, заинтересовался Юстысей, отношеніе къ гостю совершенно измѣнилось.

Столяръ тотчасъ вспомнилъ, что Вареоломей человѣкъ свободный, имѣеть землю и по слухамъ даже денежки. Холодность быстро преобразилась въ дружбу, въ особенности, когда гость послалъ за медомъ и началъ восхвалять профессію хозяина.

— Съ виду, — говорилъ онъ, — столяръ какъ будто ничего особеннаго не представляетъ, а между тѣмъ, шутка-ли сказать: стоитъ, напримѣръ, дерево, толстый неуклюжій стволъ, но пусть возьмется за него столяръ и тотчасъ все измѣнилось. Простое бревно превращается въ столы, стулья, шкапы; ну, просто любо взглянуть! Вотъ это такъ искусство! А то, что за мудрость поставить печь? Ее всякій дуракъ сумѣетъ сдѣлать. Столяръ совсѣмъ другое, вотъ это человѣкъ.

Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ меду, бесѣда приняла болѣе сердечный и даже интимный характеръ. Жмудинъ съ увлеченіемъ разсказалъ о постройкѣ дома и нѣкоторыхъ своихъ планахъ.

— Теперь, — закончилъ онъ, — свивается гнѣздо, а затѣмъ придется подумать о птичкѣ. Человѣку нельзя жить въ одиночествѣ, надо непременно имѣть вѣрную подругу жизни, съ которой можно было бы подѣлиться какъ горестями, такъ и радостями.

Мастеръ принялъ его слова, какъ деликатный намекъ на Юстысю, которой, между прочимъ, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, необходимо было какъ можно скорѣе выйти замужъ. На Вареоломея приготовили сѣти и заставили его пробыть въ мѣстечкѣ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ онъ успѣлъ завязать знакомство со стекольщикомъ и уговориться насчетъ оконъ, за что обѣщалъ тому выкрасить два шкапа. Жмудинъ такъ быстро сумѣлъ убѣдить еврея въ необходимости имѣть шкапы выкрашенными, что тотъ даже удивлялся, какъ это раньше ему не пришла въ голову такая счастливая мысль.

Со столяромъ, однако, дѣло шло туго: надо было въ самомъ дѣлѣ ухаживать за Юстысей, къ которой Ругпіутисъ не чувствовалъ особенной симпатіи, и потому боялся, какъ бы потомъ не предъявили претензіи и не заставили жениться. Юстыся, опасная сирена, ощущала непреодолимое и похвальное желаніе выйти замужъ и такъ старалась обворожить милаго кавалера,

что тотъ не на шутку встревожился и невольно призадумался надъ своимъ щекотливымъ положеніемъ. Напрасно Варѳоломей старался вести свои сердечныя дѣла не торопясь, съ нѣкоторыми паузами, обошительница, напротивъ, влекла его къ желанной дѣли полнымъ ускореннымъ ходомъ. Исторія съ дверью и скамьями могла окончиться трагически. Во время замѣтивъ опасность, жмудинъ, послѣ продолжительныхъ размышленій, далъ тягу и дня на три куда-то исчезъ.

Вернувшись домой, Ругніутись снова принялся мастерить, но нельзя сказать, чтобы особенно удачно. Однажды стругая какую-то доску, онъ случайно взглянулъ въ окно и обомлѣлъ: по дорогѣ изъ мѣстечка прямо къ его дому направлялась Юстыя. Варѳоломей, быстро прошептавъ: «И не введи насъ во искушеніе!» полѣзъ на чердакъ, втащилъ туда-же лѣстницу и забился подъ сѣно. Векоръ слышались шаги, а затѣмъ звонкій голосъ:

— Господинъ Ругніутись! Господинъ Ругніутись!

Варѳоломей черезъ небольшое отверстіе смотрѣлъ на красивую статную Юстыю и, обливаясь холоднымъ потомъ повторялъ: «И не введи насъ во искушеніе.»

Дѣвушка, напѣвая какую-то веселую пѣсенку, обошла всю квартиру, точно свою собственность, и наконецъ, видя, что никого здѣсь нѣтъ, оставила на столѣ томпаковое кольцо и медленно отправилась назадъ въ мѣстечко.

Этимъ, впрочемъ, закончился начатый романъ, такъ какъ Юстыя дольше не могла ждать и черезъ мѣсяцъ вышла замужъ за постушившаго къ ея отцу подмастерья. У Ругніутиса хватило наглости явиться на свадьбу, и онъ такъ ловко солгалъ, что будто теперь только вернулся съ какой-то экстренной дальней поѣздки по дѣламъ помѣщика, такъ притворялся огорченнымъ всѣмъ случившимся, что добрая Юстыя повѣрила пройдохѣ и долго потомъ была его вѣрнѣйшимъ другомъ.

По ея желанію, послушный мужъ даже кой-что исправилъ въ домѣ Варѳоломея.

Построенное жилище, однако, не отличалось особенными удобствами, такъ какъ отъ стѣнъ и оконъ дуло, двери плотно не закрывались, печь страшно дымила, но пока что надо было со всѣмъ этимъ примириться.

Ругнутись хлопоталъ о необходимыхъ хозяйственныхъ принадлежностяхъ, въ чемъ помогала ему своими совѣтами вѣрная Юстыя, отъ которой теперь уже не приходилось прятаться на чердакъ.

Но настала весна и Вореоломей рѣшилъ, что такъ бобылемъ жить нельзя и надо получше устроить свою судьбу, то-есть жениться и конечно на богатой.

Поручивъ знакомому лѣснику наблюдать за его домомъ, онъ помолился и отправился, куда глаза глядятъ, искать счастья.

Опредѣленнаго плана у него не было и онъ почти случайно побрелъ къ старому холостяку въ имѣніе Зациски. Здѣсь жилъ нѣкій господинъ Бурда съ своей сестрой Вероникой, особой не особенно молодой, но тѣмъ не менѣе нисколько не потерявшей надежды выйти замужъ.

Господинъ Бурда не обладалъ особенно презентабельной наружностью. Лицо его, изрытое оспой, имѣло какой-то грязновато-красный оттѣнокъ и было покрыто цѣлымъ ассортиментомъ разнообразнаго вида бородавокъ. Несмотря на такія, быть можетъ, излишнія добавленія, онъ въ тѣ благословенныя времена считался довольно интереснымъ кавалеромъ, вѣроятно, болѣе всего на основаніи поговорки, что мужчина достаточно быть немного привлекательнѣе чорта, чтобы считаться красавцемъ. Бурда обладалъ этимъ *немногимъ* и повидимому былъ доволенъ своей судьбой. Если мы прибавимъ, что его скуластое, съ симметрично расположенными бородавками, лицо окаймлялось красно-рыжими бакенбардами, то получится болѣе или менѣе вѣрный портретъ этого въ нѣкоторомъ родѣ почтеннаго человѣка. Mademoiselle Вероника чуть-чуть напоминала брата, но все же была неизмѣримо красивѣе его. У нея тоже была бородавка, но только на ухѣ и притомъ такая незначительная, что нисколько не вредила ей и даже напротивъ, точно придавала своеобразную пикантность. Она была толстенькая, кругленькая, румяная блондинка, любящая повеселиться, попокетничать и немножко посудачить.

Бурда очень любилъ охоту, не прочь былъ въ хорошей компаніи выпить, но болѣе всего имѣлъ слабость къ женщинамъ. Въ молодости онъ постоянно влюблялся, а въ зрѣлые годы ухаживалъ за всѣми болѣе или менѣе хорошенькими де-

ревенскими дѣвущками. Mademoiselle Вероника смотрѣла на подобныя увлеченія сквозь пальцы, держала себя въ полномъ смыслѣ слова нейтрально даже въ тѣхъ случаяхъ, когда слиш-комъ игривый Бурда посягалъ на дѣвичью, находившуюся подъ ея непосредственнымъ наблюденіемъ. Благодаря такой мигкой снисходительности, она снискала уваженіе и неизмѣн-ное расположеніе брата.

Кто знаетъ, не было-ли въ этой снисходительности нѣко-торого разчета? Слухи ходили, что, закрывая глаза на ша-лости брата, сестра такимъ образомъ преграждала ему путь къ женитбѣ, въ надеждѣ послѣ его смерти остаться владѣ-лицей имѣнія. Вероника лѣтъ на двѣнадцать была моложе го-сподина Бурда, который только въ случаѣ крайней необходи-мости признавался, что ему уже подъ сорокъ.

Но вернемся къ Ругпіутису. Войдя во дворъ, онъ мол-вергся нападенію цѣлой стаи собакъ; ему, пожалуй, пришлось-бы плохо, если-бы хозяева, услышавъ крики и лай, не вышли къ нему на помощь.

Жмудинъ снялъ шапку и почтительно раскланялся.

— Откуда вы, любезнѣйшій?—спросилъ Бурда.

— Вы, я вижу, меня не узнаете?

— Честное словъ, нѣтъ! Впрочемъ, позвольте, да вы не изъ того-ли имѣнія (онъ указалъ рукой направо)?

— Да, да,—отвѣтилъ Ругпіутисъ, — а теперь владѣлецъ собственнаго, въ нѣкоторомъ родѣ, хутора и кромѣ того, по ста-рой памяти, маляръ. Я выкрасилъ недавно весь домъ въ Но-вомъ Дворѣ.

— Ахъ, да! у этого новоиспеченнаго шляхтича, у этого..

— Живодера!—добавилъ Вареоломей.

— Ха! ха! отлично, ты правъ, онъ именно живодеръ. Отецъ его торговалъ лошадьми, а сынъ съ людей шкуру деретъ. Те-перь уже я иначе и не буду его называть.

— Сестрица, прикажи дать этому человѣку водки, но какъ бывшему дворовому, то не простой, а старой. Ну, что слышно и какъ ты сюда попалъ?

— Я ищу работы, можетъ быть, у васъ что-нибудь найдется?

— Посмотримъ. Но прежде всего расскажи, что дѣлается въ Новомъ Дворѣ.

Жмудинъ сообразилъ, что Новый Дворъ надо выкрасить въ черную краску, не щадя ни владѣльца, ни его присныхъ, а такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ о немъ ничего хорошаго нельзя было сказать, то безъ всякаго удержу далъ волю своему языку.

— Въ Новомъ Дворѣ, — проговорилъ онъ съ лукавой улыбкой, — обыкновенно какъ въ новомъ. Все тамъ новое, новопеченный баринъ одѣтъ съ иголочки, сапоги новые, такъ какъ недавно ходилъ въ смазныхъ сапожищахъ, барство новое, потому что безъ году недѣля, какъ самъ ломалъ шапку передъ бaramи. Помощникъ ругался, люди жалуются и не знаютъ какъ держать себя. Хочетъ жить по барски, но что-то не ладится и очень часто изъ подъ барскаго кунтуша высовывается ногайка эконома. Онъ уже купилъ экипажъ послѣ покойнаго священника изъ Хорохорова, такъ какъ находить для себя неприличнымъ ѣздить въ простой бричкѣ.

Бурда слушалъ, хохоталъ и подзадоривалъ Варѣоломея. Въ концѣ концовъ, шляхтичу такъ приплась по вкусу болтовня хитраго жмудина, что онъ пригласилъ его переночевать, весь вечеръ бесѣдовалъ съ нимъ, угощая пивомъ и водкой, къ которымъ Ругпіутисъ чувствовалъ почти врожденное влеченіе.

На слѣдующій день утромъ нашлась кой-какая работа, подъ предлогомъ которой Бурда задержалъ Варѣоломея. Въ сущности, помѣщику хотѣлось имѣть человѣка, съ которымъ можно было-бы поохотатъ и ни въ чемъ не стѣсняться. Жмудинъ тѣмъ временемъ, растирая краски, наблюдалъ за всѣмъ и конечно не ради какой-нибудь выгоды, а просто потому, что такова была его натура.

Подъ вечеръ, кончая работу, и поглядывая на всѣхъ проходящихъ по двору, онъ невольно обратилъ вниманіе на одну очень красивую брюнетку, съ виду совершенно непохожую на дворовыхъ дѣвушекъ. Въ выраженіи ея лица, манерахъ, походкѣ, во всѣхъ движеніяхъ было что-то гордое, барское; костюмъ ея былъ скромнень, но полонъ изящества.

Ругпіутисъ, пораженный красотой молодой дѣвушки, жадно слѣдилъ за ней глазами, но какъ разъ въ эту минуту подошелъ Бурда и, поймавъ жмудина на мѣстѣ преступленія, со смѣхомъ крикнулъ:

— Ты что же заглядываешься на моихъ дѣвушекъ?

Вареоломей смутился и, не зная что сказать въ свое оправданіе, началъ отчаянно растирать краски.

— Кто же тебя такъ поразилъ?—допытывался Бурда,—строгая-ли Настя, ревниво охраняемая экономомъ, румяная-ли Параська или, быть можетъ, сама Франка?

— Всѣ три,—оправившись отъ смущенія, отвѣтилъ Ругніутись.

— Это слишкомъ много,—со смѣхомъ сказалъ Бурда.

— Для глазъ не много,—возразилъ жмудинъ.

— А вѣдь правда, что Франка хороша?—спросилъ старый холостякъ.

— Которая это?

— Точно самъ не знаешь! тоже франтъ! Ну, конечно брюнетка въ розовомъ платьѣ.

— Да, дѣйствительно, очень хороша, совсѣмъ королева.

Бурда призадумался.

— Знаешь что?—сказалъ онъ черезъ минуту,—у тебя есть домъ, земля, она тебѣ, какъ видно, очень нравится, такъ не хочешь-ли на ней жениться? Я буду твоимъ сватомъ.

Вареоломей поглядѣлъ на помѣщика, но, принявъ это за шутку, пожалъ плечами и со вздохомъ проговорилъ:

— Буда мнѣ соваться къ такой красавицѣ!

— Не безпокойся, она сирота и взята изъ милости моей сестрой. Разумѣется, если ей придется выйти замужъ, мы дадимъ ей приличное приданое и немного денегъ. Вотъ тебѣ подходящая жена.

— Она не пойдетъ за меня, ужъ слишкомъ важная барышня.

— А! а! это такъ только издали кажется.

— Да? вы, вѣроятно, ее ближе знаете?—ядовито ругніутись.

Бурда взялъ его за ухо.

— Плутъ, не слишкомъ ли ты догадливъ?

— Это объясняется тѣмъ, что я долго служилъ у извѣстнаго вамъ господина.

— Но у меня совсѣмъ иначе, у меня не можетъ.

— О! хо! хо!—пробормоталъ жмудинъ красками. Знаютъ и васъ, слухомъ зем-

ромъ шляхтичи, отправляясь съ своими дочерями на храмовой праздникъ въ Хорохорово, стараются не проѣзжать мимо вашего имѣнія.

Бурда весело засмѣялся.

— Относительно Франки тебѣ нечего бояться: она не для меня и постоянно находится при моей сестрѣ.

Вареоломей, съ минуту подумавъ, проговорилъ:

— Замѣчательно хороша, только уже слишкомъ у нея барскій видъ.

— Кромѣ того, она трудолюбива, — добавилъ помѣщикъ, — и ласкова, какъ голубка!

— Что-же вы такъ ее расхваливаете? искоса взглянувъ на него, — спросилъ жмудинъ.

— Шутки въ сторону, въ самомъ дѣлѣ женись, — торопилъ Бурда.

— Да, видите ли, мнѣ нужна жена съ многими добавленіями: съ деньгами, съ коровами, съ лошадыю и полными сундуками.

— Франка получить хорошее приданое.

— Все было-бы прекрасно, если бы только не вы ее рекомендовали, — со смѣхомъ возразилъ Вареоломей.

— Что-же тутъ худого? Будешь имѣть во мнѣ покровителя и больше ничего.

— И друга моей жены? не правда-ли?

Оба засмѣялись, и пока на этомъ бесѣда закончилась.

Вечеромъ Ругпіутись отправился разузнавать все, что касалось Франки, но дворовые, точно сговорившись, въ одинъ голосъ возносили до небесъ прелестную дѣвушку, не обмолвившись ни однимъ словомъ о какомъ нибудь ея недостаткѣ. — Что? — сказалъ жмудинъ эконому, болѣе всѣхъ Франку, — вамъ бы слѣдовало на ней жениться. — Какой дуракъ, — возразилъ тотъ, махнувъ рукой. — Хотите этимъ сказать?

— Вирилъ эконому, — считаете себя умнымъ чепухомъ оказываетесь въ данномъ случаѣ очень глупымъ. Ника не правится самому помѣщику, но онъ ей ухаживать, такъ какъ она горда, какъ павлинъ. Она хорошо знаетъ, что дѣвушка прого-

нить его со стыдомъ, и будетъ скандалъ. Вотъ онъ притаился и поджидаетъ какого нибудь пентюха, который женится на ней, а тогда хитрецъ и приударить за красавицей.

— Такія-то дѣла!—воскликнулъ Вареоломей.—Вы совершенно правы, все это весьма возможно.

— Помѣщикъ,—добавилъ экономъ,—предлагалъ жениться, какъ мнѣ, такъ и другимъ, но меня тоже на сивой кобылѣ не объѣдешь. Что и говорить, Франка очень хороша, за ней дадутъ двѣ коровы, пару прекрасныхъ лошадей и многое другое, но..... Вотъ это «но» не особенно заманчиво. Я дѣлится не люблю.

Жмудинъ глубоко задумался, затѣмъ простился съ экономомъ и вышелъ на крыльцо.

— Эхъ!—сказалъ онъ наконецъ самому себѣ: — кто не рискуетъ, тотъ не выигрываетъ! Почему-бы не попытаться? Если-бы даже что-нибудь и случилось, такъ вѣдь я не первый и не послѣдній, наконецъ, это такіе пустяки, что о нихъ не только думать, но и обращать вниманія нечего.

По счастливой случайности, Ругіутисъ вскорѣ встрѣтилъ дѣвушку, разговорился съ ней и употребилъ всѣ усилія, чтобы произвести на нее самое благопріятное впечатлѣніе.

На слѣдующій день маляръ нѣсколько разъ бросалъ работу, чтобы поговорить съ Франкой, которая вовсе не дичилась и снисходительно относилась къ его ухаживанію.

Бурда весело наблюдалъ за завязывающимися отношеніями и ласково шутилъ.

Жмудинъ не отпирался, когда ему говорили, что онъ влюбленъ во Франку, и былъ очень оживленъ.

— Ну, что-же изъ этого наконецъ выйдетъ?—черезъ недѣлю спросилъ Бурда, когда уже вся дворня перешептывалась о любви литовскаго, какъ его называли, медвѣдя къ красавицѣ Франкѣ.

— Что-же можетъ быть?—возразилъ Ругіутисъ.—Медвѣдь, какъ обыкновенно медвѣдь, стребеть добычу и уйдетъ въ лѣсъ.

— Ну, вѣтъ, любезнѣйшій, врядъ-ли такъ случится—нахмурившись проговорилъ Бурда,—медвѣдя можно хватить коломъ.

— Какъ-такъ?

— Да такъ, что дѣло надо вести начисто, какъ слѣдуетъ быть. Долго амурничать нечего, надо жениться.

— А приданое будетъ?

— Я тебѣ не разъ уже говорилъ.

— Все это прекрасно, но я долженъ вамъ сказать, что если-бы кто-нибудь, давъ приданое моей женѣ, пожелалъ-бы меня опозорить...

— Ну, и что-же?— съ принужденной улыбкой спросилъ Бурда, — ну, и что-же?

— А то, что я не дался-бы.

— Кто тебѣ намолоть такой вздоръ?

— Никто, онъ самъ намолосся.

— Ну, такъ выкинь его изъ головы. Вѣдь вотъ выдумываетъ всякія глупости! Я просто хочу дать Франкѣ приданое, какъ награду за ея вѣрную службу моей сестрѣ и не имѣю къ ней никакой претензіи.

— Никакой претензіи?— наивно спросилъ жмудинъ, притворяясь легковѣрнымъ.

— Оставь меня въ покоѣ!— какъ бы съ нѣкоторымъ презрѣніемъ,— проговорилъ Бурда.— Да вѣдь она съ дѣтства воспитывалась у меня и вовсе не кажется мнѣ такой красивой какъ тебѣ.

— Въ такомъ случаѣ,— низко поклонившись, сказалъ Ругніутись,— я покорнѣйше прошу руки Франки, пожалуйста, не откажите. У меня есть земля и средства къ жизни.

Въ глазахъ Бурды появилось радостное выраженіе, онъ немедленно отправился къ сестрѣ. Варооломей кинулъ свои краски и побѣжалъ къ Франкѣ.

— Ну, что?— спросила она.

— Какъ что? Слово сказано.

— А Бурда?

— Считаешь меня, съ позволенія сказать, дуракомъ, и въ эту минуту слишкомъ ужъ веселъ. Только помните-же, барышня!

— Я, кажется, обѣщала,— гордо прервала Франка.

— Я сейчасъ уйду, какъ будто домой, но въ сумерки буду на сторожѣ. Если помѣщику что-нибудь взбредетъ въ голову, только кликните—и я мигомъ явлюсь.

Послѣ этихъ словъ, они тотчасъ разошлись. Когда Бурда вернулся, жмудинъ съ притворнымъ усердіемъ чистилъ свои инструменты.

— Радуйся, Ругніутись!— проговорилъ онъ:— твоя барышня

соглашается, я, разумѣется, тоже. Мы даемъ Франкѣ немного денегъ, двѣ коровы, двѣ кобылы съ жеребятами, десять штукъ овецъ и приличное приданое. Мы считаемъ своимъ долгомъ обезпечить спроту; сегодня будетъ обрученіе, а недѣли черезъ три—свадьба. Надѣюсь, ты будешь беречь свою жену и не заставишь насъ жалѣть того, что мы теперь для васъ дѣлаемъ.

Жмудинъ поклонился помѣщику до земли и проговорилъ:

— Если-бы не одинъ недостатокъ, я даже теперь могъ-бы поручиться, что Франка со мною будетъ вполне счастлива.

— Въ чемъ-же заключается этотъ недостатокъ?

— Боже, прости насъ грѣшныхъ, но надо сознаться, что всѣ Ругніутисы чрезвычайно подозрительны и ревнивы, это, должно быть, съ кровью передается изъ рода въ родъ. Дѣдъ мой изъ-за какого-то даже не совсѣмъ основательнаго подозрѣнія, въ пьяномъ видѣ, убилъ свою жену, отецъ тоже отличался ревностью, а дядя жестоко изуродовалъ комиссара, который былъ слишкомъ внимателенъ къ его женѣ.

— Ревнуй, сколько тебѣ угодно,—холодно сказалъ Бурда, угадавъ, къ чему это клонится.—Какое мнѣ дѣло до того, что вы ревнивы!

И онъ тотчасъ ушелъ, искоса взглянувъ на жмудина. Вечеромъ произошло обрученіе. Mademoiselle Вероника изрѣдка окидывала злобнымъ взглядомъ гордую, молчаливою Франку и хитраго жмудина; Бурда держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, время отъ времени значительно посматривая на красавицу-невѣсту, какъ-бы говоря:

— Не убѣжишь, голубушка, и раньше или позже будешь моей.

Сестра дсадивалась въ чемъ дѣло, и это видно было по ея насмѣшливой улыбкѣ при каждомъ взглядѣ на обрученную парочку. Вареоломей казался счастливымъ, ничего не подозрѣвающимъ женихомъ, но когда пиръ кончился и всѣ разошлись, онъ тотчасъ шмыгнулъ въ садъ и легъ подъ кустомъ сирени, недалеко отъ оконъ дѣвичьей комнаты.

На слѣдующій день утромъ, простившись со всѣми, онъ отправился якобы домой.

Послѣ ухода жениха, Бурда сталъ усиленно ухаживать за Франкой, а сестра его тѣмъ временемъ занялась приданнымъ дѣвушки.

Печальная и грязная исторія!

Но если, изображая жизнь, мы пожелали-бы игнорировать всё ея дурныя, отвратительныя стороны, то что-же бы осталось? Много-ли въ ней прекраснаго и чистаго? Жизнь состоитъ изъ свѣта и тѣней, а повѣсть — зеркало жизни, должна представлять во всей полнотѣ все, окружающее человѣка, весь его внутренній міръ.

Сколько на свѣтѣ гибнетъ существъ изъ-за господъ, подобныхъ Бурдѣ, для которыхъ ничего не составляетъ соблазнить молодую, неопытную дѣвушку.

На этотъ разъ, однако, планы Бурды не осуществились. На всё заигрыванья Франка отвѣчала молчаніемъ, или, что еще хуже, презрительнымъ смѣхомъ.

Бурда, привыкшій къ легкимъ побѣдамъ, понять не могъ такого упорства. Время между тѣмъ проходило быстро, приданое было почти окончено, до свадьбы оставалось немного. Каждую ночь Вареоломей незамѣтно прокрадывался въ садъ и стоялъ на часахъ подъ окнами своей невѣсты.

Наконецъ Бурда, выведенный изъ терпѣнія, незадолго до свадьбы, вечеромъ забрался въ спальню сестры, раздѣленную досчатой перегородкой, за которой въ послѣднія дни спала Франка, и спрятался въ углу, прикрывшись какой-то хламидой.

Когда всё уже въ усадьбѣ легли спать, внезапно среди ночной тишины раздался пронзительный крикъ Франки:

— Воръ! воръ!

Весь домъ переполошился. Mademoiselle Вероника, страшно боявшаяся воровъ и разбойниковъ, услышавъ этотъ возгласъ, съ головой забилась подъ подушки. Отовсюду слышались торопливые шаги людей. Вареоломей въ дорожномъ платьѣ, съ зажженной свѣчей, вбѣжалъ въ комнату.

— Ахъ, эты вы! — съ презрѣніемъ взглянувъ на помѣщика, воскликнула Франка.

— Ахъ, это вы! — съ низкихъ поклономъ повторилъ жмудинъ. — Если-бы моя невѣста узнала васъ, она навѣрно не вскрикнула-бы такъ громко.

Сказавъ это, онъ ядовито улыбнулся. Бурда былъ въ очень неловкомъ положеніи и дѣлалъ разныя знаки жмудину, чтобы тотъ не выдалъ его. Какъ всё лицемѣры, онъ болѣе всего

боялся огласки и скандала, для него важно было сохранять въ домѣ наружную благопристойность, которой требовалъ онъ даже отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

Ругніутись тотчасъ вошелъ въ его положеніе, улыбнулся и громко сказалъ, какъ бы тѣмъ, что стояли за дверью:

— Ничего, ничего, это котъ сбросилъ полку. Спокойной ночи, Франя; вы не удивляйтесь моему неожиданному визиту, я случайно проходилъ мимо усадьбы, и, услышавъ вашъ крикъ, подумалъ, не случилось-ли что-нибудь дурное, и поспѣшилъ на помощь.

Сказавъ это, онъ сдѣлалъ знакъ помѣщику, что все уладится. Люди удалились, свѣтъ погасъ, Бурда вышелъ вмѣстѣ съ Вареоломеемъ, который на прощанье тихо сказалъ своей невѣстѣ:

— Совѣтую вамъ запереть дверь на ключъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ котъ сумѣетъ даже дверь открыть, въ особенности, если почуетъ запахъ сыра.

Оставшись наединѣ съ помѣщикомъ, Ругніутись спокойно проговорилъ:

— Что-же теперь будетъ?

— А что-же можетъ быть? Спасибо тебѣ и.....

— Вы, я вижу, не сдержали слова и слишкомъ рано захотѣли украсить меня рогами, въ которыхъ я вовсе не нуждаюсь. Теперь мнѣ какъ-то не подобаетъ жениться на Франкѣ.

— Вотъ какъ?! хочешь что-нибудь выторговать?

— Развѣ можетъ быть рѣчь о торгѣ въ такомъ дѣлѣ, которое ничѣмъ нельзя вознаградить.

— Но я даже пальца ея не коснулся!

— Рассказывайте! Я ужъ знаю, что тутъ толковать.

Бурда съ самодовольной улыбкой увѣрялъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ.

— Честное слово, вамъ беспокоиться нечего, у меня болѣла голова, я пошелъ туда достать съ полки ландышевой воды, и...

— Полно рассказывать сказки! Но какъ бы тамъ ни было, а на будущее время я покорнѣе прошу оставить мою невѣсту въ покоѣ. Что же касается этого случая, то не мѣшало-бы вамъ чѣмъ-нибудь вознаградить вашего покорнаго

служу, потому что какъ-ни-какъ, а я пострадалъ и люди по-дымутъ на смѣхъ... При томъ вамъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что мнѣ извѣстно ваше благое намѣреніе сочетаться законными узами съ Магдалиной Снопко изъ Сухой Вербы. Такъ вотъ-съ, въ случаѣ какихъ либо между нами недоразумѣній, я могу сильно повредить вамъ, рассказавъ хотя бы нынѣшнюю исторію съ ландышевой водой, а тамъ въ этомъ отношеніи люди очень щекотливые.

Проговоривъ это, Ругніутись низко поклонился и быстро исчезъ.

Бурда былъ страшно раздраженъ неудачей, и хотя оставилъ въ покоѣ Франку, однако поклялся раньше или позже отомстить жмудину. У него на этотъ счетъ были разные планы: то отказать въ приданомъ, то дать скверныхъ лошадей или старыхъ коровъ, но въ концѣ концовъ раздумалъ, такъ какъ не терялъ надежды, что въ будущемъ Франка выкажетъ къ нему болѣе вниманія.

На свадьбѣ онъ постарался быть великодушнымъ: вмѣстѣ съ сестрой благословилъ молодыхъ и щедро одарилъ ихъ.

Когда они уѣзжали, Бурда стоялъ на крыльцѣ, чесалъ затылокъ и въ эту минуту имѣлъ довольно глупую фізіономію.

Сестра пронически улыбалась, а онъ тихо повторялъ:

— Ай да жмудинъ! Чортъ его зналъ, что онъ такой ловкій пройдоха! Вѣдь этакая каналья!

Въ то время, какъ Бурда находился въ такомъ минорномъ настроеніи духа, Ругніутись между тѣмъ пѣлъ радостные дифирамбы, погоняя откормленныхъ лошадокъ и время отъ времени съ улыбкой поглядывая на свою молодую жену. За ихъ бричкой тянулись два нагруженные воза, коровы и овцы.

Дома молодыхъ ждали гости, начались обычные поздравленія, потомъ веселый ужинъ и наконецъ танцы, продолжавшіеся до самаго утра.

На слѣдующій день около полудня, когда всѣ гости разъѣхались, Франка пошла устанавливать привезенныя вещи, а Вареоломей занялся чисткой сѣней.

— Надо непременно, — думалъ онъ про себя, — помолиться св. Антонію и поблагодарить его за женитьбу, потому что женился я на славу! Правду люди говорятъ, что смерть и же-

на Богомъ суждена! Ну, можно-ли было надѣяться! Изъ такой важной усадьбы вывести такое сокровище, такую драгоценность, такую жемчужину! Она прекраснѣе ангела! Скромна, съ приданымъ, внесла въ домъ все, что нужно, но самое главное то, что ласкова, какъ овечка, покорна и будетъ меня слушаться. Вотъ привалило счастье-то!

Отъ радости онъ даже запѣлъ, и если не мелодично, то по крайней мѣрѣ звонко.

Франка между тѣмъ неутомимо хозяйничала! Повѣсила образа, занавѣски, устала сундуки по разнымъ угламъ, занялась стряпней и, когда все было готово, позвала мужа обѣдать.

Вареоломей былъ въ великолѣпномъ настроеніи духа. Послѣ обѣда, усѣвшись какъ можно удобнѣе, онъ мягко спросилъ:

— А гдѣ-же, моя дорогая, ключи отъ денежной шкатулки?

— У меня!—коротко и сухо отвѣтила жена.

Вареоломей смутился.

— А! а!—пробормоталъ онъ,—а я думалъ....

— Что ты думалъ, я не знаю, но когда деньги потребуются, тогда мы посоветуемся и я дамъ.

— Посоветуемся! посоветуемся!—повторилъ, кивая головой, Ругніутись.—Я до настоящаго времени совѣтовался съ самимъ собою, да изрѣдка руководился снами.

— Очень натурально, такъ какъ меня не было. Теперь-же ты будешь совѣтоваться со мною,—проговорила жена.

— Натурально!—съ глупой улыбкой повторилъ жемудинъ.

— Внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ выраженіи глазъ и въ тонѣ Франки была такая твердость, что Ругніутись только теперь замѣтилъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Жаль, что вы мнѣ раньше этого не сказали,—проворчалъ онъ,—я бы подольше подумалъ, прежде чѣмъ жениться.

— Теперь уже нечего думать,—отвѣтила жена.—Я вышла за тебя замужъ, потому что мнѣ надоѣло сидѣть у Бурды, хотя я знала, что ты франтъ, лентяй, работаешь, когда тебѣ вздумается или когда явится охота, что случается не часто. Но съ Божьей помощью все это измѣнится.

— То есть, какъ это измѣнится?—все болѣе и болѣе удивляясь, спросилъ Вареоломей.

— Мы будемъ оба трудиться неустанно и собирать....

— А на чорта мы будемъ собирать?

— На черный день.

— А нынче?

— Нынче, вѣроятно, придется кой въ чемъ себѣ отказывать.

— Позвольте спросить, сударыня, сколько вамъ лѣтъ? —
внезапно спросилъ жмудинъ, вставая со стула.

— Двадцать первый годъ.

— Не можетъ быть! Вамъ, вѣроятно, значительно больше.

Франка улыбнулась.

— У тебя будетъ другъ, помощница, хозяйка, но надо остепениться.

— Всю жизнь я былъ степеннымъ, такъ что-же еще остепеняться.

— Надо забыть Юстыю.

— Кто же вамъ объ этомъ наболталъ?

— Были такіе люди.... Потомъ надо забыть водку, кутежи и зря не таскаться.

У Ругніутиса просто въ глазахъ потемнѣло, такъ какъ для него свобода была дороже всего. Онъ не выдержалъ и воскликнулъ:

— Позвольте! Я съума сойду съ вами. Что это значить?

— Это значить, что вы не вздумайте со мной шутки шутить. Если у тебя самого ума нѣтъ, то будешь меня слушаться.

— У меня уже и ума нѣтъ! у меня нѣтъ ума? А! а!....

Жмудинъ схватился за голову и выбѣжалъ изъ квартиры.

— Господи! Господи!—восклицалъ онъ чуть не въ отчаяніи,— что я надѣлалъ! что я надѣлалъ! Вотъ попался! Что-же будетъ потомъ, черезъ годъ, черезъ два, если теперь такое начало. Дѣло плохо, надо что-нибудь придумать.

Онъ тотчасъ хотѣлъ уйти изъ дому, чтобы съ кѣмъ-нибудь посоветоваться, но молодое красивое личико жены свое взяло и на время возстановило согласіе.

Вареоломей чесалъ затылокъ, бродилъ изъ угла въ уголъ, искалъ вездѣ ключей, лѣстилъ женѣ, но ничего не выходило.

Спустя мѣсяцъ, онъ не выдержалъ и отправился въ монастырь отцовъ капуциновъ посоветоваться съ настоятелемъ.

— Не опять-ли за известною?—съ улыбкой спросилъ ста-

рець,—а можетъ быть хочешь расплатиться и попробовать капucinскихъ ремней?

— Ой! ой! хуже, ваше высокопреподобіе,—у меня бѣда похуже, я пришелъ за совѣтомъ.

— Что-же случилось? Печь развалилась?

— Ахъ, если-бы только печь развалилась!.. Но, видите-ли, отче, я женился...

— Такъ какая-же бѣда? Развѣ ты разочаровался въ женѣ?

— Сохрани Богъ! Я такъ хорошо женился, такъ отлично, такъ великолѣпно, что даже слишкомъ.

— Почему же слишкомъ? Можетъ быть, Богъ благословилъ раньше времени?

— Сохрани Богъ! Жена моя сама добродѣтель!

— Что-же стара или некрасива?—спросилъ капucinъ.

— Ей только двадцать лѣтъ, она свѣжа, какъ ягода, а прекрасна, какъ ангель,

— Пожалуйста, не приплетай къ такимъ дѣламъ ангеловъ... вѣроятно, бѣдна?

— Нѣтъ, для меня, такъ очень богата, и даже слишкомъ.

— Такъ, быть можетъ, съ избыткомъ глупа?

— Вотъ, если-бы, благодѣтель, мнѣ такая досталась! Но въ томъ-то и дѣло, что она слишкомъ умна.

— Плохо себя ведетъ?

— Именно плохо, потому что хочетъ меня силой за носъ водить.

— Что-же она тебя ко злу ведетъ?

— Навѣрно, не къ добру; она хочетъ, чтобы я съ утра до ночи работалъ, а хуже всего то, что требуетъ чтобы я дома сидѣлъ.

— О!...

Настоятель такъ искренно и неудержимо сталъ хохотать, что по очереди хватался то за животъ, то за бока.

— Ваше высокопреподобіе изволите смѣяться, а между тѣмъ извѣстно, что гдѣ орудуетъ жена... Развѣ это возможно, чтобы женщина была главою дома?

— Поставь себя такъ, чтобы ты былъ главою дома.

— Въ томъ-то и бѣда, что не могу.

— Видно, любезнѣйшій, что ты слабѣе ея. Примирись съ

волей Божьей, а за то, что жена ни къ чему дурному тебя не ведетъ, такъ ты еще поблаговари ее.

— Я думалъ, что ваше высокопреподобіе мнѣ что-нибудь посовѣтуете.

— Напримѣръ, что-же я, по твоему, могъ-бы тебѣ посовѣтовать?

— Я предполагалъ, что вы, отче, сдѣлаете ей должное внушеніе. Я привелъ-бы ее сюда. Согласитесь, что это даже безбожно брать верхъ надъ мужчиной. Всѣмъ извѣстно, благодѣтель, что лишь только Евва стала распоряжаться въ раю, какъ тотчасъ все пошло вверху дномъ и изъ-за этого погибъ весь родъ людской. Съ той поры всегда, гдѣ только властвовала женщина, тамъ не было добра.

— Это правда,—сказалъ капуцинъ,—но то зло давно уже искуплено и ты безъ толку цитируешь священное писаніе.

Ругнувшись печально понурилъ голову.

— Что-же, однако, отче вы мнѣ посовѣтуете?

— Слушайся жены, пока она тебя учить добру, а если, сохрани Богъ, жена пожелаетъ совратить тебя на ложный путь, тогда не поддавайся и докажи, что ты глава дома.

— Я это ей безпрестанно повторяю, что я глава дома, а она, какъ ни въ чемъ не бывало, смѣется, да и только. Но послушайте еще. У нея хранятся кой какія деньжонки, но, ей Богу, я гроша изъ нихъ не пслучилъ; держать ихъ подъ замкомъ, а меня посылаетъ трудиться, зарабатывать. Мнѣ хотѣлось побывать на престольномъ праздникѣ, но развѣ при моихъ нынѣшнихъ обстоятельствахъ возможно было осуществить столь благое намѣреніе? Она мнѣ копѣйки не дала, чтобы чѣмъ-нибудь промочить горло или подкрѣпиться, вслѣдствіе чего заставила меня отказаться отъ такого важнаго праздника. Но вѣдь это грѣхъ, она можетъ погубить мою душу, это преступленіе.

Отецъ настоятель хохоталъ до упаду, а затѣмъ, потрепавъ Вареоламея по плечу, ласково сказалъ на прощанье:

— Иди, мой сынъ, и не безпокойся; твоя жена, очевидно, сумѣетъ лучше позаботиться о твоей душѣ, чѣмъ ты самъ.

Жмудинъ отправился къ Юстыѣ просить у нея совѣта, и, встрѣтившись съ нею на базарной площади, рассказалъ ей всю исторію. Юстыя сочувственно покачала головой и проговорила:

— Вотъ что, другъ мой: скажи ей, что ты хочешь ее покинуть, и увидишь, что она смягчится. Уйди, хотя-бы на короткое время, изъ дому.

— А Бурду забыла?—озабоченно спросилъ Варѳоломей.

— Онъ уже къ вамъ не заглянетъ.

— Кто знаетъ! Напротивъ, я увѣренъ, что онъ ждетъ только случая, когда я отлучусь изъ дому.

И его въ ту-же минуту будто что-то укололо; онъ поспѣшилъ проститься съ Юстысей и побѣжалъ домой. У забора стоялъ конь Бурды, а недалеко отъ коня лежала его собака.

— Не даромъ меня что-то укололо!—сказалъ онъ про себя. — А ну-ка послушаемъ, что они тамъ дѣлають.

И онъ медленно подошелъ къ окну.

Франка громко пѣла, Бурда пристально смотрѣлъ на нее. Она сидѣла за столомъ, а онъ на скамьѣ, недалеко отъ образа.

— Плохо,—подумалъ Варѳоломей: — они отодвинулись, вѣроятно, ждали меня... Это, должно быть, одно лишь притворство.

Но напрасно притаившись онъ стоялъ подъ окномъ. Франка все время держала себя замѣчательно строго и на всѣ заманчивыя предложенія отвѣчала категорическимъ отказомъ.

— Вотъ чортъ-баба!—сказалъ про себя Варѳоломей,—ничѣмъ ее уломать нельзя. Бѣшенный характеръ.

Черезъ нѣсколько минутъ Ругпіутись внезапно вошелъ въ комнату.

— А! вы здѣсь!—воскликнулъ онъ какъ бы съ удивленіемъ.

— Вотъ уже часа два, какъ тебя ждетъ господинъ Бурда,—замѣтила Франка,—хочетъ дать тебѣ работу въ своемъ новомъ, недавно купленномъ имѣніи.

— Такъ-съ, а тѣмъ временемъ его милость будетъ сторожить мою хату. О! нѣтъ... изъ этого ничего не выйдетъ.

— Я обойдусь безъ тебя и сама управлюсь съ хозяйствомъ,—презрительно возразила молодая женщина.

Бурда подрядилъ его на какую-то вовсе не нужную ему работу и тотчасъ уѣхалъ.

Варѳоломей, вспомнивъ совѣтъ Юстыси, сейчасъ же разыгралъ заранѣе обдуманную сцену. Она точно была приготовлена къ ней и въ концѣ концовъ сказала:

— Вотъ какъ! ты хочешь уйти; ну, такъ, иди себѣ съ Богомъ! Счастливаго пути!

Ругнѹтись, страшно озлобленный, ушелъ, таскался по разнымъ окрестнымъ мѣстечкамъ, пьянствовалъ, по вечерамъ слѣдилъ за женой, но къ великому своему сожалѣнію, рѣшительно ни къ чему не могъ придратъся. Франка хозяйничала, неутомимо трудилась и пѣла пѣсни.

Видя, что гнѣвъ и отлучки ничего не помогаютъ, Вареоломей вернулся.

Жена тотчасъ спросила его, принесъ ли онъ что-нибудь домой.

Мужъ гордо отвѣтилъ:

— Пустое брюхо! А если бы даже что-нибудь и принесъ, такъ это принадлежитъ мнѣ. Понимаете, сударыня?

— Нѣтъ, Вареоломей, — спокойно отвѣтила Франка, — все, что каждый изъ насъ имѣетъ, или зарабатываетъ, принадлежитъ въ одинаковой степени намъ обоимъ, но не для того, чтобы транжирить, а затѣмъ, чтобы собирать. Время уже объ этомъ подумать, такъ какъ вскорѣ Богъ дастъ намъ ребенка.

Жмудинъ, по обыкновенію, почесалъ затылокъ и умолкъ.

Въ непродолжительномъ времени у нихъ родился сынъ, и Вареоломей какъ будто примирился съ веселой, энергичной Франкой, но, увы, опять не надолго. Властная, экономная, трудолюбивая жена была для него невыносима.

Онъ все чаще и чаще уходилъ изъ дому и неохотно возвращался къ своему домашнему очагу. Родились еще дѣти и мать почти сама воспитывала ихъ, какъ умѣла и могла, потому что мужъ, возвращаясь изъ своихъ странствій, рѣдко приносилъ съ собой деньги, тратя все, что доставалось ему, на кутежъ и пьянство.

Часто въ пьяномъ видѣ онъ рассказывалъ про разные чудеса, которыя съ нимъ случались, и его знакомые по кабакамъ внимательно выслушивали эти необыкновенныя исторіи, описываемыя, впрочемъ, довольно картинно и остроумно. Ругнѹтись, какъ было раньше сказано, учился всему понемногу и отличался большой любознательностью.

Въ одинъ прекрасный день онъ вообразилъ себя живописцемъ и сталъ писать очень неизящные образа для бѣднѣйшихъ

деревенскихъ церквей. Первые опыты его были, конечно, очень неудачны. Изображаемыя имъ фигуры имѣли видъ какихъ-то давно исчезнувшихъ съ лица земли существъ. Потомъ онъ сталъ пользоваться, какъ образцами, разными лубочными олеографіями, которыя покупалъ у бродячихъ венгерцевъ и копировалъ ихъ. Руки на его произведеніяхъ доходили до колѣнъ, носы не отличались разнообразіемъ, ихъ у него, кажется, насчитывалось только три сорта: носъ длинный, орлиный, носъ вздернутый (таковымъ онъ надѣлялъ Іуду и вообще негодяевъ) и носъ выдающійся впередъ и выгнутый, такъ называемый утиный. Глаза писались то поднятые къверху, то опущенные внизъ, то глядящіе исподлобья.

Самымъ крупнымъ произведеніемъ его кисти—было Распятіе Спасителя, пожертвованное имъ для Хорохоровской церкви. Капуцины не приняли этой картины, а въ Хорохоровѣ нашлись цѣнители, принявшіе ее съ благодарностью. Перспектива въ его картинахъ почти вовсе не соблюдалась, а колоритъ былъ какой-то невѣроятный.

Ругнувшись, занявшись живописью, страшно возгордился и сталъ относиться свысока къ окружающимъ.

Жена его попрежнему завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ, а мужъ старался какъ можно рѣже оставаться въ ея присутствіи.

Болѣе всего онъ сердился на жену за то, что не могъ къ ней придратъся, что поведеніе ея было безупречно и не давало повода къ какимъ бы то ни было подозрѣніямъ: Ругнувшись всегда былъ обвиняемымъ, но никогда—обвинителемъ.

Это отравляло ему жизнь.

— Если бы она сдѣлала хотя какую нибудь глупость,—говаривалъ Вареоломей.—Но нѣтъ! ужъ такое мое счастье!

Такъ проходили года. Богъ далъ имъ сына и двѣ дочери, которыя воспитывались подъ наблюденіемъ Франки, такъ какъ отецъ, несмотря на выказываемую имъ по отношенію къ дѣтямъ нѣжность, никогда не могъ долго усидѣть на одномъ мѣстѣ. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ своей семьѣ онъ начиналъ зѣвать, скучать, ворчать, ссориться и наконецъ, раздосадованный, уходилъ въ мѣстечко или окрестныя усадьбы. Вездѣ его знали, считали веселымъ собесѣдникомъ, и потому,

даже когда не было какой нибудь работы, задерживали его у себя на болѣе или менѣе продолжительное время.

Всѣ сосѣди привыкли къ Ругніутису, угощали его и заставляли рассказывать то сплетни, то какія нибудь необыкновенныя исторіи. Жмудинъ прекрасно зналъ, куда надо явиться въ качествѣ живописца, куда въ роли желаннаго, остроумнаго собесѣдника, или, напротивъ, набожнаго, благочестиваго пилигрима, всегда обладавшаго значительнымъ запасомъ какихъ нибудь видѣній или чудесныхъ сновъ.

Жена часто плакала, видя, что семья увеличивается, а средствъ нѣтъ; нѣсколько разъ она пыталась заговорить съ нимъ о ихъ будущемъ.

— Будущее, сударыня, — говорилъ Вареоломей, — останется будущимъ. Какъ они посядутъ, такъ и пожнутъ.

Подъ старость Ругніутисъ все рѣже бывалъ дома и все болѣе и болѣе становился равнодушнымъ къ семьѣ. Пьянство усилилось, а вмѣстѣ съ этимъ у него участились разныя необыкновенныя видѣнія и пророческіе сны. Не разъ онъ являлся домой совершенно пьяный, просилъ водки и, получивъ отказъ, на слѣдующій день отправлялся въ какую нибудь усадьбу, изъ набожности раскрашивая во время этихъ странствованій придорожные кресты. Онъ считалъ такую работу богоугоднымъ дѣломъ и надѣялся, что за это Богъ проститъ ему многія прегрѣшенія.

Смерть этого, во многихъ отношеніяхъ очень страннаго человека, была тоже не совсѣмъ обыкновенна.

Въ сосѣднюю деревню изъ Варшавы пріѣхалъ на время ея владѣлецъ, нѣкій Тромбскій, человекъ образованный, но своеправный. Чрезвычайно влюбленный въ искусство и въ красоту во всѣхъ ея формахъ, живши много лѣтъ за границей, онъ былъ непріятно пораженъ прозаическимъ видомъ окрестныхъ построекъ, да и всѣмъ складомъ провинціальной жизни. Желая сдѣлать болѣе привлекательнымъ свое жилище, Тромбскій рѣшилъ его украсить, чѣмъ было возможно. Вокругъ дома онъ велѣлъ устроить цвѣтныя клумбы, снести всѣ лишнія старыя постройки, очистить прудъ. На противоположной сторонѣ пруда, возлѣ дороги, среди старыхъ высокихъ ольхъ, стояла лопнувшая во многихъ мѣстахъ статуя св. Яна. Помѣщикъ сначала

хотѣлъ безъ церемоній ее убрать, но ему отсовѣтовали, такъ какъ окрестные поселенцы относились къ этому изображенію высокочтимаго святаго съ благоговѣніемъ и были бы очень недовольны такимъ святотатствомъ. Тромбскій уважилъ чувства сосѣдей-крестьянъ и на мѣсто старой поставилъ новую каменную статую. Всѣ остались этимъ очень довольны, превозносили его набожность и снисходительно относились къ его нѣкоторымъ странностямъ.

Мимо этой статуи проходила дорога изъ Зацишекъ въ Березовый Лугъ. Однажды Ругніутись, возвращаясь домой, въ пьяномъ видѣ, наткнулся на новую статую.

— Чудо! — воскликнулъ онъ, — новая, ей-богу новая, и очень красивая. Бѣда только въ томъ, что поставившій ее пожалѣлъ денегъ на ея окраску, тогда бы она была еще лучше. Но я это исправлю и сейчасъ же выкрашу, не будь я Ругніутись.

Сказавъ это, онъ разложилъ на травѣ всѣ свои принадлежности, вынулъ изъ мѣшечка краски, палитру, кисти, перелѣзъ черезъ рѣшетку и энергично взялся за св. мученика.

Мигомъ на лицѣ святаго появился румянецъ, глаза зачернѣли и одежда засіяла всѣми цвѣтами радуги.

Вареоломей ретиво раскрашивалъ, и, улыбаясь, говорилъ:

— Вотъ-то удивятся! вотъ будутъ поражены добрые люди! Сейчасъ скажутъ: «это безъ сомнѣнія работа Ругніутиса».

Дѣло близилось къ концу и жмудинъ уже наслаждался, какъ вдругъ послышались крики и лошадиный топотъ. Тромбскій, еще издали замѣтивъ роковую работу и поблѣднѣвъ отъ гнѣва, мчался во весь духъ къ злополучному живописцу.

— Что ты дѣлаешь, мерзавецъ! — воскликнулъ онъ. — Что дѣлаешь убійца! разбойникъ!

Вареоломей обернулся, не понимая въ чемъ дѣло. Онъ никакъ не могъ сообразить, изъ-за чего всѣ эти крики и ругань.

— Мерзавецъ? мерзавецъ? — повторялъ онъ. — Что это такое? что за неумѣстный крикъ? Я раскрашивалъ во славу Божию! Что вы такъ сердитесь?

— Кто тебя просилъ раскрашивать, убійца!

— Убійца? Что это значитъ? Съ подобными словами никто еще ко мнѣ не обращался!

— Кто тебѣ позволилъ?

— Кто позволилъ! Развѣ еще нужно спрашивать позволенія на то, чтобы раскрасить статую? Я, слава Богу, вотъ уже двадцать лѣтъ раскрашиваю для искупленія грѣховъ всѣ придорожные кресты и статуи, и никто мнѣ еще слова дурного за это не сказалъ.

Вареоломей спокойно опять принялся за работу, но Тромбскій, приблизившись, съ яростью крикнулъ:

— Перестань и уходи, дуракъ, не то я велю тебя высѣчь!

— Сѣчь? меня! меня!

— Уходи! говорить тебѣ, уходи! если не хочешь, чтобы тебя вздули.

Ругпюитись смутился, но даже и теперь не понималъ изъ-за чего этотъ шумъ. Взявъ кисти и краски, онъ молча перелѣзъ черезъ рѣшетку, кинувъ презрительный взглядъ на помѣщика.

— Стирать! мыть! чистить!—въ отчаяніи кричалъ Тромбскій.—Этотъ негодяй испакостилъ статую чудной работы. Сто розогъ мало ему за такое дѣло!

— Что съ нимъ случилось? — тихо спросилъ Ругпюитись окружающихъ.—Не обезумѣлъ ли вашъ баринъ?

— Уходи съ глазъ долой!—воскликнулъ Тромбскій, махая своимъ хлыстомъ.

— Милостивый государи!—гордо возразилъ Ругпюитись,—вы, конечно, можете ставить статуи, если не во славу Божию, то ради какой-нибудь своей фантазіи, это дѣло ваше, но что касается меня, то я имѣлъ право красить, какъ бабы имѣютъ право вѣшать полотенца на придорожныхъ крестахъ, это моя жертва.

Тромбскій, не разслышавъ послѣднихъ словъ, размахнулся и ударилъ жмудина хлыстомъ.

Тотъ какъ-то вздрогнулъ, страшно покраснѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но, раскрывъ ротъ, конвульсивно только выпрямился и упалъ бездыханный.

Сцена измѣнилась. Всѣ кинулись отъ статуи къ лежащему безъ чувствъ Вареоломею. Послали тотчасъ за докторомъ, пустили кровь жмудину, но, несмотря на всѣ заботы и старанія виновника несчастья, Ругпюитись скоро почилъ вѣчнымъ сномъ.

Тромбскій былъ чрезвычайно огорченъ случившимся, и съ необыкновеннымъ сочувствіемъ отнесся къ вдовѣ и дѣтямъ.

Прежде всего онъ похоронилъ на свой счетъ Вареоломея на капуцинскомъ кладбищѣ, затѣмъ обезпечилъ вдову и не замедлилъ позаботиться о дѣтяхъ.

Франка своими черными испанскими глазами произвела сильное впечатлѣніе на Тромбскаго, который на каждомъ шагѣ выказывалъ ей свое вниманіе, но вдова, какъ всегда, была холодна, горда и неприступна. По вечерамъ онъ часто навѣщалъ вдову въ Березовомъ-Лугѣ, но каждый разъ уѣзжалъ отъ нея смущенный, печальный и задумчивый. Дѣти всегда его весело привѣтствовали, такъ какъ онъ постоянно привозилъ имъ подарки и игрушки.

Старшему сыну Ругіутиса, Яну, было уже около двѣнадцати лѣтъ. Онъ очень походилъ на мать и былъ замѣчательно красивъ. Мать, кажется, любила его болѣе другихъ дѣтей, хотя старалась это скрыть.

Тромбскій, разочарованный въ надеждѣ покорить сердце красавицы-вдовы, вмѣсто того, чтобы оставить ее, напротивъ, сталъ относиться къ ней съ еще большимъ уваженіемъ и какой-то особенной нѣжностью. Франка скоро оцѣнила такое честное отношеніе и старалась выказать ему свою благодарность, полную, однако, всегда присущаго ей чувства собственного достоинства.

Было прекрасное утро, когда Тромбскій остановился у воротъ дома покойнаго Ругіутиса. Желая поздороваться съ Франкой, онъ сталъ на стремяна и увидѣлъ только мальчика Яна, который на камнѣ рисовалъ мѣломъ какія-то фигуры. Возлѣ мальчика лежалъ старый дворовый песъ и задумчиво глядѣлъ на своего друга.

Тромбскій съ любопытствомъ разсматривалъ ребенка. Ему вспомнился молодой Амброжіотто Бононэ, рисовавшій своихъ овецъ. Сосредоточенный видъ рисующаго мальчика вызвалъ въ помѣщикѣ мысль сдѣлать его живописцемъ.

— Ясь!—воскликнулъ онъ,—что ты дѣлаешь?

Мальчикъ и другъ его песъ разомъ подняли головы.

— Что дѣлаешь?—съ улыбкой повторилъ Тромбскій.

— Что? Рисую!—серьезно отвѣтилъ Ясь.

— Что же ты рисуешь?

— Облака!—заявилъ мальчикъ.—Но мой папа лучше рисовалъ, потому что красками. У меня ихъ нѣтъ, вотъ я и рисую мѣломъ. Когда нечего дѣлать, такъ я постоянно здѣсь играю.

— А ты хотѣлъ бы,—спросилъ Тромбскій,—рисовать лучше папы? Хотѣлъ бы учиться?

— Это не для меня,—печально отвѣтилъ ребенокъ.—Мама ежедневно повторяетъ, что мнѣ пора служить и зарабатывать на хлѣбъ. Кто учится, тотъ не зарабатываетъ.

— Если у тебя есть охота, я могу помочь.

Мальчикъ быстро подбѣжалъ къ помѣщику и тихо сказалъ:

— А мама?

— Мама согласится, потому что это хорошій трудъ и дастъ тебѣ не только хлѣбъ, но и имя, славу...

Послѣднихъ словъ его Ясь, конечно, не понялъ.

— Какъ? — воскликнулъ онъ,—я въ самомъ дѣлѣ научусь рисовать людей, облака, лѣса и чудное небо, и все, что Богъ создалъ? Неужели вы не шутите?

— Я не шучу, дорогой мой, но прежде всего тебя надо научить читать и писать.

— Читать я умѣю, но пишу плохо.

— Хочешь учиться?

— О, если бы это было возможно!

Тромбскій нѣжно потрепалъ его по щечкѣ, затѣмъ повернулъ коня въ ворота; въ эту минуту на крыльцѣ появилась Франка.

Поздоровавшись съ нею, помѣщикъ сѣлъ на скамью, попросилъ молока и заговорилъ о Ясѣ. Мальчикъ внимательно прислушивался изъ-за дверей.

— Я полагаю,—проговорилъ онъ,—не мѣшаетъ подумать о Ясѣ.

— Если бы удалось его пристроить,—со вздохомъ сказала вдова,—если бы удалось? Я даже давно собираюсь отдать его куда нибудь, но боюсь, какъ бы онъ не испортился.

— Онъ, кажется, охотникъ до рисованія, а потому я помогу ему, и онъ можетъ сдѣлаться живописцемъ.

Франка горячо, но съ достоинствомъ поблагодарила покровителя.

Тромбскій началъ хлопотать, и въ концѣ концовъ отправилъ Яся въ Вильно, къ нѣкому художнику Ширко, рассчитывая болѣе на способности ученика, нежели на талантъ учителя. Въ Вильнѣ въ то время только пробуждалась любовь къ искусству; настоящихъ художниковъ было мало, а все больше были неважные портретисты или просто копировщики. Выбирать было не изъ чего и поневолѣ пришлось остановиться на Ширкѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, не отличавшійся ни красотой, ни умомъ, ни талантомъ, тѣмъ не менѣе, самъ онъ считалъ себя очень интереснымъ вообще, а для женщинъ въ особенности. Свою художественную карьеру Ширко началъ съ образовъ для деревенскихъ церквей, затѣмъ по какой-то случайности попалъ въ милость къ епископу Массальскому, котораго забавляла наивная самоувѣренность живописца. Усвоивъ технические приемы, Ширко сталъ писать большія картины, которыя сбывалъ своему меценату, часто хохотавшему надъ ихъ претенціозностью и недостатками. Работы у живописца было много: онъ писалъ портреты со старыхъ бабъ, толстыхъ бургомистровъ, купцовъ и богатыхъ мѣщанъ, жаждущихъ оставить на память потомкамъ свои красные носы и обвислыя щеки. Время отъ времени ему заказывали образъ для какой нибудь церкви, и въ такихъ случаяхъ Ширко вынималъ изъ шкапа какую нибудь картину такого же содержанія, снималъ съ нея копію, которую потомъ безъ всякаго стѣсненія выдавалъ какъ оригинальное произведение.

У такого мастера, очевидно, нельзя было многому научиться. Самъ профессоръ это сознавалъ и въ день пріѣзда мальчика раздумывалъ:

— Чему я буду его учить? Прежде всего, разумѣется, я дамъ ему модели, потомъ заставлю рисовать съ натуры, затѣмъ растирать краски и наконецъ перейдемъ къ сути. Самое главное — растираніе красокъ и умѣнье держать кисть, технические приемы усвоятся съ помощью практики, о сюжетѣ беспокоиться нечего, онъ всегда найдется. Дѣло все-таки не обойдется безъ Батрани, надо будетъ взять у него нѣсколько эскизовъ, пусть мальчикъ поработаетъ надъ ними пастелью и

тушью. Я самъ почти ничего не рисовалъ и однако сдѣлался далеко не безызвѣстнымъ живописцемъ. Епископъ не разъ говорилъ: «вы сразу догадались, что главное—колорить», а онъ знатокъ въ искусствѣ. Последняя моя картина его растрогала до слезъ. «Что за экспрессія, какіе чудные тоны!»—восклицалъ епископъ. Разумѣется, онъ притворялся, что будто смѣется надъ картиной, я прекрасно видѣлъ на его глазахъ слезы.

Ширко рѣшилъ держаться Юпитеромъ въ отношеніи къ своему ученику, но его взгляды, жесты, совѣты были такъ уморительны и комичны, что окружающіе просто покатывались со смѣху.

Мальчикъ только удивлялся, видя передъ собой эту живую карикатуру, тѣмъ не менѣе первое время слѣпо вѣрилъ въ великій талантъ своего грознаго наставника.

Ширко, однако, не сумѣлъ долго играть свою роль и вскорѣ предсталъ предъ своимъ ученикомъ во всей своей красѣ. Последний убѣдился, что разсчитывать на благопріятное руководство своего наставника нечего, и возлагалъ надежды на собственные силы.

Ясъ усердно принялся трудиться.

Но какова же это была работа?

Прежде всего живописецъ далъ ему копировать какіе-то неважные эскизы, потребовавъ отъ своего ученика лишь самаго точнаго и механическаго ихъ воспроизведенія. Работа была египетская, безсодержательная и могла вредно повліять на начинающаго. Къ счастью, мальчикъ отъ природы былъ одаренъ способностями и той искрой Божьей, которая, несмотря на все препятствія и несоотвѣтственныя условія, неудержимо влекла его ко всему прекрасному.

Часто, въ отсутствіи своего наставника, онъ съ жадностью разсматривалъ очень немногочисленную коллекцію картинъ извѣстныхъ мастеровъ, восхищался смѣлостью ихъ рисунка и красотой формъ. Глядя на эти истинно художественныя произведенія, мальчикъ часто погружался въ задумчивость и плакалъ. Два могучіе эскиза Леонардо да-Винчи, двѣ великолѣпныя, полныя простоты, композиціи Рубенса (что составляетъ рѣдкость у этого художника, такъ какъ онъ грѣшитъ преувѣ-

личеніемъ и излишествомъ) и нѣсколько величественныхъ фигуръ Н. Пуссеэна открыли передъ ученикомъ невѣдомый прекрасный міръ.

Онъ понялъ, что именно эти произведенія великихъ художниковъ могутъ служить для него образцами, а не жалкія картины его бездарнаго учителя.

Ширко въ обращеніи съ своимъ ученикомъ былъ рѣзокъ, часто безъ всякой причины строгъ, или, наоборотъ, слишкомъ ласковъ, словомъ, положительно не зналъ, какъ себя держать. Однажды Янъ скопировалъ двѣ очень изящныя гипсовыя фигуры, стоявшія на небольшихъ деревянныхъ колоннахъ. Живописецъ, увидѣвъ работу, страшно разсердился, изорвалъ листы и выбросилъ за окно.

Чему надо было приписать такой странный поступокъ — трудно сказать, но вѣроятноѣ всего — зависти.

Такъ прошли почти два года. Яну приходилось много трудиться и переносить не мало непріятностей. За это время онъ много читалъ, пользуясь имѣвшеюся въ домѣ библіотекой, наполненной разными старыми фоліантами. Въ стремленіи къ умственному развитію ему помогалъ знакомый студентъ, жившій въ сосѣдней квартирѣ.

Они часто бесѣдовали въ пустой, окружавшей домъ, галереѣ, дѣлились мыслями, горемъ и радостью.

Библіотека, изъ которой Янъ черпалъ познанія, досталась Ширкѣ въ наслѣдство вмѣстѣ съ двумя старыми, рѣсами послѣ покойнаго своего родственника ученаго каноника. Въ двухъ громадныхъ сундукахъ хранились грамматики, словари, старинныя энциклопедіи, богословскіе трактаты, сочиненія по исторіи и метафизикѣ. Юноша жадно поглощалъ книгу за книгой, усваивая ихъ, благодаря своимъ далеко необыкновеннымъ способностямъ.

Товарищей у него почти не было, и потому жизнь онъ зналъ по книгамъ. Всѣ ея отрицательныя стороны, вся ея грязь были ему чужды. Въ высшей степени увлекшись исторіей, юноша считалъ современную дѣйствительность продолженіемъ греческой и римской исторіи, возвышенной героической драмой или трагедіей, комедія жизни была ему невѣдома, непонятна.

Въ его положеніи такое міросозерцаніе было несчастьемъ,

такъ какъ препятствовало ему видѣть зло и успѣшно бороться съ нимъ. Передъ нимъ проносились образы великихъ людей, которыми онъ чрезвычайно увлекался, и мечталъ въ будущемъ походить на нихъ.

Книги аскетическаго содержанія, прочитываемыя имъ съ чистой глубокой вѣрой, возбуждали въ мечтателѣ возвышенное, религіозное чувство, доходившее порой до необыкновеннаго экстаза.

Юноша жилъ, съ одной стороны, въ мірѣ героевъ минувшихъ вѣковъ, съ другой въ мірѣ святыхъ мучениковъ; передъ глазами его стояли Сократъ,Themistocles, Аристидъ, Эпаминонда и тутъ-же св. Антоній, св. Іосифъ, св. Францискъ и Апостолы. Словомъ, идеальные образы окружали его во снѣ и на яву.

Такъ прожилъ Янъ два года. Въ теченіе этого времени онъ прилежно учился, перенося не мало лишеній, такъ какъ присылаемыя ему деньги почтенный Широ клалъ въ свой карманъ или проживалъ въ игорномъ домѣ.

Насталъ третій годъ ученія. Это было весной. Янъ и его другъ студентъ прохаживались по галлерей и по обыкновенію бесѣдовали чуть-ли не о самыхъ важныхъ міровыхъ вопросахъ. Внезапно на лѣстницѣ послышался голосъ Широ.

— Янъ! Янъ!

Юноша поспѣшилъ къ учителю.

— Гдѣ ты былъ?

— Здѣсь, въ галлерей.

— Почему не въ квартирѣ?

— Уже темно.

— Гдѣ ключъ?

— Вотъ онъ.

— Дай ключъ и будь здоровъ.

— Какъ-такъ?—съ удивленіемъ спросилъ Янъ, не понявъ этого внезапнаго прощанія.

— Да такъ, поблагодари меня и уходи на всѣ четыре стороны.

— Я? въ чемъ-же я виноватъ?

— Ты виноватъ тѣмъ, что мнѣ за три мѣсяца не платя за тебя денегъ.

— Надѣюсь, что господинъ Тромбскій...

— Вѣчная ему память!—равнодушно сказалъ живописецъ. Онъ денегъ не пришлетъ, такъ какъ недавно умеръ.

Янъ, пораженный этой везапой горестной вѣстью, зарыдалъ навзрыдъ. Въ глазахъ у него потемнѣло, онъ не зналъ, что теперь дѣлать. Въ одну минуту передъ нимъ предстало грозное будущее.

Живописецъ внимательно глядѣлъ на своего ученика.

— Надѣюсь, вы мнѣ позволите сегодня переночевать у васъ?

Широко съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтилъ:

— Переночуй, если хочешь, но имѣй въ виду, что даромъ я тебя держать не стану. Я не въ состояніи помогать бѣднымъ, такъ какъ мнѣ самому приходится въ потѣ лица добывать насущный хлѣбъ. Завтра же подумай о себѣ и позаботься о средствахъ къ жизни.

Янъ не проронилъ болѣе ни слова, а когда живописецъ вошелъ въ комнату, онъ поспѣшилъ въ галерею, въ надеждѣ найти тамъ своего друга, съ которымъ ему хотѣлось подѣлиться своимъ горемъ и посоветоваться относительно будущаго.

— Адамъ, Адамъ!—воскликнулъ юноша.

Студентъ вышелъ къ нему навстрѣчу.

— Что тебѣ нужно, Янъ?

— У меня несчастье.

— Несчастье! что-же случилось? Говори скорѣй!

— Умеръ мой покровитель, у меня теперь не осталось никого, кромѣ бѣдной матери. Что будетъ со мной, что будетъ съ ней? Живописецъ заявилъ, что даромъ онъ держать меня не станетъ; не знаю, что дѣлать, у меня просто голова идетъ кругомъ.

— Денегъ у тебя нѣтъ?

— Есть немного, но ихъ хватитъ только на нѣсколько дней. У меня не на что вернуться домой. Совѣтуй, какъ быть?

Адамъ на минуту задумался.

— Не знаю, положительно не знаю, — озабоченно проговорилъ онъ. — Впрочемъ, обожди, завтра мы подумаемъ, надо что-нибудь устроить, быть можетъ, мы найдемъ тебѣ какое-нибудь мѣсто.

— Мѣсто слуги? Я предпочитаю быть простымъ рабочимъ,

такъ какъ послѣдній продаетъ только свой трудъ, а первый всего себя.

— Вѣрно, совершенно справедливо! Но есть ли у насъ выборъ? Что мы подѣлаемъ?

— Въ Вильнѣ столько живописцевъ! Быть можетъ, кто нибудь изъ нихъ пожелаетъ взять меня въ качествѣ ученика.

— Большой частью они бѣдняки, пробиваются съ хлѣба на квасъ и врядъ ли бесплатно возьмутъ ученика.

— Но вѣдь я бы работалъ!

— Что же ты умѣешь?

— Правда! ничего! ничего! — понутивъ голову, сказалъ Янъ. — Это ужасно! Придется, вѣроятно, идти домой.

Сказавъ это, онъ сѣлъ на скамью и заплакалъ. Такъ еще недавно ему грезилось свѣтлое будущее, а теперь приходилось отказаться отъ всего, что было взлелѣяно на днѣ его души. Все кончено, надо возвращаться въ деревню, надѣть на себя ярмо и прозябать въ нищетѣ.

— Обожди, обожди! не отчаивайся, — проговорилъ Адамъ, — для отчаянія будетъ время, когда не найдется никакого средства къ спасенію. Прежде всего надо сдѣлать всѣ возможные попытки. Я немного знакомъ съ художникомъ Батрани, мнѣ раза два пришлось у него побывать съ однимъ ученикомъ. Я могу къ нему зайти. Или нѣтъ! лучше попрошу того самаго ученика: онъ богатый, учится рисованію у Батрани и ему удобнѣе обратиться съ просьбой. Попытаемся черезъ него.

— Кто же такой твой ученикъ?

— О! это золотое сердце, славный юноша! Да неужели ты его не видѣлъ? Это Вавжинецъ Шемяка. Онъ о тебѣ разскажетъ Батрани, онъ его попроситъ, и наконецъ, въ случаѣ неудачи, поможетъ намъ деньгами.

— Широко оказалъ мнѣ большую милость и позволилъ переночевать въ своей квартирѣ. Завтра же конецъ, завтра придется идти на всѣ четыре стороны.

— Ахъ, о чемъ тутъ толковать! Переходи сію минуту ко мнѣ, — воскликнулъ Адамъ. — Правда, теперь у меня даже хлѣба нѣтъ, которымъ я съ тобой могъ бы подѣлиться, но что касается помѣщенія, то оно къ твоимъ услугамъ.

Адамъ, какъ большинство бѣдныхъ студентовъ, существо-

валъ уроками. Тогдашняя плата была ничтожна, и потому часто приходилось отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ. Комнатка его была, въ полномъ смыслѣ слова, студенческая; въ ней врядъ ли кто нибудь другой смогъ бы прожить болѣе мѣсяца. Большая изразцовая печь еще болѣе уменьшала ее. Двери выходили на галлерею, а единственное окно—въ глухую стѣну сосѣдняго дома. Все здѣсь было бѣдно, но опрятно. Адамъ открылъ двери, а Янъ съ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Я постараюсь не злоупотреблять твоей добротой,—сказалъ онъ студенту,—но спасибо тебѣ за то, что спасаешь меня отъ необходимости пользоваться милостью того господина! Еще разъ спасибо тебѣ. Захватчу свои вещи и сейчасъ же вернусь. Ждать тебѣ не придется долго. Стѣснять тебя я не буду и устроюсь здѣсь на полу. Мнѣ много не нужно, такъ какъ не приходилось жить въ роскоши.

Янъ быстро вбѣжалъ въ квартиру Ширки, который въ эту минуту прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, раздумывая, идти ли ему сегодня играть въ карты, или нѣтъ?

— Я пришелъ поблагодарить васъ и проститься,—воскликнулъ юноша, поспѣшно собирая свои вещи.

— Уже? сегодня? ночью?—спрашивалъ удивленный Ширко,—да вѣдь ты хотѣлъ у меня переночевать!

— Мнѣ не хочется васъ стѣснять, а потому я ухожу.

Живописецъ былъ вовсе не злой человѣкъ. Это внезапное бѣгство, да еще ночью, неприятно его поразило. Наконецъ онъ привыкъ къ ученику и этотъ неожиданный уходъ его начиналъ беспокоить.

— Но куда же?—спросилъ Ширко.

— Меня приглашаетъ къ себѣ одинъ мой добрый знакомый.

— Кто же такой?

— Бѣдный и очень добрый студентъ.

— Во всякомъ случаѣ тебѣ не зачѣмъ такъ спѣшить,—воскликнулъ живописецъ.—Мой слуга Матвѣй бездѣльникъ, я съ каждымъ днемъ въ этомъ убѣждаюсь и потому безъ церемоніи выгоню его. Ты юноша серьезный, хорошій и если пожелаешь растирать краски, чистить сапоги и убирать комнаты, то я могу тебѣ предложить мѣсто Матвѣя.

— Спасибо, спасибо! — сказалъ Янъ. — Я не могу быть слугой, такъ какъ принужденъ думать не только о себѣ, но также объ участи моей бѣдной матери и сестеръ. Мнѣ необходимо продолжать ученіе и добиться чего нибудь лучшаго.

— А! ну, въ такомъ случаѣ, съ Богомъ! — обиженнымъ тономъ проговорилъ Шпрко, — иди съ Богомъ! Попытайся, но не забудь, что ты кой чѣмъ обязанъ мнѣ. Начало — самое главное въ искусствѣ. Будь здоровъ, если останешься въ Вильнѣ, то навѣсти когда нибудь, и сообщи, какъ устроился.

Янъ вышелъ, а живописецъ открылъ сундукъ, вынулъ оттуда нѣсколько червонцевъ, осмотрѣлся и отправился попытать измѣнчиваго счастья. Адамъ встрѣтилъ своего товарища, который тотчасъ устроилъ себѣ постель въ углу. Оба друга долго еще бесѣдовали въ темнотѣ о настоящемъ ихъ положеніи и о ближайшемъ будущемъ.

На слѣдующій день утромъ Адамъ, долго не думая, отправился хлопотать.

— Я иду къ Шемякѣ, — сказалъ онъ, — жди насъ, будь здоровъ и не теряй надежды.

Янъ остался одинъ и погрузился въ глубокую задумчивость. Но вотъ недалеко на башнѣ часы пробили двѣнадцать, и почти въ ту же минуту на лѣстницѣ послышались шаги и чей-то незнакомый голосъ. Янъ понялъ, что Адамъ возвращается не одинъ. Дверь открылась, и въ комнату вошли его другъ и какой-то молодой человѣкъ симпатичной наружности, съ выразительными черными глазами.

— Мы съ доброй вѣстью, — воскликнулъ Адамъ. — Вотъ нашъ милый Шемяка уже успѣлъ побывать у Батрани. Честный милый Батрани не отказываетъ, но ставитъ два условія: прежде всего онъ хочетъ предупредить свою жену и получить ея согласіе на принятіе тебя въ ученики, а затѣмъ требуетъ, что бы ты въ отплату за ученіе иногда помогъ бы ему по хозяйству.

— Придется съ этимъ примириться, — грустно сказалъ юноша.

— Въ такомъ случаѣ, идемъ! — воскликнулъ Шемяка. — Оставь пока узелокъ у Адама, надѣнь лучшее платье и маршъ.

— Лучшее! Да этотъ костюмъ, что на мнѣ, единственный! — отвѣтилъ Янъ. — Переодѣться не во что.

— Не бѣда, пойдемъ и такъ, ты меня обождешь на улицѣ, а я доложу о тебѣ художнику.

Батрани считался въ то время лучшимъ живописцемъ. Онъ былъ родомъ изъ Флоренціи и уѣхалъ въ Польшу, съ надеждой добиться славы и богатства, словомъ, всего, чего недоставало ему на родинѣ. Увы, ни въ Италіи, ни въ Польшѣ надежды его не осуществились, несмотря на то, что онъ считался однимъ изъ самыхъ выдающихся учениковъ великихъ художниковъ, сохранившихъ традиціи старинной флорентійской школы. Батрани былъ великій артистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, что рѣдко случается, отличался чрезмѣрною скромностью. Рожденный въ той странѣ, гдѣ все поражаетъ своей красотой, воспитанный на величественныхъ произведеніяхъ такихъ мастеровъ, какъ Санціо, Бартоломео, Микель Анжелло, Каррачи и другихъ, глубоко чувствуя ихъ красоту, сознавая невозможность сравняться съ ними, онъ относился съ недоувѣріемъ къ собственнымъ силамъ и не скрывалъ этого недоувѣрія передъ окружающими. Въ каждой собственной работѣ онъ находилъ столько недостатковъ и ошибокъ, что порою не могъ смотрѣть на нее безъ горечи, сожалѣнія и досады.

Это былъ человѣкъ съ возвышенной душою, жадно искавший всего, что отличалось чистой идеальной красотой. Истинно религіозный, благородный, великодушный, увлекающійся, какъ дитя, Батрани постоянно находился какъ бы въ экстазѣ, всегда готовый къ самопожертвованію ради того, что считалъ великимъ и святымъ. Такого человѣка могли оцѣнить только сильные, независимые умы, а таковыхъ, какъ извѣстно, очень немного.

Будучи уже пожилымъ, онъ женился въ Польшѣ на женщинѣ, стоявшей ниже его во всѣхъ отношеніяхъ, но обладавшей необыкновенной красотой. Бракъ оказался далеко не удачный. Жена его Маріетта была въ высшей степени своенравная, злая, испорченная женщина, и вышла замужъ ради того только, чтобы дать имя своему ребенку, прижитому отъ одного изъ своихъ возлюбленныхъ. Батрани, несмотря на всѣ ея недостатки, положительно обожалъ свою жену, и, вслѣдствіе чрезмѣрной мягкости своей натуры, почти всегда былъ ея безотвѣтнымъ рабомъ. Онъ исполнялъ всѣ прихоти Маріетты,

старался угадывать ея желанія и за все это выносилъ одинъ лишь оскорбленіе униженія и непріятности. Отъ Батрани Маріетта имѣла двоихъ дѣтей, но относилась къ нимъ почти какъ къ чужимъ и любила только своего ребенка, напоминавшаго своими чертами ея прежняго возлюбленнаго.

Бѣдный художникъ, видя такое жестокое несправедливое отношеніе, невыносимо страдалъ, но, не будучи въ состояніи противостоять обаянію Маріетты, переносилъ и это униженіе.

Таковъ былъ Батрани, къ которому Шемяка привелъ Яна.

— Это мой товарищъ,—заявилъ онъ художнику,—онъ хочетъ учиться, но не имѣетъ никакихъ средствъ, такъ какъ недавно умеръ его покровитель. Не согласитесь ли вы его принять?

— Если бы я могъ!—со вздохомъ проговорилъ Батрани.— Но вы сами видите: моя добрая жена, моя дорогая Маріетта, всегда больна и потому раздражительна, ее стѣсняютъ посторонніе...

— Вы, однако, еще не знаете, можетъ быть, она согласится. Янъ будетъ вамъ полезенъ.

— О! это еще не скоро!—ласково замѣтилъ художникъ.— Но обожди. Лоренцо, я пойду къ ней, посоветуюсь съ милой Маріеттой.

Онъ подошелъ къ двери и осторожно открылъ ее.

— Чего тебѣ?—крикнула жена, еле прикрытая какимъ-то большимъ платкомъ.—Твои несносныя дѣти надоѣдаютъ моему Мишелю; я принуждена ихъ побить.

При видѣ плачущихъ своихъ дѣтей у Батрани появились на глазахъ слезы.

— Моя дорогая Маріетта!—сказалъ онъ со вздохомъ.

— Моя дорогая Маріетта!—передразнивая его, повторила жена.—Да! да! дорогая Маріетта должна страдать изъ-за твоихъ дѣтей, такихъ же несносныхъ, какъ ты. Отчего ты ихъ куда-нибудь не отдашь?

— Моихъ дѣтей!

— Здѣсь настоящій адъ, я не могу выдержать.

— Надо быть болѣе терпѣливой, Маріетта.

— Ты знаешь, что у меня нѣтъ терпѣнія и я не желаю быть терпѣливой. Терпѣливы только глупцы, въ родѣ тебя.

Батрани на минуту умолкъ, а затѣмъ сказалъ:

— Я хотѣлъ спросить тебя, Марріетта... хотѣлъ попросить...

— Ты, кажется, уже привыкъ дѣлать все безъ меня или даже наперекоръ мнѣ!

— Я?

— Да! ты! ты! Что же ты хотѣлъ меня спросить?—насмѣшливо добавила она.

— Видишь ли, мнѣ надо принять ученика, онъ можетъ быть полезенъ мнѣ въ работѣ. Благодаря ему, можетъ увеличиться нашъ доходъ, а при настоящихъ обстоятельствахъ это очень важно. Какъ разъ сегодня нашелся подходящий юноша...

— Вѣроятно, какой-нибудь сорванецъ и выгнанный ото всюду бездѣльникъ, который потомъ тебя надуетъ. Ты всегда былъ и будешь теленкомъ.

— Но милая Маріетта...

— Но *милая Маріетта! милая Маріетта!* Ты снова хочешь выставить себя на посмѣяніе и погубить, какъ себя, такъ и меня. Откуда ты его выкопалъ?

— Его привелъ ко мнѣ Лоренцо, онъ былъ нѣкоторое время у Ширки.

— Почему же онъ оттуда ушелъ?—спросила жена.

— Потому что покровитель юноши, Тромбскій, умеръ, а Широ даромъ держать его не хочетъ.

— Вотъ какъ! а теперь, когда онъ безъ гроша, ты хочешь взять его даромъ. Это на тебя похоже. Для жены и дѣтей нѣтъ средствъ, а ты хочешь еще заботиться о постороннихъ. Но какой же негодяй этотъ Широ!—добавила она.

Маріетта почему-то ненавидѣла этого живописца.

— Знаешь что?—черезъ минуту воскликнула она.—Надо унижить этого мерзавца, этого бездарнаго франта, считающаго себя живописцемъ, потому только, что его поддерживаетъ епископъ, хотя больше для курьеза, осмѣливающійся равняться даже съ тобой. Хорошо, мы докажемъ всему городу, что у него не только нѣтъ головы, но и сердца. Мы примемъ этого юношу.

— У тебя золотое сердце, Маріетта! — радостно воскликнулъ Батрани, цѣлуя свою жену. Ты такъ добра и велико-

душна! Да, да, мы возьмемъ сироту, приютимъ его и приласкаемъ.

— Оставь меня въ покоѣ съ этимъ добрымъ сердцемъ! Я со злости его принимаю. Но прежде покажи мнѣ юношу — и хочу его видѣть, такъ какъ ты готовъ взять какого-нибудь калѣку или урода, у тебя все выходитъ Богъ знаетъ какъ.

— Ты его сейчасъ увидишь! сію минуту!

Художникъ выбѣжалъ въ комнату, гдѣ ожидалъ его Шемяка.

— Зови своего товарища! зови! Моя безцѣнная Маріетта прежде всего хочетъ его видѣть: она всегда права, она такъ умна и проницательна.

Шемяка вышелъ на лѣстницу и позвалъ Яна.

Батрани нѣжно обнялъ и расцѣловалъ своего будущего ученика.

— Не благодари еще, не благодари, — сказалъ онъ, — обожди, дѣло еще пока не рѣшенное; слѣдуй за мной.

Нетерпѣливая Маріетта уже вышла изъ своей комнаты и ждала ихъ. Взглянувъ на Яна, она до такой степени была поражена его красотой и нѣкоторымъ сходствомъ съ ея прежнимъ возлюбленнымъ, что въ смущеніи опять убѣжала въ свою комнату.

Художникомъ овладѣло сильное безпокойство, ему казалось теперь, что Янъ произвелъ на жену неблагоприятное впечатлѣніе и она теперь не согласится его принять.

Шемяка не понималъ, въ чемъ дѣло.

Но вотъ черезъ нѣсколько минутъ опять открылась дверь и послышался нетерпѣливый голосъ Маріетты:

— Гиролямо! Гиролямо! иди-ка сюда!

Художникъ поспѣшилъ къ женѣ и со вздохомъ проговорилъ, какъ-бы предупреждая ея желаніе:

— Успокойся! успокойся! я откажу ему, откажу.

— Да, это очень хорошо! выгнать бѣднаго сироту на улицу въ то время, когда у него нѣтъ пристанища. Что ты выдумалъ?

— Значить, ты разрѣшаешь его принять, Маріетта?

— Развѣ ты меня спрашивалъ? Но все равно, пусть остается.

— Но если тебя это стѣснить, если тебѣ кажется, что у насъ и безъ него не мало людей...

— Кто объ этомъ говорить?— прервала Маріетта.— Отъ кого ты это слышалъ? Пусть остается, говорю тебѣ, пусть остается! Я хочу, чтобы онъ остался!

Сказавъ это, она пристально взглянула на красиваго юношу, а затѣмъ быстро, какъ-бы съ гнѣвомъ, хлопнула дверью.

Батрани, услышавъ это: „я хочу“, немедленно принялъ къ себѣ въ домъ Яна, такъ какъ безпрекословно исполнялъ всякое приказаніе своей супруги.

Что-то странное произошло съ супругой художника. Янъ, съ виду какъ бы неохотно ею принятый, вскорѣ сдѣлался ея любимцемъ. Художникъ приписывалъ это доброму, золотому, какъ онъ называлъ, сердцу дорогой Маріетты, но другіе только пожимали плечами. Всякая просьба ученика немедленно исполнялась.

Она часто заходила въ комнату, гдѣ работалъ Янъ и нѣжно глядѣла на него; что-то непонятное влекло Маріетту къ юношѣ и въ разговорѣ съ нимъ она была необыкновенно ласкова, точно онъ напоминалъ ей что-то дорогое, утраченное.

Батрани радовался и благословлялъ тотъ день, въ который онъ принялъ къ себѣ Яна, такъ какъ теперь и его жизнь была спокойнѣе.

Но Маріетта, какъ бы во избѣжаніе разныхъ толковъ, въ разговорѣ съ мужемъ скрывала свое расположеніе къ симпатичному мальчику.

Художникъ, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался къ своему воспитаннику, въ которомъ очень скоро обнаружился въ полномъ смыслѣ слова врожденный талантъ.

Батрани, увлекаясь мыслью создать изъ него великаго художника, искренно радовался каждому успѣху юноши и съ энтузіазмомъ передавалъ ему все, что зналъ отъ своихъ великихъ учителей. Онъ хотѣлъ, чтобы Янъ относился съ самымъ глубокимъ уваженіемъ къ искусству, смотрѣлъ на него не какъ на бессмысленное подражаніе природѣ или прозаическое толкованіе мыслей, но какъ на созданіе возвышенныхъ идеаловъ и могучее воплощеніе жизни. Батрани былъ того мнѣнія, что видимая природа есть только проявленіе невидимой мысли, а потому художникъ долженъ понимать зна-

ченіе всего, что онъ видитъ, для того, чтобы воспользоваться всѣми данными для воплощенія своей мысли. Нѣтъ живописи, нѣтъ вообще искусства безъ идеальной правды, какъ нѣтъ ихъ безъ правды реальной, являющейся выраженіемъ первой. Настоящій художникъ не долженъ быть ремесленникомъ, изображающимъ болѣе или менѣе правдиво лица, деревья и извѣстные предметы, но поэтомъ, воплощающимъ какъ можно рельефнѣе свою прочувствованную, продуманную мысль. Безъ истиннаго творческаго огня не можетъ быть искусства.

Бесѣды Батрани на эту тему происходили довольно часто. Янъ въ теченіе этого года пріобрѣлъ познаній гораздо больше, нежели въ продолженіе двухлѣтняго его пребыванія у Ширки. Въ рисунокѣ его уже замѣчалось стремленіе къ той чудной чистотѣ линій, которой мы такъ восхищаемся въ произведеніяхъ прежнихъ мастеровъ.

Учитель Яна, какъ всѣ цѣльныя натуры, не былъ поклонникомъ какого-нибудь одного стиля, какого-нибудь одного, хотя бы и величайшаго художника. Онъ искалъ силы у Микель Анжелло, идеальную красоту линій у Рафаэля, грацію у Бартоломео, колоритъ у Тиціана, сочности у голландскихъ мастеровъ, идеализирующихъ капусту, морковь, морщины старой бабы, и изъ привязанности къ родинѣ украшающихъ Святую семью въ собственныя платья. Изъ множества странныхъ произведеній германскаго искусства картины стараго Луки Кранаха, несравненнаго Мартина Шена доставляли ему истинное наслажденіе.

Въ такой школѣ Яну некогда было отдыхать, каждая минута была дорога, онъ забывалъ обо всемъ, съ глазъ его исчезла земля, какъ у пророка Ильи на огненной колесницѣ вознесеннаго на небо. О, какъ рѣдко люди на этой священной колесницѣ уносятся туда, гдѣ царствуетъ вѣчная гармонія и, увы, какъ часто они на крыльяхъ Икара взлетаютъ подъ облака, и затѣмъ, съ высоты падаютъ на землю или въ бездну моря!

Въ то самое время, когда Янъ всѣмъ существомъ своимъ отдался искусству, въ душѣ Маріетты яркимъ пламенемъ разгоралась любовь къ этому скромному красивому юношѣ.

Увы, онъ не понималъ того, что происходило въ ея душѣ,

не понималъ, что невольно вызываетъ у нея воспоминаніе о ея первой самой сильной привязанности. На всѣ вопросы Маріетты Янъ отвѣчалъ лаконически, не осмѣливаясь даже под- нять на нее свои глаза.

— Это онъ! это онъ! — съ нетерпѣніемъ шептала молодая женщина. — Но какъ онъ холоденъ, какъ равнодушенъ! и какъ удивительно напоминаетъ мнѣ его! Я гляжу на этого юношу и невольно поддаюсь какой-то странной иллюзіи, порою мнѣ кажется, что это онъ, мой возлюбленный, что онъ опять меня любитъ. Но отчего этотъ юноша такъ невозмутимъ? Неужели онъ еще не созрѣлъ, или такъ холоденъ по натурѣ. О, нѣтъ! по выраженію его прелестныхъ глазъ, видно, что онъ чувствуетъ и думаетъ, но, къ сожалѣнію, не обо мнѣ.

Время между тѣмъ летѣло быстро, кончался третій годъ пребыванія Яна у Батрани.

Юноша сдѣлалъ большіе успѣхи, но все яснѣе сознавалъ, что ему много еще надо учиться, прежде чѣмъ пытаться соз- дать что нибудь выдающееся. Онъ понималъ, что ему пред- стоить громадный трудъ, но это его не утешало, напротивъ, еще болѣе притягивало.

Для Батрани такой ученикъ былъ даромъ Неба, да оно и понятно: художникъ нашелъ человѣка, который понималъ его идеалы, его самые сокровенныя мысли. Иногда по вечерамъ оба они рисовали виды прекрасной Флоренціи, которая всегда была запечатлѣна въ сердцѣ итальянца, съ ея соборами, вели- колѣпными дворцами, съ чудными статуями, со всѣми богат- ствами, которыя Медичи оставили послѣ себя потомству, какъ бы затѣмъ, чтобы уничтожить слѣды своихъ преступленій. Янъ горѣлъ желаніемъ увидѣть всѣ эти чудеса искусства своими глазами, и ласкалъ себя надеждой, что, быть можетъ, настанетъ время, когда мечта его осуществится.

Батрани искренно полюбилъ своего ученика, и старался обогатить его всѣми знаніями, какъ въ живописи, такъ и въ дру- гихъ искусствахъ, которыя художникъ приобрѣлъ благодаря сво- ему неутомимому труду.

Когда Янъ окончилъ свою первую работу, Батрани въ уми- леніи обнялъ его и воскликнулъ:

— Ты будешь великимъ художникомъ, мой другъ! Дай

Богъ, чтобы, такъ называемыя, житейскія обстоятельства не воспрепятствовали развитію твоего таланта и чтобы низменныя страсти не приковали тебя къ землѣ.

Юноша съ глубокимъ уваженіемъ взглянулъ на своего благороднаго наставника и крѣпко пожалъ ему руку.

Но вернемся на минуту къ Мариеттѣ.

Молодая женщина съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе поддавалась новому чувству и была очень нѣжна съ Яномъ. Это не было обыкновенное кокетство и не животная страсть, нѣтъ, это было въ высшей степени сильное воспоминаніе прерваннаго и утраченнаго счастья.

Юноша былъ такъ похожъ на перваго ея возлюбленнаго, на обожаемаго ею, незабвеннаго друга юности, что Мариетта полюбила въ немъ не новаго человѣка, но свою прежнюю любовь.

Равнодушіе Яна, который отчасти не понималъ ея чувства, отчасти не хотѣлъ понимать, такъ какъ считалъ самую мысль о взаимности измѣной и подлостью, по отношенію къ своему наставнику, это равнодушіе и холодность еще болѣе разжигало въ ней страсть. Не смущаясь однимъ лишь холоднымъ уваженіемъ Яна, она все болѣе высказывала къ нему свое вниманіе и привязанность, но, увы, все было напрасно.

Юноша старался избѣгать ея пламенныхъ взоровъ, но это не всегда удавалось, такъ какъ Мариетта почти не сводила съ него глазъ. Наконецъ въ немъ невольно возникла потребность въ какомъ-то не ясно сознаваемомъ еще новомъ чувствѣ. Это выразилось въ нѣкоторомъ необъяснимомъ безпокойствѣ и странной, непонятной тоскѣ.

Вскорѣ все объяснилось. Янъ почувствовалъ потребность въ любви и полюбилъ молодую прелестную голубоглазую дѣвушку, жившую въ сосѣднемъ домѣ съ своей сестрой, не менѣе ея красивой брюнеткой, и старушкой бабушкой. Окно его комнаты выходило какъ разъ противъ оконъ квартиры, гдѣ скромно помѣщалась эта немногочисленная семья. Янъ теперь все чаще и чаще просиживалъ у окна своей комнаты, задумчиво глядя туда, гдѣ жила та, которую онъ любилъ первой чистой платонической любовью.

Однажды юноша такъ увлекся созерцаніемъ своей голубо-

глазой красавицы, что не слышалъ, какъ открылась дверь и къ нему вошелъ старый Батрани.

Художникъ внимательно посмотрѣлъ на своего воспитанника, затѣмъ на стоявшую у окна сосѣдняго дома златокудрую блондинку, и, понявъ все, съ горькой улыбкой промолвилъ:

— Янъ, ты уже не ребенокъ, а потому я буду говорить съ тобой, какъ со взрослымъ мужчиной: избѣгай женщинъ, твоей единственной возлюбленной должно быть искусство, которому ты обязанъ посвятить всю свою жизнь. Неужели ты думаешь, что женщина дастъ тебѣ больше наслаждений и онѣ будутъ лучше тѣхъ, которыя можетъ дать искусство? Никогда! Никогда! Древніе египтяне въ прекрасномъ символѣ заключили исторію и сущность женщины. Ты видѣлъ сфинкса? — Вотъ это и есть женщина. Вѣчная загадка, которая разрѣшается только смертью души или тѣла. Лицо ангела, грудь матери, тѣло звѣря, львиныя лапы и птичьи крылья. Взоръ ея даритъ тебѣ небесное блаженство, но заключи ее въ объятія — и ты увидишь чудовище, звѣря, а то прекрасное, что созерцалъ ты въ ея взорѣ на крыльяхъ улетитъ куда-то далеко, какъ чудное сновидѣніе. Не гляди на женщинъ, такъ какъ въ нихъ есть что-то чарующее, манящее, какъ бездна, опасность и даже смерть!.. Люби искусство, люби красоту идеальную, ибо она, какъ сказалъ божественный Платонъ, есть отблескъ истины, но не красоту тѣлесную, воплощеніемъ которой является женщина. Въ очахъ сфинкса вѣчный вопросъ, только вопросъ и вопросъ. Быть можетъ, онъ не ~~является~~ виноватъ въ этомъ, быть можетъ, онъ является загадкой какъ для себя, такъ и для другихъ, быть можетъ, онъ самъ страдаетъ и томится безконечной глубокой тайной...

Сказавъ это, Батрани сильно взволнованный, тотчасъ вышелъ, а Янъ, послѣ его ухода, погрузился въ какую-то странную задумчивость. По временамъ онъ сознавалъ, что любовь эта безцѣльна, несвоевременна, причинитъ ему только страданіе, и тѣмъ не менѣе не могъ преодолѣть пробувившагося чувства. Что-то неотразимое влекло его къ этой прелестной голубоглазой красавицѣ, обладавшей, казалось, какой-то таинственной волшебной силой. Каждая встрѣча съ нею, каждая бесѣда приводила его въ какой-то необыкновенный экстазъ, въ ней

заклучалось для него необъяснимое очарованіе, онъ грезилъ ею во снѣ и на яву.

Старый художникъ, замѣчая столь сильное увлеченіе, все чаще повторялъ:

— Другъ мой! сфинксъ тебя погубить! Ты не разгадаешь загадки и погибнешь изъ за нея! Великій символъ свидѣтельствуешь, что кто не разгадалъ загадки сфинкса, долженъ былъ погибнуть. Такъ было и есть: мы всѣ гибнемъ, потому что не въ силахъ справиться съ загадкой. Берегись, ты слишкомъ часто всматриваешься въ сфинкса.

Янъ въ смущеніи молчалъ.

Маріетта, не понимавшая равнодушія молодого человѣка, стала раздражаться и вскорѣ начала слѣдить за нимъ, желая узнать причину столь страннаго невниманія къ ея красотѣ.

Она стала внимательно наблюдать за интересовавшимъ ее юношей и вскорѣ раскрыла тайну. Маріеттой овладѣла страшная ярость, и она тотчасъ побѣжала къ мужу.

— Вонъ его! — крикнула молодая женщина, топнувъ ногой. — Гони его прочь отсюда. Пусть идетъ на всѣ четыре стороны этотъ бездѣльникъ и негодяй.

— Кто? кто? — съ удивленіемъ спросилъ мужъ.

— Кто? Ты меня спрашиваешь, точно не понимаешь? Ты навѣрно давно объ этомъ зналъ. Этотъ лентяй, вмѣсто того, чтобы трудиться, амурничаетъ съ какими-то дѣвушками. Вотъ каковъ твой Янъ, твой любимецъ! Я не желаю его видѣть у себя въ домѣ, вонъ его!

— Но, дорогая Маріетта, ты сама...

— Да, *«сама хотѣла его»*, а теперь сама хочу, чтобы ты его съ позоромъ выгналъ, сейчасъ, немедленно, сію минуту!

— Моя милая Маріетта! я его такъ люблю, я къ нему очень привязанъ. Если онъ виновенъ, можно его пожурить, попугать. Но въ чемъ онъ виноватъ? Вѣдь это обыкновенное увлеченіе, свойственное молодости. Не сердись, я самъ прошу за него извиненія.

— Знать ничего не хочу, не хочу его видѣть. Пусть идетъ, куда глаза глядятъ! Я уже давно терпѣть его не могу, не переносу.

Художникъ усмѣхнулся.

— Значить, ты остаешься неумолимой? — спросилъ онъ, открывъ дверь.

— Выгнать его сію минуту!

Батрани понурилъ голову, пожалъ плечами, хотѣлъ еще что-то сказать, но молодая женщина вытолкнула его изъ комнаты и заперла дверь, чтобы безъ свидѣтелей предаться своему горю.

Художникъ долго раздумывалъ; наконецъ вынулъ изъ сундука нѣсколько червонцевъ, вздохнулъ и пошелъ къ своему ученику.

— Янъ, — тихо сказалъ Батрани, — дорогой мой другъ, мы должны разстаться.

— Мы? разстаться? Почему же?

— Я не виноватъ, — проговорилъ художникъ, смахнувъ платкомъ показавшіяся на глазахъ слезы, — я не хочу съ тобой разстаться, но Мариетта требуетъ, чтобы я тебѣ отказалъ. Не знаю причины ея гнѣва, но, вѣроятно, ты вооружилъ ее противъ себя любовью къ той дѣвушкѣ; жена моя такая святая, и въ этомъ отношеніи строгая!

Янъ покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Она не хочетъ тебя видѣть въ домѣ, — продолжалъ Батрани, — но куда же ты пойдешь, бѣдное дитя?

— Не знаю, — печально отвѣтилъ Янъ, — какъ Богъ дастъ, такъ и будетъ.

— Господи! вотъ несчастье! — говорилъ художникъ. — Ты уже былъ на хорошей дорогѣ, многому еще могъ научиться, а теперь что? Но какъ бы тамъ ни было, мой дорогой, ты все-таки не бросай живописи. Пожертвуй ради нея любовью женщинъ, надеждой на скоротечное счастье, словомъ, всѣмъ и даже жизнью и, конечно, не для славы, но для нравственного удовлетворенія, которое ты обрѣцешь въ самомъ себѣ. Не бросай же ея, умоляю тебя. Люди, быть можетъ, тебя не оцѣнятъ, но ты не смущайся, за всѣ страданія искусство наградитъ тебя минутами возвышеннаго, невыразимаго наслажденія. Если же искусство соединится у тебя съ горячей вѣрой, ты будешь болѣе счастливъ въ бѣдности, нежели другіе въ богатствѣ, ибо наслажденій матеріальнаго свойства не много, между

тѣмъ наслажденія, доставляемыя искусствомъ, неисчислимы и чисты. Одно лишь искусство безгранично и вѣчно... Но перейдемъ къ твоимъ обстоятельствамъ въ настоящій моментъ. Что ты намѣренъ дѣлать теперь?

— Я не знаю и прошу у васъ совѣта.

— Совѣта.. Самое подходящее, по моему, мѣсто для поэта, для истиннаго художника — это монастырь, но ты слишкомъ молодъ и у тебя, вѣроятно, не найдется достаточно мужества, чтобы сдѣлать столь рѣшительный шагъ. Только отрекшись отъ міра, можно всецѣло отдаться искусству. Если бы мнѣ предстояла еще одна жизнь, я непременно ушелъ бы въ монастырь. Но, ты...

— У меня мать и сестры, которыя нуждаются въ моей помощи.

— Да... конечно... обязанности, дитя мое, прежде всего. Но, все же, куда ты теперь отправишься?

— Вернусь къ матери.

— Нѣтъ, нѣтъ! Тебѣ еще не время вернуться къ матери.

— Но куда же мнѣ идти?

— Останься въ городѣ, попытайся достать какую нибудь работу и учись.

— Зарабатывать, но какъ? Неужели вы хотите, чтобы я ради денегъ унижалъ свое искусство, удовлетворяя низменнымъ вкусамъ невѣжественныхъ людей.

Батрани усмѣхнулся.

— Почти каждому приходилось это испытать, — сказалъ онъ.

— Значить, мнѣ придется заниматься тѣмъ, къ чему я не чувствую влеченія.

— Нѣкоторое время — да. Великій художникъ сумѣетъ выйти побѣдителемъ изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній.

Наступило продолжительное молчаніе.

Наконецъ художникъ протянулъ своему ученику кошелекъ съ деньгами и съ чувствомъ сказалъ:

— Прости мнѣ, другъ, я далъ бы тебѣ больше, но Богъ свидѣтель, не могу.

Янъ горячо обнялъ его и тотчасъ хотѣлъ отдать деньги.

— Возьмите, — проговорилъ онъ, — вы и такъ мнѣ дали неоцѣнимыя сокровища, вы передали мнѣ свои благородныя

мысли, чувства, сдѣлали меня человѣкомъ. Я вамъ обязанъ всѣмъ, что во мнѣ есть хорошаго.

— Помни обо мнѣ, о старомъ Батрани, который, быть можетъ, вскорѣ...

Онъ печально кивнулъ головой и не dokonчилъ, такъ какъ въ эту минуту раздался пронзительный голосъ Мариетты.

— Иди, мой дорогой, иди! — быстро прошептала итальянецъ, — я слышу ея голосъ. Возьми эти деньги, ты ихъ отдашь, когда поправятся твои обстоятельства. Мы съ тобой увидимся сегодня въ соборѣ св. Яна. Бери свои вещи и иди. Ахъ, отчего я не могу тебя удержать?

Янъ съ узелкомъ поспѣшилъ выйти на улицу и на минуту остановился у воротъ.

Мариетта взглянула на него изъ окна и сквозь слезы зашмыгалась.

— Выгнанъ! — воскликнула она, — нѣтъ его болѣе, выгнанъ, нѣтъ его и не будетъ! Пусть идетъ, пусть погибаетъ, такъ какъ онъ былъ вампиръ, что сосалъ мою кровь, терзалъ мое сердце.

И отойдя отъ окна, молодая женщина зарыдала.

Въ это самое время, когда Янъ, прислонившись къ стѣнѣ, раздумывалъ о своей участи, изъ сосѣдняго дома вышла голубоглазая Ягуся, вмѣстѣ съ своей старшей сестрой.

Подойдя къ юношѣ, она съ безпокойствомъ спросила:

— Что это значитъ? Зачѣмъ вы здѣсь стоите съ узломъ?

Янъ смутился и грустно сказалъ:

— Какъ хорошо, что я васъ встрѣтилъ, мы теперь можемъ проститься, такъ какъ я ухожу.

— Куда?

— Къ матери.

— Что же такъ внезапно?

— Мнѣ нельзя оставаться у Батрани.

— Почему?

— Онъ уже не нуждается въ ученикѣ.

— Но все же когда нибудь вы вернетесь въ Вильно?

— Вернусь ли — не знаю... да... не знаю, — печально проговорилъ онъ. — Знаю лишь то, что никогда, до самой смерти, не забуду васъ. Пойдемте въ церковь, мнѣ хочется помолиться.

Они быстро направились въ церковь. Улицы были почти

совсѣмъ пусты и никто имъ не мѣшалъ обмѣниваться долгими, краснорѣчивыми взглядами. На глазахъ какъ у дѣвушки, такъ и у юноши были слезы, но они не стыдились ихъ. На перти молодыхъ людей догналъ Батрани, и взявъ Яна за руку, опять спросилъ:

— Какъ же ты рѣшилъ?

— Я не могу здѣсь остаться, — отвѣтилъ Янъ. — Потомъ, быть можетъ, вернусь. Наконецъ, что же мнѣ тутъ дѣлать? Съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе привязываюсь къ этому ангелу, — онъ указалъ на молящуюся Ягусю, — и потому долженъ бѣжать.

— На дорогу, — въ смущеніи замѣтилъ италянецъ, — надо больше денегъ. Я уже думалъ объ этомъ, но ихъ у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ. Если ты дѣйствительно любишь своего учителя, то навѣрное не откажешься взять вотъ эти часы, они мнѣ не нужны. Это на память мнѣ подарилъ мой отецъ, когда я уѣзжалъ изъ теплой, чудной Флоренціи въ вашу холодную страну. Я охотно даю тебѣ часы, въ случаѣ нужды, ты можешь ихъ продать, а если до этого не дойдетъ, вернешь мнѣ. Если же меня не будетъ въ живыхъ, то пусть они останутся у тебя, какъ память о твоёмъ наставникѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! я не приму этой жертвы! — воскликнулъ юноша, со слезами обнимая старика, — не хочу, не могу!

Черезъ нѣсколько минутъ Янъ простился съ своимъ дорогимъ наставникомъ и съ любимой дѣвушкой, помолился и отправился въ путь.

Янъ, вернувшись въ деревню, уже не засталъ въ живыхъ своихъ сестеръ, которыя почти одновременно умерли отъ какой-то эпидемической болѣзни. Мать была убита горемъ, нуждалась, и юношѣ пришлось заботиться какъ о ней, такъ и о своей будущности.

Но гдѣ найти подходящую работу и съ кѣмъ посоветоваться? Янъ долго раздумывалъ надъ этимъ вопросомъ и въ концѣ концовъ рѣшилъ пойти въ монастырь.

Прежній настоятель давно уже умеръ, а новый, по слухамъ, какъ разъ въ это время предпринималъ основательный ремонтъ всего собора. Обстоятельства благопріятствовали Яну.

Подробно узнавъ обо всемъ, молодой человекъ направился прямо въ келью настоятеля.

— Отче,—сказалъ онъ,—я живописецъ, учился нѣсколько лѣтъ въ Вильнѣ у Ширки и итальянца Батрани, теперь нахожусь въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ и ищу работы. Нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь подходящаго?

Настоятель сталъ подробно его разспрашивать и, какъ человекъ ученый и нѣкогда большой знатокъ въ области искусства, тотчасъ понялъ, что имѣеть дѣло съ личностью талантливою и безусловно искреннею.

— Дитя мое,—отвѣтилъ онъ,—я охотно воспользовался бы твоими услугами, но что-же тебѣ могутъ дать капуцины? Въ прежнее время доходы монастыря были значительные, благодаря обильнымъ пожертвованіямъ, нынче все измѣнилось и вознаградить тебя, сообразно качеству твоей работы, было-бы довольно затруднительно.

— Отче,—съ чувствомъ проговорилъ Янъ,—для васъ я работалъ-бы за кусокъ хлѣба, просто изъ религіознаго чувства, но мнѣ надо думать о бѣдной матери и своей дальнѣйшей будущности.

— Сколько-же тебѣ нужно?—спросилъ капуцинъ, съ участіемъ взглянувъ на молодого человека.

— Право не знаю,—чистосердечно отвѣтилъ Янъ,—я въ этомъ отношеніи неопытенъ. Мать моя не имѣетъ средствъ къ жизни, а потому мнѣ надо поѣхать въ Вильно или Варшаву, докончить образованіе и затѣмъ самостоятельно работать, чтобы сколько-нибудь обезпечить ее подъ старость.

— Прежде всего,—сказалъ настоятель,—пойдемъ со мной въ церковь, осмотримъ, что надо сдѣлать, затѣмъ быть можетъ найдемъ какого-нибудь набожнаго человека, который пожертвуетъ для украшенія Божьяго храма необходимую сумму.

Понамарь открылъ двери, они вошли въ церковь и подробно стали осматривать каждый алтарь. Янъ, между прочимъ, указалъ на фрески Данкертса и объяснилъ, что для приведенія ихъ въ надлежащій видъ потребуется не мало расходовъ.

Когда осмотръ былъ конченъ, настоятель на прощанье проговорилъ:

— Приди, мой сынъ, въ воскресенье вечеромъ. Послѣ богослуженія ко мнѣ на обѣдъ соберутся нѣкоторые помѣщики, я поговорю съ ними, авось кто-либо изъ нихъ поможетъ намъ.

Янъ ушелъ. Вечеромъ того-же дня монастырскій слуга привезъ его матери хлѣба и разныхъ другихъ съѣстныхъ припасовъ. Слуга передалъ также записку отъ настоятеля. Въ ней заключалось слѣдующее: «Какъ бѣдный съ бѣднымъ, мы дѣлимся съ вами милостыней, а потому пожалуйста не благодарите».

Янъ былъ очень растроганъ поступкомъ честнаго священника, и въ благодарность рѣшилъ преподнести ему небольшой образъ.

Несмотря на то, что комната была мала и темна, картина оказалась очень удачной. На ней былъ изображенъ святой Антоній въ пустынѣ.

Настало воскресенье. Янъ сначала отправился въ церковь, а затѣмъ, послѣ богослуженія, пошелъ къ настоятелю, въ келью котораго было много гостей.

Монахъ, увидя юношу, приблизился къ нему и тихо проговорилъ:

— Славу Богу, все идетъ хорошо, одинъ помѣщикъ уже пожертвовалъ нѣкоторую сумму. Деньги находятся у меня и ты можешь ихъ считать своими. Лѣса тоже онъ поставитъ на свой счетъ.

Юноша выразилъ искреннюю благодарность монаху, и, вручивъ ему образъ, сказалъ:

— Отче, примите отъ меня эту работу на память.

Когда настоятель, снявъ закрывавшую образъ бумагу, поднесъ его къ окну, чтобы лучше его рассмотреть, Янъ поспѣшно удалился.

Помѣщики окружили священника и съ любопытствомъ стали разсматривать картину. Монахъ, взглядывшись въ нее, глубоко задумался. Среди этой толпы онъ, быть можетъ, одинъ оцѣнилъ по достоинству это прекрасное произведение.

— Этотъ юноша далеко поидетъ, конечно, если ему Богъ поможетъ,—сказалъ наконецъ настоятель.—Человѣкъ, который въ состояніи создать такое произведение, несомнѣнно обладаетъ крупнымъ талантомъ и знаніемъ. Картинка прелестна.

— Прелестна!—хоромъ повторили гости,—прелестна!

— А пишетъ онъ портреты? — спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Почему-бы нѣтъ?—отвѣтилъ монахъ.—Это не такъ трудно уловить извѣстныя черты и передать ихъ на полотно; гораздо важнѣе выразить свою мысль, воплотить ее въ прекрасныхъ образахъ. Предложите ему какую-нибудь работу, это будетъ съ вашей стороны благое дѣло. У него на попеченіи бѣдная мать, кромѣ того, ему самому надо ѣхать въ Вильно или Варшаву, гдѣ ему легче найти средства къ существованію и добиться славы.

— Если бы онъ не заломилъ слишкомъ большую цѣну,—сказалъ эксъ-экономъ изъ Новаго Двора,—я-бы предложилъ написать два портрета: съ меня и моей супруги.

— Нѣтъ, онъ дорого не возьметъ, хотя, между нами будь сказано, вамъ стыдно было-бы предложить ему небольшую плату за увѣковѣченіе вашей фizioноміи, а также вашей почтенной супруги. Имѣйте въ виду, что это вѣликолѣпный живописецъ, такихъ, какъ онъ, немного найдется и въ большихъ городахъ.

— А какъ, отче, вы полагаете: сколько стоили-бы изображенія—мое и моей супруги? Портреты должны быть большіе, на полотнѣ, въ золоченыхъ рамахъ и съ гербами.

— Все это прекрасно, но нельзя же предложить ему меньше ста рублей за каждый портретъ, да и то безъ рамъ, такъ какъ рамы не его дѣло.

— Ахъ ты Господи! Да вѣдь это прекрасное занятіе, если оно даетъ такой большой доходъ.

— Да и трудъ великъ,—сказалъ настоятель.—Только вельможи,—добавилъ онъ съ еле замѣтной улыбкой,—могутъ заказывать портреты.

— Вельможи! вельможи! А мы чѣмъ хуже ихъ? Развѣ мы не такіе же дворяне, какъ они?—воскликнулъ эксъ-экономъ, закрутивъ свои богатырскіе усы.—У меня вѣроятно хватитъ денегъ на два портрета, хотя-бы по сто рублей каждый.

Нѣкоторые изъ гостей снова стали разсматривать образъ св. Антонія, а настоятель такъ ловко повелъ дѣло, что для молодого живописца нашлось еще нѣсколько заказовъ.

На слѣдующій день въ церкви уже ставили лѣса и Янъ съ большимъ рвеніемъ принялся за работу. Довольно часто его навѣщали мать, настоятель и одинъ молодой монахъ, очень подружившійся съ художникомъ. Время для него проходило

незамѣтно, такъ какъ ему приходилось возстановлять и поправлять картины очень хорошихъ мастеровъ.

Въ промежуткѣ этой работы онъ началъ портреты экста-эконома и его супруги. Но тутъ задача была труднѣе. Послѣ первыхъ сеансовъ почтенная дама заявила претензію, что она вышла не достаточно молодой и якобы съ болѣе длиннымъ носомъ, чѣмъ былъ онъ въ дѣйствительности. Помѣщикъ требовалъ больше важности въ лицѣ, то есть того, чего у него никогда не было. Яну приходилось передѣлывать, исправлять безъ конца. Вся челядь собиралась на совѣтъ: батраки, конюхи, дѣвки изъ прачешной, коровницы, еврей, арендаторъ молочныхъ скоповъ, словомъ, всѣ высказывали свое мнѣніе относительно красоты. Молодого живописца все это чрезвычайно раздражало и даже оскорбляло, но онъ молчалъ. Въ концѣ концовъ дѣло обошлось благополучно, какъ помѣщика съ длинныхъ носомъ, такъ и помѣщикъ съ своей важностью остались довольны и аккуратно уплатили всю слѣдующую за портреты сумму.

Яну пришлось еще нѣсколько мѣсяцевъ проработать въ церкви и у сосѣднихъ помѣщиковъ, прежде чѣмъ удалось скопить достаточно денегъ для намѣченной поѣздки. Мать уговаривала его ѣхать въ Вильно, но отецъ настоятельно совѣтовалъ непременно отправиться въ Варшаву и употребить всѣ усилія, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ королю Станиславу-Августу, большому поклоннику всѣхъ изящныхъ искусствъ и покровителю художниковъ. Янъ, послѣ продолжительнаго размышленія, рѣшилъ ѣхать въ Варшаву. Простившись съ матерью, онъ въ пасмурный осенній день отправился въ путь.

Дорога была продолжительная и довольно однообразная. Молодой художникъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ какихъ нибудь интересныхъ видовъ, но, увы, ихъ было очень немного. Наконецъ, однажды вечеромъ ему пришлось остановиться въ одномъ мѣстечкѣ, вблизи котораго на холмѣ стоялъ большой дворецъ Сапѣги. Трехъэтажный его корпусъ длинными галереями соединялся съ флигелями. Янъ внимательно разсматривалъ громадное зданіе, которое въ эту минуту, освѣщенное лучами заходящаго солнца, невольно поражало своимъ красивымъ величественнымъ видомъ. Молодой художникъ не выдержалъ, взялъ бумагу, желая срисовать его. Приблизившись къ холму, онъ замѣ-

тилъ какого-то важнаго господина, который, очевидно, не менѣе его былъ заинтересованъ постройкой, и набрасывалъ ея контуры въ своемъ дорожномъ альбомѣ.

Янъ невольно подошелъ ближе, такъ что тѣнь отъ его фигуры упала на бумагу рисующаго, который съ досадою повернулъ голову и высокомерно посмотрѣлъ на художника.

На поклонъ Яна онъ еле кивнулъ головой, и, глядя въ альбомъ, произнесъ сквозь зубы:

— Вы здѣшній?

— Нѣтъ, я проѣзжій и тоже хочу срисовать этотъ замокъ.

— А! вотъ какъ! — отчасти насмѣшливо замѣтилъ господинъ. — Вы хотѣли рисовать, а между тѣмъ я занялъ лучшее мѣсто, неправда ли? Миѣ, однако, кажется, что вамъ не помѣшаетъ расположиться немного ниже.

— Совершенно вѣрно, — съ улыбкой отвѣтилъ Янъ, — но въ такомъ случаѣ рисунокъ можетъ быть не совсѣмъ правильный, такъ какъ, глядя снизу, намъ часто кажется, будто то, что мы видимъ, падаетъ.

Незнакомецъ пристально взглянулъ на художника.

— Вы, вѣроятно, будете счастливѣе меня; такъ какъ я не могъ даже набросать контура этого зданія, а между тѣмъ солнце скоро уже отъ насъ скроется.

— Попытаюсь, — сказалъ Янъ, въ полной увѣренности, что ему удастся разрѣшить эту задачу.

Расположившись немного ниже, онъ набросалъ главные линіи, обозначилъ планъ, съ удивительною быстротою передалъ весь этотъ видъ, который съ помощью нѣсколькихъ тѣней тушью, и нѣсколькихъ сильныхъ штриховъ оказался полонъ жизни и колорита.

Незнакомецъ по мѣрѣ того, какъ подвигалась работа, все пристальнѣе, все внимательнѣе вглядывался въ рисунокъ. Наконецъ, когда все было кончено, проговорилъ:

— Великолѣпно! Вы настоящій художникъ, въ полномъ смыслѣ слова художникъ! Не пожелаете-ли вы исправить мой рисунокъ? — добавилъ онъ, указывая на свой альбомъ.

— Зачѣмъ же миѣ портить вашу мысль? Позвольте, если это доставитъ вамъ удовольствіе, предложить мою работу.

Незнакомецъ, немного смущенный тѣмъ, что сначала такъ

нелюбезно принялъ этого, какъ теперь ему казалось, добродушнаго человѣка, взявъ эскизъ, съ изысканной вѣжливостью приподнялъ шляпу.

— Я былъ-бы очень радъ, — проговорилъ онъ, — чѣмъ нибудь отблагодарить васъ.

— Это пустякъ и не стоитъ никакой благодарности. Я набросалъ этотъ рисунокъ отъ скуки, такъ какъ меня случайно здѣсь задержалъ мой кучеръ.

— Какъ странно, что вы уроженецъ этого края и вмѣстѣ съ тѣмъ такой художникъ, — замѣтилъ незнакомецъ.

— Художникъ? Нѣтъ, я еще не рѣшаюсь считать себя таковымъ; я учусь и, быть можетъ, когда-нибудь буду художникомъ. Я ѣду теперь въ Варшаву доканчивать свое образование.

Незнакомецъ искоса взглянулъ на Яна.

— Не могу-ли я быть чѣмъ-нибудь вамъ полезенъ? — тихо промолвилъ онъ. — Расскажите мнѣ, кто вы такой, гдѣ вы учились и что намѣрены предпринять?

— Сомнѣваюсь, будетъ-ли это для васъ интересно.

— О! я люблю художниковъ.

Янъ сталъ рассказывать свою исторію, которую его важный собесѣдникъ часто прерывалъ разными шуточками и не особенно внимательно слушалъ. Наивность признаній казалось ему очень смѣшной. Наконецъ, когда дѣло дошло до Батрани, онъ сталъ внимательнѣе.

— Это очень хорошій художникъ, — замѣтилъ онъ, — я видѣлъ его картины, знатоки ихъ цѣнятъ. Вѣроятно, у васъ въ портфель найдется не мало вашихъ работъ. Быть можетъ, вы зайдете ко мнѣ и захватите ихъ съ собой; я остановился на постояломъ дворѣ, цѣлый вечеръ буду дома.

Янъ принялъ приглашеніе и вечеромъ явился къ незнакомцу.

На столѣ были уже приготовлены разныя закуски и чай. Незнакомецъ сидѣлъ за столомъ и тотчасъ пригласилъ художника закусить, но Янъ отказался.

Черезъ часъ начался осмотръ принесенныхъ имъ работъ.

— Вы на очень хорошей дорогѣ, — проговорилъ незнакомецъ, осматривъ нѣсколько эскизовъ. — Вы будете отличнымъ художникомъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Тутъ

есть великолѣпныя вещицы, но вамъ надо ѣхать не въ Варшаву, а въ Италію. У васъ много знакомыхъ въ столицѣ?

— Нѣтъ никого.

— Въ такомъ случаѣ, въ знакъ благодарности за рисунокъ, я дамъ вамъ письмо къ придворному художнику Марцеліу Баччіарелли, или къ Смуглевичу, который вскорѣ долженъ вернуться изъ Рима.

Янъ выразилъ горячую благодарность своему неожиданному покровителю.

— Не благодарите меня. Если моя помощь на что-нибудь пригодится, я буду счастливъ тѣмъ, что наша страна обогатится знаменитымъ художникомъ. Но вамъ еще предстоитъ проѣхать не малое разстояніе, а потому, скажите мнѣ откровенно, сколько у васъ денегъ?

Художникъ чистосердечно признался какой онъ располагаетъ суммой.

Молодой вельможа громко расхохотался.

— Простите меня,—сказалъ онъ черезъ минуту,—но я не могъ удержаться отъ смѣха. Неужели вы рѣшились ѣхать съ такими ничтожными средствами?

— Да.

— Я считаю своею обязанностью продолжать дѣло, начатое моимъ кузеномъ Тромбскимъ и немного помочь вамъ. Вотъ возьмите двадцать червонцевъ, которые вы мнѣ вернете, когда ваши дѣла будутъ хороши; приходите ко мнѣ завтра, я дамъ вамъ еще письмо.

— Я вамъ чрезвычайно благодаренъ за ваше участіе ко мнѣ,—съ чувствомъ проговорилъ Янъ.

— Мы съ вами, вѣроятно, встрѣтимся въ Варшавѣ,—на прощанье сказалъ покровитель,—а потому вотъ вамъ мой адресъ (при этомъ онъ вручилъ Яну свою визитную карточку. Впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ, я раньше васъ буду въ Варшавѣ, хотя теперь ѣду въ совершенно противоположную сторону, такъ какъ вамъ съ столь небольшимъ запасомъ денегъ придется, вѣроятно, долго тащиться.

Разставшись съ своимъ покровителемъ, Янъ тотчасъ о случившемся написалъ матери и послалъ ей часть такъ неожиданно полученныхъ денегъ.

Въ печальное время пріѣхалъ Янъ въ Варшаву. Столичная жизнь была запятнана развратомъ и продажною. Это равнодушіе къ судьбѣ своего отечества, это легкомысліе на краю пропасти, этотъ бѣсовскій танецъ разнузданныхъ, опьянѣвшихъ, обезумѣвшихъ эпикурейцевъ представлялъ ужасное, необыкновенное зрѣлище. Смѣхъ и веселье иногда прерывались какой нибудь страшной вѣстью, но вскорѣ опять раздавались звуки музыки, опять начиналась вакханалія. Эта безумная оргія порою походила на погребальную тризну, въ этомъ угарѣ страстей заключалось что-то мрачное, трагическое.

Янъ былъ ошеломленъ массою самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній и въ первыя минуты положительно, не зналъ, что дѣлать, куда идти, къ кому обратиться за совѣтомъ.

Прежде всего надо было отыскать себѣ комнату. Послѣ долгихъ мытарствъ, онъ нашелъ ее въ какомъ-то очень не презентабельномъ постояломъ дворѣ. Въ отысканіи помѣщенія ему отчасти помочь его возница еврей Давидъ.

На слѣдующій день Янъ отправился къ Баччіарелли.

Войдя въ прихожую, онъ тотчасъ попросилъ доложить о себѣ художнику.

— У васъ какое нибудь дѣло? — спросилъ слуга.

— Дѣло.

— Вы собственно отъ кого?

— Какъ отъ кого? Отъ себя самого. Кромѣ того, у меня есть письмо къ Баччіарелли.

— А! письмо! позвольте я передамъ.

— Нѣтъ, я самъ хочу передать. Когда я могу его видѣть?

— Господинъ Баччіарелли принимаетъ отъ четырехъ до пяти пополудни, да и то лишь въ томъ случаѣ, если дѣло очень важное.

Сказавъ это, слуга быстро закрылъ дверь.

Въ назначенный часъ Янъ снова явился къ знаменитому художнику.

Баччіарелли принялъ его, прочиталъ рекомендательное письмо и спросилъ:

— Что-же вамъ угодно?

— Я хочу имѣть честь принадлежать къ числу вашихъ учениковъ.

Баччіарелли, польщенный этимъ отвѣтомъ, улыбнулся.

— Я не даю уроковъ,—сказалъ онъ: — у меня довольно много учениковъ, но я имъ плачу, а не они мнѣ. Господинъ С. желаетъ чтобы я вамъ помогъ; дѣлать нечего, приходится исполнить его желаніе. Слѣдуйте за мной.

Мастерская моднаго художника была громадна, въ ней была масса картинъ, но большинство изъ нихъ были портреты.

Яна это обстоятельство нѣсколько удивило.

— Гдѣ вы учились?—спросилъ Баччіарелли, внимательно всматриваясь въ молодого человѣка.

— Въ Вильнѣ у Батрани.

— Кто это такой Батрани? А! а! итальянецъ, флорентинецъ, роверго! Что-же вы умѣете? Вы писали съ натуры, пишете масляными красками?

— Немного,—скромно отвѣтилъ Янъ.

— Я бы желалъ что-нибудь сдѣлать для господина С.,—сказалъ Баччіарелли: *c' est un charmant garçon...*, но у меня въ мастерской уже столько учениковъ.... Впрочемъ, нарисуйте что-нибудь на этомъ полотнѣ,—добавилъ онъ, какъ бы нехотя,—нарисуйте, что вамъ угодно.

Сказавъ это, онъ отошелъ въ сторону и съ любопытствомъ сталъ смотрѣть.

Янъ, несмотря на смущеніе, которое имъ овладѣло въ присутствіи столь извѣстнаго художника, окруженнаго многочисленными учениками, нѣсколькими смѣлыми штрихами обрисовалъ голову старца (въ родѣ св. Іеронима), обозначилъ грудь, сложенные руки, а затѣмъ контуры торса.

— Недурно,—сквозь зубы процѣдилъ Баччіарелли.— Но можете-ли вы, однако, писать масляными красками? Вы долго этимъ занимались?

— Годъ.

— А! только годъ.

Завистливый итальянецъ, въ первую минуту удивленный смѣлостью рисунка, теперь снова презрительно посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— Ну, вотъ покажите мнѣ,—добавилъ онъ,—какъ вы пишете масляными красками. Вы умѣете обращаться съ броссой?

— Умѣю.

Баччіарелли велѣлъ принести палитру и кисти.

Янъ сталъ показывать свое искусство. Черезъ нѣсколько минутъ на полотнѣ была великолѣпно изображена голова старца. Выраженіе ея, колоритъ, полутѣни доказали, что молодой человѣкъ обладалъ крупнымъ, оригинальнымъ талантомъ. Абрисы, быть можетъ, были чуть-чуть рѣзки, слишкомъ отчетливы, но въ общемъ работа оказалась безупречной. Быстрота исполненія, твердость, экспрессія изумили присутствовавшихъ учениковъ.

— *Che diavolo!* — поблѣднѣвъ, пробормоталъ Баччіарелли, — очень недурно, очень недурно. Я принимаю васъ на такихъ-же условіяхъ, какъ и другихъ. Вы будете работать подъ моимъ наблюденіемъ, для меня и болѣе ни для кого.

— Какъ-такъ? — робко спросилъ Янъ.

— Да такъ, — отвѣтилъ художникъ. — Что вы сдѣлаете, будетъ принадлежать исключительно мнѣ, а въ работѣ у меня недостатка не будетъ. Такъ завтра вы начинаете. Занятія у меня продолжаются съ восьми утра до обѣда, иногда и послѣ обѣда, но теперь впрочемъ дни коротки. Объ остальномъ вамъ скажутъ ваши товарищи.

Проговоривъ это, онъ направился къ двери, но передъ тѣмъ, какъ открыть ее, попросилъ одного изъ учениковъ стереть съ полотна написанную Яномъ голову старца.

И въ ту-же минуту тряпка, смоченная скипидаромъ, разомъ уничтожила великолѣпный эскизъ. Голова исчезла, какъ сновидѣніе. Послѣ ухода Баччіарелли, Яна окружили его будущіе товарищи, люди все молодые, веселые, одѣтые въ свободныя зеленныя блузы.

— Какъ тебя звать, коллега, и откуда ты? — спросилъ одинъ изъ нихъ, красивый, статный мужчина. Выраженіе его лица, фигура, жесты были полны благородной гордости.

— Я литвинъ, учился въ Вильнѣ и хочу еще учиться, такъ какъ очень люблю искусство.

— Дай Богъ тебѣ счастья! — сказалъ другой ученикъ, небольшого роста блондинъ съ смѣющимися глазами, — но знаешь-ли, что тебя ожидаетъ? Всему міру извѣстно, что Литва до сихъ поръ коситъ въ язычествѣ, а потому намъ прежде всего необходимо тебя крестить.

— Полно шутить, — прервалъ его товарищъ, сильный, коренастый мужчина съ взъерошенными волосами, — оставь нового коллегу въ покоѣ; быть можетъ, онъ на послѣдніе гроши прибылъ сюда, какъ въ спасительную гавань.

— Такъ по твоему у него не на что устроить крещеніе? — спросилъ юноша.

— Найдется, — сказалъ Янъ, — только дайте мнѣ, господа, немного оправиться, осмотрѣться.

— Вотъ это я люблю! — воскликнулъ юноша. — Давай обнимемся! Впрочемъ, мы тебя освобождаемъ отъ этого торжественнаго акта и признаемъ тебя крещенымъ. Dixi!

Всѣ съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ новому товарищу.

Черезъ нѣсколько минутъ Янъ отправился домой, но не успѣлъ онъ выйти на улицу, какъ его догнали двое изъ коллегъ.

— Слушай, — сказалъ одинъ изъ нихъ съ взъерошенными волосами, котораго звали Феликсомъ, — какой дьяволъ тебя загналъ въ мастерскую Баччіарелли?

— Дьяволъ? — спросилъ Янъ: — я считалъ это величайшимъ счастьемъ.

Другой коллега, извѣстный среди товарищей подъ прозвищемъ Лонгина, замѣтилъ:

— Нечего сказать, величайшее счастье продать свою душу и тѣло человѣку, который заставляетъ тебя работать, какъ машину, отдавать свою мысль. Вѣдь это рабство въ полномъ смыслѣ слова!

— Пойдемте въ Саксонскій садъ, — прервалъ Феликсъ, прозываемый Хмурой: — ты намъ расскажешь, какая буря занесла тебя сюда.

Янъ откровенно разсказалъ про свою жизнь, про свое пребываніе у Батрани, про свое путешествіе и встрѣчу съ кузеномъ Тромбскаго.

— Этотъ господинъ, — замѣтилъ Хмура, — вѣроятно, изъ мести за перенесенное униженіе послалъ тебя къ Баччіарелли, чтобы погубить твой талантъ.

— Значитъ, по вашему, я здѣсь ничему не научусь? — спросилъ Янъ.

— Мы видѣли, какъ ты рисовалъ, — сказалъ Лонгинъ, — и ви-

дѣли, какъ Баччіарелли то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, глядя на твою работу. Онъ, конечно, будетъ эксплуатировать тебя, но не надѣйся приобрѣсти подъ его руководствомъ ничего, кромѣ навыка и ловкости въ техническомъ отношеніи. Можетъ случиться, что послѣ непродолжительнаго пребыванія у насъ въ твоихъ работахъ явится мягкость, порой нелишенная слащавости, и чудное соединеніе тоновъ, которымъ мы, по признанію многихъ, отличаемся, но зато у тебя утратится смѣлость линий и тѣней. Ты не разовьешься здѣсь, потому что у насъ не бесѣдуютъ объ искусствѣ вообще и въ частности о живописи, такъ какъ самъ Баччіарелли только ловкая машина. Словомъ, мы всѣ будемъ эксплуатировать тебя безъ милосердія.

— Я надѣялся, что, спустя нѣкоторое время, отсюда какъ-нибудь попаду въ Италію.

— Это надежда cadaго изъ насъ, но до сихъ поръ въ этомъ отношеніи посчастливилось одному Смуглевичу, которому уже и теперь Баччіарелли завидуетъ. Нашъ патронъ не особенно заботится о рисункѣ, хотя если постарается, то онъ у него найдется. Баччіарелли придастъ значеніе пріятному гармоническому колориту, но болѣе всего—вниманію короля и его придворныхъ. Чаще всего онъ занятъ портретами и голыми богинями. Если онъ кого-нибудь и пошлетъ въ Италію, то развѣ въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ увѣренъ, что толку изъ этого не выйдетъ, то есть, что отправленный не явится для него впоследствии опаснымъ конкурентомъ. Тебя же никогда не пошлетъ.

— Ты мнѣ льстишь,—сказалъ Янъ,—я прекрасно сознаю, что мнѣ еще многого недостаетъ.

— Ты или слишкомъ скромнѣе или большой шутникъ,—добавилъ Хмура.

— Считайте меня такимъ, каковъ я есть. Я предпочитаю быть обманутымъ, неужели обманывать. Совѣтуйте мнѣ, что дѣлать?

— Дѣло сдѣлано, ты попалъ въ лапы Баччіарелли и не такъ-то легко освободиться отъ него. Развѣ...

— Развѣ что?

— Развѣ тебя замѣтитъ король, но въ такомъ случаѣ Баччіарелли подъ какимъ-нибудь предлогомъ постарается удалить

тебя. Тогда ты конечно можешь самъ открыть мастерскую и свободно заняться искусствомъ.

На Яна непріятно подѣйствовали рассказы товарищей; онъ понялъ, что у Баччіарелли почти ничему не научится и, кромѣ того, очень многое забудетъ.

Хмура, которому новый товарищъ очень понравился, на прощанье сказалъ:

— Мнѣ кажется, что ты человѣкъ неиспорченный и честный, а потому прими къ свѣдѣнію нѣкоторые мои совѣты, такъ какъ они могутъ тебѣ очень пригодиться въ новой жизни. Не высказывай въ рѣзкой формѣ правды, въ особенности тому, кому она не нравится, потому что безъ надобности приобрѣтешь себѣ недруговъ. Не выказывай своего превосходства. Берегись того красавца въ беретѣ, что похожъ на Рафаэля. Остерегайся также того молчаливаго господина, потому что онъ шпионъ Баччіарелли. Затѣмъ, тотъ весельчакъ, который хотѣлъ тебя крестить, хотя добрый малый, но совсѣмъ еще ребенокъ. Намъ ты можешь довѣриться. Я и честный Лонгинъ тожился здѣсь и вздыхаемъ, какъ израильтяне въ пустынѣ. Тѣмъ хочется блестящей жизни, хочется денегъ, ради которыхъ они готовы воспользоваться даже неблаговидными средствами; мы же думаемъ, что искусство есть нѣчто въ родѣ священнодѣйствія, какъ говаривалъ твой неогнѣнный, благородный старикъ Батрани. Ну, а пока будь здоровъ. Да, кстати, гдѣ ты живешь?

Янъ указалъ.

— Слушай-же,— прервалъ Хмура:— сейчасъ же переѣзжай ко мнѣ. У меня помѣщеніе обширное, свѣтлое, гдѣ можно свободно работать; вдвоемъ намъ будетъ лучше и веселѣе. Если впоследствии ты окажешься далеко не столь хорошимъ малымъ, какъ въ данный моментъ, тогда мы безъ церемоніи разстанемся.

Янъ съ радостью принялъ столь любезное предложеніе и въ тотъ-же день перевезъ свои вещи къ Феликсу, квартира котораго была чиста, свѣтла и во всѣхъ отношеніяхъ удобна. На слѣдующій день Яну поручили заканчивать портреты, которымъ онъ придавалъ присущій ему колоритъ. Его манера писать не понравилась Баччіарелли, и первый любимецъ придворнаго художника сталъ высмѣивать ее. Яну приказано было согласоваться со всѣми и отнюдь не выдѣляться. Работа оказалась невѣ-

роятно однообразной, рабской и нисколько не поучительной. Баччиарелли изрѣдка приходилъ, исправлялъ и за всякое отступленіе отъ принятаго шаблона дѣлалъ строгіе выговоры. Онъ, какъ всѣ недалекіе люди, считалъ себя выше критики, и не понималъ, что красота можетъ быть выражена различными средствами и въ разной формѣ. Молодой человѣкъ вскорѣ замѣтилъ, что онъ не только не обогащается познаніями, но теряетъ то, что имѣлъ. Янъ не переставалъ мечтать объ Италіи, но какъ было попасть туда?

Хмура съ горькой улыбкой говорилъ:

— Попалъ въ колодезь, ну, и сиди въ немъ спокойно. Заниматься, какъ слѣдуетъ быть, искусствомъ намъ придется только дома; мы свободны по воскресеньямъ и праздникамъ, въ нашемъ распоряженіи картинная галлерей въ королевскомъ замкѣ, гдѣ много хорошихъ образцовъ, а потому будемъ пока совершенствоваться безъ руководителя. Но прежде всего, если хочешь быть художникомъ, избѣгай города. Это Содомъ и Гоморра!

Дѣйствительно, Варшава въ то время вполнѣ заслуживала этого названія, до такой степени тамъ были испорчены всѣ слои населенія. Все вращалось вокругъ личныхъ эгоистическихъ интересовъ. Обязанности по отношенію къ народу, къ государству въ большинствѣ случаевъ игнорировались, и цѣлью жизни было только наслажденіе.

На Яна все это производило удручающее впечатлѣніе, и потому онъ старался держаться вдали отъ общества, усердно работалъ дома и мечталъ объ Италіи.

Счастливый случай помогъ ему. Король Станиславъ-Августъ рѣшилъ устроить карусель въ память знаменитой побѣды Яна Собѣскаго надъ турками подъ Вѣной. Янъ, получивъ разрѣшеніе, отправился любоваться блестящимъ турниромъ, на которомъ знатные дамы украшали серебряными и золотыми медалями юношей-побѣдителей, одѣтыхъ въ блестящіе рыцарскіе доспѣхи. Между прочимъ, было устроено подобіе битвы, въ которой принимали участіе мальчики-кадеты. Молодой художникъ такъ заинтересовался этимъ зрѣлищемъ, что ча слѣдующій день воспроизвелъ это на небольшой картинѣ. Хотя рисунокъ былъ сдѣланъ наскоро, тѣмъ не менѣе группы и отдѣльныя фигуры оказались очень удачны.

Какъ разъ въ этотъ день король пріѣхалъ въ мастерскую Баччіарелли, чтобы осмотрѣть портретъ госпожи Н., которая была изображена въ очень нескромной позѣ, напоминавшей Венеру Тиціана. Переходя отъ мольберта къ мольберту, король случайно замѣтилъ на столѣ рисунокъ Яна и съ любопытствомъ сталъ его разсматривать.

Баччіарелли тихо сказалъ:

— Это забава моихъ учениковъ.

— А! да вѣдь это карусель, — сказалъ Станиславъ-Августъ, — и великолѣпно схвачена. Какая увѣренность, какая смѣлость, какая удачная группировка! Кто это рисовалъ?

Янъ поблѣднѣлъ, не рѣшаясь признаться.

— Право не знаю, который изъ нихъ, — сказалъ Баччіарелли, но какъ бы невольно указалъ на своего любимца въ бархатномъ беретѣ.

— Поздравляю тебя, мой мальчикъ! — проговорилъ король, все съ большимъ интересомъ всматриваясь въ рисунокъ; превосходно сдѣлано. Я бы желалъ, чтобы ты попытался написать это масляными красками подъ наблюденіемъ Баччіарелли.

Красивый юноша, смущенный незаслуженными похвалами, хотѣлъ было уже заявить, что это не онъ рисовалъ, но въ ту же минуту Баччіарелли поспѣшилъ увести короля къ какому-то новому портрету. Янъ взялъ свой рисунокъ и спряталъ его.

Черезъ нѣсколько часовъ на квартиру къ Яну пріѣзжалъ любимецъ художника и обратился съ просьбой дать ему рисунокъ, такъ какъ онъ получилъ приказаніе написать картину турнира.

— Пиши, — сказалъ Янъ, — если хочешь и если тебѣ приказано, но меня это вовсе не касается. Рисунка я тебѣ не дамъ.

— Въ такомъ случаѣ, пожалуйста къ Баччіарелли, — съ кислой улыбкой проговорилъ красавецъ.

Янъ немедленно отправился. Художникъ принялъ его очень холодно и тотчасъ сказалъ:

— Прошу васъ дать рисунокъ каруселя, Рудольфъ будетъ писать съ него картину.

— Рисунокъ этотъ моя собственность, — возразилъ Янъ.

— Все, что вы дѣлаете, принадлежитъ мнѣ, и я вамъ за это плачу, — съ гнѣвомъ сказалъ итальянецъ. — Таковъ былъ нашъ

нашъ уговоръ. Мнѣ желательно, чтобы Рудольфъ писалъ и онъ будетъ писать.

— Очень можетъ быть, но не съ моего рисунка. Я хочу оставить его у себя и сохранить на память.

— Въ такомъ случаѣ, пишите вмѣстѣ съ Рудольфомъ,— проговорилъ художникъ

— Не могу, такъ какъ знаю, что вся работа будетъ приписана ему. Здѣсь дѣло идетъ не о наградѣ, но мнѣ вовсе не желательно, чтобы другіе воспользовались моей мыслью.

— Вы упрямы и слишкомъ высокаго о себѣ мнѣнія!— сказалъ Баччіарелли.— Знайте, что вы въ данномъ случаѣ противитесь волѣ самого короля.

— Я всегда послушенъ королю, и если онъ прикажетъ, то я готовъ отказаться отъ своей работы.

— Его величество желаетъ, чтобы писалъ Рудольфъ.

— Пусть пишетъ,—сказалъ Янъ.

— Вы будете ему помогать?—спросилъ Баччіарелли.

— Нѣтъ.

— Это вашъ рѣшительный отвѣтъ!

— Рѣшительный!

— Въ такомъ случаѣ, вы у меня больше не занимаетесь. Янъ поклонился и вышелъ.

Слухъ о происшедшемъ быстро разошелся по всему замку. Баччіарелли мало кто любилъ, и потому всѣ рады были посмѣяться надъ заносчивымъ итальянцемъ.

Среди пажей Станислава-Августа наибольшей его милостью пользовался нѣкій остроумный юноша Туркуллъ. Совершенно случайно онъ помогъ Яну осуществить его давнишнюю мечту.

Король послалъ Туркулла съ прелестными вишнями къ своей племянницѣ госпожѣ Замойской. Въ дорогѣ лакомка такъ заглядѣлся на вишни, что, поддавшись соблазну, съѣлъ ихъ всѣ до единой, а вмѣсто нихъ купилъ на базарѣ самыхъ обыкновенныхъ вишенъ и отнесъ, куда было приказано. На слѣдующій день Станиславъ-Августъ навѣстилъ племянницу.

— Зачѣмъ же вы, ваше величество, такъ подшутили надо мной?— сказала Замойская.— Вы прислали мнѣ такихъ вишенъ, которыхъ даже въ ротъ нельзя было взять.

— Какъ такъ, *ma toute belle*? онѣ очень хороши!

— Отвратительныя, мелкія и кислыя!

— Кто ихъ принесъ?

— Право не помню.

— Ужъ не Туркулль ли?

— Очень возможно, — замѣтилъ присутствовавшій при этомъ Баччіарелли, который писалъ для короля портретъ госпожи Замойской. — Я вчера видѣлъ, какъ онъ покупалъ вишни.

— А, плутъ! — со смѣхомъ воскликнулъ король *il n'est pas degouté!*

Вернувшись во дворецъ, Станиславъ-Августъ велѣлъ позвать пажа.

Тотъ немедленно явился.

— Что ты сдѣлалъ съ вишнями госпожи Замойской? — спросилъ король, взявъ его за ухо.

— Ваше величество, что я могъ съ ними сдѣлать? Ихъ постигло то, что предназначено имъ судьбою.

— Да, но ты не отдалъ ихъ госпожѣ Замойской. Въмѣсто хорошихъ вишенъ, ты принесъ ей Богъ знаетъ какихъ. Она жаловалась, что онѣ были маленькія и кислыя.

— Я скоро ѣхалъ и, можетъ быть, отъ тряски онѣ сдѣлались такими кислыми.

— Баччіарелли говоритъ, что онъ видѣлъ, какъ ты на базарѣ покупалъ какія-то вишни.

— Онъ меня видѣлъ?

— Да, тебя.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается только сознаться, что эти вишни меня также соблазнили, какъ нѣкогда Адама яблоко. Вообще плоды для мужчинъ чрезвычайно опасны. Простите, ваше величество. Противъ вишенъ и женщинъ невозможно устоять, — добавилъ онъ съ притворнымъ огорченіемъ. — Ахъ, этотъ господинъ Баччіарелли «я ему отомщу», шепнулъ онъ про себя), онъ всегда видитъ то, что хочетъ и не видитъ того, чего не хочетъ.

— Чего же онъ не замѣтилъ? Расскажите господинъ Туркулль.

— О, многого, ваше величество! Напримѣръ, онъ замѣтилъ, какъ ученикъ его Рудольфъ рисовалъ карусель, а не замѣтилъ, что рисунокъ, который ваше величество изволили похвалить, былъ сдѣланъ другимъ лицомъ.

— Другимъ? Кѣмъ же именно?

— Какимъ-то бѣднымъ литвиномъ, котораго Баччіарелли исключилъ изъ числа своихъ учениковъ за то, что тотъ не согласился, чтобы другіе воспользовались его рисункомъ.

— Это не болѣе, какъ выдумка, — равнодушно сказалъ король.

Однако Станиславъ-Августъ въ тотъ же день посѣтилъ мастерскую Баччіарелли.

Подойдя къ Рудольфу, онъ тотчасъ спросилъ его:

— Ну, что, какъ идетъ дѣло съ каруселью?

— Ваше величество, — проговорилъ Баччіарелли, — мы уже сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія и работа скоро начнется.

— Вы говорили, что карусель нарисовалъ Рудольфъ. Такъ, кажется? — замѣтилъ король, пристально взглянувъ на ученика въ беретѣ.

Тотъ, по выраженію лица короля и его интонаціи, понялъ, что дѣло неладно, и хотѣлъ уже сознаться въ обманѣ, но итальянецъ не далъ ему вымолвить слова.

— Мнѣ кажется, — быстро заговорилъ онъ, — что я ошибся, сказавъ вашему величеству, что это онъ рисовалъ, тѣмъ не менѣе, никто изъ учениковъ лучше его не выполнитъ столь небольшой и вмѣстѣ съ тѣмъ столь сложной работы, разумѣется, подъ моимъ наблюденіемъ.

— Кто же, наконецъ, рисовалъ? — какъ бы равнодушно спросилъ король.

— Того ученика здѣсь нѣтъ, — отвѣтилъ Баччіарелли, — не знаю, почему, но вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ не приходитъ въ мастерскую, должно быть, нездоровъ.

— Пусть карусель пишетъ тотъ, кто первый нарисовалъ ее. Господинъ Баччіарелли, надѣюсь, мое желаніе будетъ исполнено въ точности.

Сказавъ это, король повернулся и ушелъ.

Послѣ полудня итальянецъ послалъ за Яномъ, но тотъ отказался идти. Наконецъ послали за нимъ второй разъ и только послѣ продолжительныхъ уговоровъ молодой человѣкъ пришелъ въ мастерскую. Баччіарелли сдѣлалъ видъ, будто между ними не было никакого недоразумѣнія, предложилъ тотчасъ приняться за работу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлью парали-

зовать эффект картины, назначилъ такой незначительный размеръ, что при множествѣ набросанныхъ на рисунокѣ фигуръ, казалось невозможнымъ успѣшно разрѣшить возложенную задачу. Янъ съ рвеніемъ принялся за дѣло и въ нѣсколько дней создалъ въ полномъ смыслѣ слова замѣчательную вещь: миниатюрныя фигуры были сдѣланы мастерски и казались живыми, все изображено было въ высшей степени отчетливо, свѣтотѣни оказались великолѣпными.

Баччіарелли, подѣ предлогомъ поправки, испортилъ картину. Янъ, во время замѣтивъ, уничтожилъ поправки, придалъ картинѣ прежній видъ, но сдѣлалъ это такъ ловко, что художникъ не видѣлъ его маневра. Черезъ нѣсколько дней король потребовалъ къ себѣ заказанную картину. Когда ее принесли, Баччіарелли къ своему великому удивленію, не нашелъ даже слѣдовъ своей работы.

— *Che bestia*, — пробормоталъ онъ только сквозь зубы.

Станиславъ-Августъ такъ остался доволенъ работой, такъ ею заинтересовался, что въ минутномъ увлеченіи, не обращая вниманія на критическія замѣчанія итальянца, велѣлъ немедленно призвать молодого художника.

— Проси чего хочешь и я исполню твое желаніе, — обратился къ нему король.

— Ваше величество, — проговорилъ Янъ, — я желалъ бы докончить свое образованіе въ Италіи.

— Поѣзжай, — сказалъ Станиславъ-Августъ, — и вернись оттуда великимъ художникомъ; тамъ уже есть нашъ Смуглевичъ, на котораго я возлагаю большія надежды. Много тебѣ не могу дать на путешествіе, но художники довольствуются малымъ. Я назначу тебѣ жалованье и дамъ денегъ на дорогу. Присылай мнѣ свои работы.

Янъ горячо поблагодарилъ своего вѣнценоснаго покровителя, а черезъ нѣсколько дней, получивъ деньги и рекомендательныя письма, Ругіутисъ уѣхалъ въ Италію.

— Привѣтъ тебѣ, наслѣдница Греціи, отечество возрожденнаго искусства, мать великихъ художниковъ! — воскликнулъ Янъ, вѣзжая въ старинныя ворота вѣчнаго города.

Молодой человѣкъ былъ въ восторженномъ настроеніи.

Великіє памятники древней цивилизаціи, встрѣчавшіеся въ Римѣ въ такомъ изобиліи, произвели на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

Въ первые дни послѣ пріѣзда онъ былъ точно въ какомъ-то чаду, подавленный массою самыхъ разнообразныхъ ощущеній. Съ утра до вечера Янъ осматривалъ то старинныя соборы и памятники первыхъ вѣковъ христіанства, то многочисленныя богатѣйшія картинныя галлерей. Всюду было надъ чѣмъ задуматься и чѣмъ восхищаться. Переходя отъ картины къ картинѣ, отъ статуи къ статуѣ, Руггіутисъ неоднократно интересовался вопросомъ, что же является главнымъ въ искусствѣ: линіи-ли, колоритъ или сила? Каждое произведеніе давало иной отвѣтъ, не было ни одного, въ которомъ въ полнѣйшей гармоніи сочетались бы всѣ эти условія.

Янъ старался понять каждого изъ великихъ мастеровъ, по цѣлымъ часамъ просиживая передъ ихъ картинами. Чѣмъ менѣе было ему симпатично какое нибудь произведеніе, тѣмъ сильнѣе онъ стремился уловить мысль ея творца.

Такъ прошло не мало дней, прежде чѣмъ онъ принялся за работу подъ руководствомъ извѣстнаго художника Ланди, у котораго учились художники разныхъ странъ Европы: Франціи, Германіи, Голландіи, Англіи и др. Среди новыхъ своихъ товарищей онъ болѣе всего сблизился съ бѣднымъ молодымъ венеціанцемъ Аннибаломъ Чипріани. Насладившись на своей родинѣ образцовыми по колоритности произведеніями такихъ мастеровъ, какъ Беллини, Пальма, Тиціанъ и Тинторетто, онъ теперь искалъ въ Римѣ линіи и рисунка. Аннибалъ, хотя итальянецъ, не обладалъ присущими его націи хитростью, суетностью и насмѣшливостью. Онъ былъ человекъ искренній, сердечный и даже слишкомъ впечатлительный. Какъ художникъ, венеціанецъ во многомъ уступалъ Яну, но въ отношеніи научнаго образованія превосходилъ его.

Вскорѣ друзья поселились вмѣстѣ. Янъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ живописи, но, къ сожалѣнію, по временамъ подчинялся вліянію Аннибала, увлеченнаго матеріалистическими воззрѣніями.

На Яна въ Римѣ обратили вниманіе, благодаря нѣсколькимъ большимъ композиціямъ, между которыми особенно вы-

дѣлилась «Венера и Адонисъ». Многіе художники пожелали съ нимъ ближе познакомиться и довольно часто заходили къ нему на квартиру.

Товарища его Аннибала чаще всего навѣщали женщины, въ которыхъ онъ очень скоро влюблялся и также скоро разочаровывался. Послѣдней, въ данный моментъ, его симпатіей была нѣкая красавица Анжіолина, съ которой онъ то ссорился, то мирился. Пылкая итальянка не довольствовалась побѣдой надъ Аннибаломъ и хотѣла прельстить своей красотой его товарища, но Янъ не поддавался соблазну и держалъ себя скромно, невозмутимо.

Дни проходили за днями и жизнь молодого художника протекала въ безпрестанной работѣ, безъ всякихъ потрясеній.

Однажды вечеромъ Янъ сидѣлъ на террасѣ въ обществѣ Аннибала и Анжіолины. Вечеръ былъ теплый, прекрасный, мягкій лунный свѣтъ озарялъ видѣвшіяся вдали развалины Колизея, изъ окружающаго домъ сада, доносился ароматъ цвѣтовъ. Анжіолина взяла гитару и подъ ея аккомпаниментъ запѣла чуднымъ голосомъ какую-то старинную пѣсню, въ которой каждая строфа неизмѣнно оканчивалась словами «amog felice». Янъ наслаждался прелестной мелодіей и былъ въ какомъ-то странномъ, мечтательномъ настроеніи.

Внезапно на лѣстницѣ послышались чьи-то шаги и черезъ минуту на террасу вошли два художника, недавно познакомившіеся съ Яномъ и Аннибаломъ.

Одинъ назывался Мартинъ Гроне, а другой Іеремія Сюзсеманъ. Оба они были нѣмцы. Первый смотрѣлъ на искусство исключительно только какъ на матеріалъ для исторіи умственнаго развитія народовъ; второй считался поклонникомъ сюжетовъ идиллическаго содержанія.

При входѣ гостей, Анжіолина прервала пѣніе и тихо сказала:

— Ахъ, это Іеремія и Мартинъ.

— Здравствуйте!—воскликнулъ Аннибалъ, подходя къ гостямъ.—Хорошо, что вы пришли, а не то мой товарищъ совсѣмъ было замечтался.

Янъ съ улыбкой подаль руку Сюзсеману и Мартину Гроне.

— Какъ поживаете?—проговорилъ онъ.

— Нечего и спрашивать! Развѣ въ Римѣ можно болѣть?—

серьезно возразилъ Гроне.—Мысль даетъ здѣсь силу, занятіе, здоровье, здѣсь некогда болѣть. Впрочемъ, къ дѣлу. Слушайте! Хотите завтра быть виѣстъ съ нами?

— Гдѣ завтра?—спросилъ Аннибалъ.—Ужъ не устраиваете ли вы какую нибудь ученую экскурсію для осмотра старыхъ руинъ, въ которыхъ Мартинъ надѣется найти что-либо особенное.

— Мы отправляемся туда, гдѣ была колыбель христіанства,—отвѣтилъ Гроне.—Довольно уже язычества; я хочу изучить ту нить, что соединяетъ двѣ отдѣльныя исторіи, два міра, два искусства. Пойдемте съ нами въ катакомбы! Это должно быть интересно и для васъ. Англичанинъ сэръ Артуръ Кромби, его сестра, я и Іеремія завтра рѣшили осмотрѣть эти подземелья.

— Колыбель предразсудковъ и умственного рабства, — съ ироніей замѣтилъ Аннибалъ.

— Нѣтъ, это колыбель могучаго духа,—возразилъ нѣмецъ.

— Гробы мучениковъ!—добавилъ Іеремія.

— Да вѣдь это страшныя пещеры—перекрестившись прошептала Анжіюлина.—Говорятъ, что во многихъ изъ нихъ скрываются бандиты.

— Я иду,—послѣ минутнаго размышленія сказалъ Янъ.—Мнѣ давно хотѣлось тамъ быть, но какъ-то не было случая; я очень вамъ благодаренъ за то, что вы меня не забыли.

— Завтра утромъ мы соберемся въ кофейнѣ у Паоло Панси. Онъ дастъ намъ хорошаго и знающаго чичероне, англичане доведутъ насъ въ своихъ коляскахъ до самаго мѣста.

— А ты не ходи, мой Аннибалъ!—воскликнула Анжіюлина: зачѣмъ тебѣ? Это кладбище, страшныя, темныя пещеры! Тамъ можно заблудиться и погибнуть... Не ходи!... останься со мною.

Венеціанецъ засмѣялся и обѣщалъ завтра явиться въ назначенное мѣсто.

На слѣдующій день всѣ собрались у Паоло Панси. Англичане ихъ ожидали. Сэръ Артуръ былъ оригинальнѣе, какъ многіе изъ его соотечественниковъ, но оригинальность его заключалась, въ томъ, что онъ старался прослыть человекомъ, умѣющимъ примѣняться ко всѣмъ окружающимъ. Словомъ, онъ могъ считаться оригиналомъ потому, что притворялся вовсе не оригинальнымъ, каковымъ былъ въ дѣйствительности.

Съ художниками онъ былъ художникъ, съ учеными ученый, съ народомъ простякъ, съ философами скептикъ, съ французами французъ, съ итальянцами итальянецъ.

Но главное вниманіе обратила на себя его сестра, миссъ Роза. Это было въ полномъ смыслѣ слова прелестное существо. Стройная, легкая, воздушная она сразу произвела сильное впечатлѣніе на Яна, напомнивъ ему ту, которую онъ оставилъ на родинѣ. Лица, подобныя миссъ, встрѣчаются только на образахъ, до такой степени она была идеальна, очаровательна и прекрасна.

Какъ братъ, такъ и сестра, очень любезно встрѣтили прибывшихъ.

— Господа, ѣдьте скорѣе, а то поздно, — сказала Роза, приближаясь къ Яну, наружность котораго сразу произвела на нее пріятное впечатлѣніе. — Вы со мною? Вы художникъ? — быстро спрашивала она.

— Да.

— Откуда? навѣрно съ сѣвера? не изъ Германіи-ли?

— Нѣтъ, изъ Польши.

— А! — воскликнула Роза: будемте друзьями. Польша — это родина Собѣскаго?

Англичане, какъ многіе другіе народы въ то время — знали изъ нашихъ героевъ только одного, который сдѣлалъ героическую ошибку, спасая врага. Теперь имъ сталъ извѣстенъ Косцюшко.

Прежде чѣмъ компанія подѣхала ко входу въ древнѣйшее подземелье, начинавшееся на кладбищѣ святого Каллиста, Янъ имѣлъ возможность немного ознакомиться съ этой необыкновенной женщиной.

Англичанка въ душѣ была артисткой и всецѣло отдавалась искусству; въ ней замѣчались оригинальный умъ, большая начитанность и утонченный вѣкусъ.

Въ дорогѣ бесѣда велась на самыя разнообразныя темы. Миссъ Роза была въ очень веселомъ, отчасти возбужденномъ, состояніи.

— Надо пользоваться жизнью, наслаждаться ею, любить, а затѣмъ умереть, и уступить мѣсто другимъ, — воскликнула она. Впрочемъ, кто знаетъ? Быть можетъ, насъ ждетъ другое существованіе, въ образѣ червячка, мушки или опять человѣка.

Янъ слушалъ съ удивленіемъ.

— Вы читали Спинозу?—спросила она черезъ минуту.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Янъ. — Я изъ страны глубоко преданной католицизму, только здѣсь мнѣ приходится встрѣчаться съ людьми, охваченными сомнѣніемъ и скептицизмомъ. Искренно сознаюсь въ томъ, что я ихъ боюсь.

— Да, — замѣтила Роза, — когда у слѣпого снимаютъ катарактъ, онъ тоже боится, но вскорѣ осваивается со свѣтомъ и наслаждается имъ.

— Отказаться отъ будущаго, отказаться отъ неба, безсмертія и надежды — не легко, — со вздохомъ сказалъ молодой человѣкъ.

— Человѣкъ смертенъ, человѣчество бессмертно. Впрочемъ, неужели васъ не увлекаетъ идея метампсихоза?

Янъ отрицательно покачалъ головой.

Въ эту минуту карета остановилась у воротъ кладбища, и всѣ отправились въ подземелья. Во главѣ общества шелъ Гроне, и, щеголяя своей солидной эрудиціей, подробно объяснялъ все, что представляло какой-нибудь интересъ.

— Катакомбы, — серьезно сказалъ онъ, — которые мы теперь осматриваемъ, вовсе не созданы первыми христіанами.

— Какъ-такъ? — прервалъ англичанинъ. — Вѣдь это именно дѣло ихъ рукъ.

Проводникъ окинулъ недовольнымъ взглядомъ Гроне и злобно прошепталъ: «еретикъ».

— Да, — повторилъ Мартинъ, — здѣсь сначала были пещеры, изъ которыхъ добывали разные вулканическіе остатки; ихъ называли агепегіае. Цицеронъ пишетъ о нихъ въ своихъ рѣчахъ, говоря объ Асиніусѣ.

— Я не понимаю, — съ нетерпѣніемъ проговорилъ Аннибалъ, — что тутъ любопытнаго? Какой-то громаднѣйшій лабиринтъ съ полуразрушенными, некрасивыми саркофагами.

— А мысль! а воспоминаніе о первыхъ герояхъ креста, о слезахъ, мученіяхъ и жертвахъ! — горячо возразилъ англичанинъ. — Неужели вы только видите матеріальную сторону жизни?

— Агепегіае... — серьезно продолжалъ Гроне, направляясь въ узкій корридоръ, своды котораго то понижались, то повы-

шались,—вспоминаетъ также Светоній, рассказывая въ своемъ «Неронѣ», что Фаонъ совѣтывалъ императору скрыться in specum Egestae arenariae. Витрувій точно такъ-же называетъ эти подземелья. Первые христіане...

— Первые жертвы!—воскликнула миссъ Роза,—жертвы, которыя увлекли за собой массу другихъ жертвъ несчастнаго предразсудка.

— Жертвы...—машинально повторилъ археологъ, нисколько не смущаясь постоянными перерывами.— Катакомбы, кромѣ того, носили названіе catoniae, coemeteria, areae, criptae. Тертуліанъ и Іеронимъ такъ ихъ называютъ.

— Какое намъ дѣло до твоего Тертуліана и Іеронима!— снова прервалъ Аннибалъ:—вотъ лучше осматривай вмѣстѣ съ нами эти саркофаги, а не болтай.

— Погодите, слушайте!—флегматично продолжалъ нѣмецъ,—катакомбы тянулись по разнымъ направленіямъ кругомъ Рима. Тѣ, которыя мы въ данный моментъ осматриваемъ, считаются стариннѣйшими. Онѣ расположены подъ via Appia и кладбищемъ святого Каллиста. Катакомбы святыхъ Сатурнина и Тразона у Porta Salaria, святыхъ Марцелія и Петра за Porta Maggiore также считаются очень старинными.

— Конечно, онѣ очень старинны!—пожавъ плечами, сказалъ англичанинъ.—Несносный болтунъ! прежде чѣмъ рассказывать сколько вѣковъ онѣ существуютъ и какъ называются, вы раньше подумайте о томъ, что это убѣжище святыхъ, что это первые храмы новой вѣры, возродившей міръ. Здѣсь первые христіане искали спасенія отъ преслѣдованія Нумеріана и Максиміана, въ этихъ катакомбахъ они находили спокойствіе и мысль свою возносили къ Богу.

— Братъ, что это за рѣчи!—прервала Роза.—Они просто были ослѣплены.

— Они были святые,—строго замѣтилъ проводникъ.

— Это были герои христіанства,—съ чувствомъ воскликнулъ Янъ.

— Творцы той сѣти, въ которой запуталось человѣчество,—съ саркастической улыбкой проговорилъ Аннибалъ.

— Вы называете распространенное ими ученіе сѣтью?—возразилъ задѣтый за живое Ругиутисъ.—Но откуда тотъ

свѣтъ, которымъ до нашихъ дней пользуется человѣчество? Кто уничтожилъ рабство, процвѣтавшее во времена язычества, кто провозгласилъ братство и равенство всѣхъ людей? Неужели человѣчество обязано своимъ развитіемъ только уму? Почему однако ни божественный Платонъ и ни одинъ изъ философовъ древности не произнесли великихъ словъ «ближній», «отплати добромъ за зло», «прости»? Почему?...

Аннибалъ нетерпѣливо махнулъ рукой и не отвѣтилъ ни слова.

Нѣмецъ между тѣмъ велъ своихъ друзей все дальше, не переставая поучать.

Теперь путешественники шли по корридорамъ, проложеннымъ подъ Анпійской дорогой. На каждомъ шагу встрѣчалось что-нибудь интересное.

Въ то время въ катакомбахъ хранились многіе старинные памятники начала христіанской эры, которые потомъ были перевезены въ ватиканскій музей. Нѣмецъ, очевидно, заранѣе подготовленный къ лекціи, останавливался передъ каждымъ памятникомъ, излагалъ его исторію и въ подтвержденіе неутомимо цитировалъ разныхъ авторовъ. Въ громадномъ лабиринтѣ находились маленькія часовни, цистерны, гдѣ происходило крещеніе, склепы, символическіе знаки и надписи.

Янъ былъ сильно взволнованъ видомъ этой колыбели христіанства, гдѣ взлелѣяна была величайшая истина, гдѣ покоился прахъ ея первыхъ провозвѣстниковъ, безстрашно встрѣтившихъ мученическую смерть. «Какъ велика, какъ сильна тогда была вѣра!» шепталъ онъ про себя, въ задумчивости останавливаясь передъ скромными саркофагами.

Подъ предводительствомъ Гроне все общество вошло въ какую-то темную обширную залу.

— Вотъ—здѣсь, объяснялъ нѣмецъ,—была часовня. Ниши въ стѣнахъ это есть *locula*, по обѣимъ сторонамъ ихъ ставились гробы, а посрединѣ гробы главныхъ мучениковъ: *memoria*, *confessio martirum*, *testimonium*, *titulus*. Вѣра, какъ видите, основывается на жертвѣ, какъ Христосъ за все человѣчество, такъ всѣ за всѣхъ должны жертвовать собой. Любовь и жертва—вотъ главные основы христіанскаго вѣроученія, весь его символъ.

— Но почему же все это такъ искажено? —спросилъ Аннибалъ.

— Да! почему?—повторила за нимъ англичанка, — почему то, что сокрушало узы, само потомъ сдѣлалось узами?

— Пустыя разглагольствованія, — презрительно отвѣтилъ Гроне. — Слушайте лучше...

— Онъ намъ безконечно будетъ объяснять, — замѣтилъ англичанинъ, — а мы между тѣмъ хотимъ чувствовать, сердцемъ понимать.

— Я здѣсь просто изъ любопытства, — тихо сказала Роза, остановившись возлѣ одного изъ изображеній Юны, которыхъ очень много было въ катакомбахъ.

— Юна! — тотчасъ воскликнулъ нѣмецъ. — А знаете ли вы, что значить Юна? Это символъ, миѳъ, аллегорія. Новообращенные христіане видѣли въ Юнѣ и, вѣроятно, не безъ причины, то, что язычники въ миѳѣ о Геркулесѣ, проглоченнаго китомъ и потомъ черезъ три дня выброшеннаго имъ. На нѣкоторыхъ греческихъ вазахъ встрѣчаются такого же рода изображенія. Подобный же миѳъ существуетъ о Язонѣ, проглоченномъ дракономъ и потомъ освободившимся отъ этого чудовища. Миѳы вѣчны, а объясненіе ихъ значенія...

— Вамъ принадлежитъ, — съ добродушной улыбкой добавилъ Сюссеманъ.

— Да! — наивно сказалъ нѣмецъ, — безъ сомнѣнія это миѳъ принадлежитъ. Вы найдете здѣсь, — продолжалъ онъ, — не только Геркулеса, но и Орфея, котораго первые христіане считали эмблемой миссіи Христа на землѣ. Христосъ, *Pastor Bonus*, также заимствованъ христіанскимъ искусствомъ отъ язычниковъ. Въ древности *Kalamis* былъ творцомъ этого типа. Это *Merkury Kriophoros*.

— Вы начинаете бредить, любезный Гроне, — прервалъ его англичанинъ.

Проводникъ, слушая рѣчи нѣмца, только плевалъ, и отворачивался.

Осмотръ катакомбъ привелъ сэра Артура въ экзальтированное состояніе. Пользуясь на минуту воцарившимся молчаніемъ, онъ съ паѳосомъ воскликнулъ:

— Господа, представьте себѣ эти великія тайны торжества, эти собранія вѣрующихъ, ихъ общія молитвы, вечера и трогательное прощаніе съ тѣми, которымъ вскорѣ предстояло

быть живыми факелами въ садахъ Перона или быть растерзанными дикими звѣрями на аренѣ Колизея. Что за картины! какія великія, святыя картины!

— Вотъ этотъ, такъ видно, добрый католикъ, — сказалъ про себя проводникъ Антоніо, — но тотъ другой *tedesco, diavolo, eretico*.

Нѣмецъ, однако, томимый избыткомъ эрудиціи, не далъ докончить пришедшему въ искреннее умиленіе англичанину.

— Собранія, — кричалъ онъ, — назывались *agapes, ἀγάπαι* отъ *ἀγάπη*, *caritas*, любовь, это были собранія братьевъ во Христѣ. Онѣ происходили по разнымъ поводамъ, по случаямъ освященій, похоронъ, крестинъ, а потому назывались *conpübiales, dedicoriae, funerales, natalitiae*. Впослѣдствіи онѣ были запрещены святымъ Амвросіемъ. Вотъ, — добавилъ онъ, — изображеніе, одного изъ такого рода собраній.

— Какъ жалкая пачкотня! — сказалъ Аннибалъ, — какія лица! какія безобразныя лица!

— Я далъ-бы много денегъ, если-бы мнѣ продали это изображеніе — съ умиленіемъ воскликнулъ сэръ Артуръ, — и подарилъ-бы его Британскому Музею.

— Этотъ круглый столъ назывался *cibilla*.... на немъ... — продолжалъ упрямый Гроне, — вы видите блюда съ кушаньями. Слуга держитъ въ рукѣ чару съ *cyathus*. Вотъ хлѣбы съ вырѣзанными на нихъ крестами (*quedra*).

Такъ подвигались они все далѣе и далѣе по темнымъ безконечнымъ корридорамъ. Нѣмецъ все объяснялъ, англичанинъ восторгался, Аннибалъ пронизировалъ, Сюссеманъ умилялся, а Янъ и миссъ Кромби вели тихую бесѣду.

Она его спрашивала, онъ отвѣчалъ, но разсѣянно, такъ какъ находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ всего окружавшаго. Миссъ Роза менѣе другихъ обращала вниманіе на эти памятники старины. Давно минувшіе вѣка не дѣйствовали на ея воображеніе и не приводили ее въ умиленіе. Ей было душно въ тѣсныхъ корридорахъ, она смотрѣла на мѣстами грубо раскрашенныя стѣны и смѣялась надъ наивностью сюжетовъ. Особенно забавнымъ ей казался Ной, съ растеряннымъ выраженіемъ выглядывавшій изъ своего ковчега, напоминавшаго коробочку.

Нѣмецъ, между тѣмъ, сравнивалъ Авраама, Моисея, Іону

и Данила съ Персеемъ, Беллерофономъ, Геркулесомъ и Тезеемъ, говорилъ о безсмертїи символа, о его значенїи, о символахъ солнца, вола, оленя у источника, павлина, стоящаго на шарѣ, словомъ, обо всемъ, встрѣчавшемся на пути. Такъ прошли они значительную часть катакомбъ. Англичанка, не обращающая вниманія на возбужденное любопытство товарищей, стала настаивать на возвращенїи.

— Выйдемъ на воздухъ, я задыхаюсь здѣсь.

— Фогамен,—прошепталъ нѣмецъ, отворачиваясь.

— Развѣ не довольно уже этихъ однообразныхъ переходовъ, нишъ, гробовъ и алтарей? Прошу васъ, выйдемъ отсюда.

Напрасно увлеченный сэръ Артуръ хотѣлъ отправляться въ другія катакомбы и продолжать изслѣдованія, въ которыхъ нѣмецъ обѣщалъ ему помогать своей эрудиціей, миссъ Роза не согласилась дальше идти, и все общество направилось къ выходу.

Время, проведенное въ катакомбахъ, или вѣрнѣе, случайное знакомство съ англичаниномъ и его сестрой, повліяло на жизнь и судьбу Яна болѣе, чѣмъ можно было предполагать.

Миссъ Роза при прощанїи взяла съ него слово навѣстить ее въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Помните,—сказала она,—что жизнь намъ дана лишь одна. Встрѣчая людей, родственныхъ намъ по духу, мы должны желать сближенія съ ними, а не избѣгать ихъ.

Братъ англичанки все еще находился подъ впечатлѣніемъ видѣннаго въ катакомбахъ, такъ что не разслышалъ послѣднихъ словъ сестры, а, можетъ быть, не хотѣлъ ихъ слышать.

Янъ задумчивый вернулся съ Аннибаломъ домой. Молодые люди застали Анжіолину спящей на кровати съ гитарой въ рукѣ.

Венеціанецъ осторожно взялъ гитару и разбудилъ ее нѣсколькими мелодичными аккордами. Она раскрыла глаза, ловко соскочила съ кровати и воскликнула:

— А! вы вернулись цѣлы и невредимы? Ну, слава Богу! слава Мадоннѣ! но больше туда не ходите. Говорятъ, что тамъ легко заблудиться и погибнуть.

Спустя нѣсколько дней, Янъ вспомнилъ свое обѣщаніе и отправился къ англичанину, занимавшему цѣлый дворецъ на Корсо. Братъ и сестра его имѣли отдѣльныя апартаменты.

Артура Янъ не засталъ и пошелъ къ Розѣ. Огромная зала,

съ примыкающимъ къ ней кабинетомъ, были роскошно убраны. Всюду стояли чудныя мраморныя вазы, на стѣнахъ виднѣлись великолѣпныя картины въ очень изящныхъ рамахъ.

Миссъ Роза лежала на кушеткѣ и читала книгу. Это было одно изъ ея любимѣйшихъ сочиненій Руссо. Передъ ней на мольбертѣ была небольшая картина, на землѣ лежали кисти и палитра.

— Ахъ! это вы!—воскликнула миссъ, увидѣвъ Яна.—Ну, какъ поживаете? Я ждала васъ съ такимъ нетерпѣніемъ, что если-бы не остатки глупой женской стыдливости, отъ которой до сихъ поръ не могу еще избавиться, то я непременно навѣстила бы васъ.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ.

— Знаете что?—добавила смѣлая англичанка,—мнѣ нравится ваше лицо; я хочу ближе познакомиться съ вами, хочу полюбить, какъ брата. Садитесь.

Пріемъ, манера говорить, движенія прелестной миссъ Розы показались Яну настолько странными и непонятными, что въ первую минуту ему казалось, будто все это ему лишь мерещится. Прикосновеніе ея бѣлой, замѣчательно красивой руки, привело къ дѣйствительности. Она по-мужски пожала ему руку и указала на кресло.

— А гдѣ же сэръ Артуръ?—спросилъ молодой художникъ, не зная съ чего начать разговоръ.

— Сегодня уѣхалъ въ Неаполь изучать жизнь лаццарони,—со смѣхомъ отвѣтила миссъ Роза.—Не говорите мнѣ о братѣ, это странный, подчасъ легкомысленный безумецъ! Сердце доброе, но голова слаба. Онъ почти всегда въ экстазѣ, всѣмъ восхищается, но ничего не понимаетъ. Впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ, Артуръ счастливъ, а это самое главное. Счастье,—сказала она со вздохомъ,—счастье—загадка жизни: тысячу разъ кажется почти разрѣшенной и вѣчно остается не разрѣшенной.

— Счастье, мнѣ кажется,—проговорилъ Янъ,—это душевный покой, удовлетвореніе желаній и продолжительное существованіе безъ переменъ.

— Гдѣ-же оно? гдѣ оно?—прервала миссъ Роза.—Нѣтъ нѣтъ! нѣтъ ничего подобнаго на свѣтѣ. Это старое счастье, недостижимый, да, по-моему, и нежелательный идеалъ, а нѣтъ

стоящее счастье есть движеніе, борьба, дѣятельность! Вотъ наше счастье! Иного нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Я не могу назвать это счастьемъ.

— Потому что вы одна изъ тѣхъ счастливыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастныхъ натуръ, которыя вѣчно самообольщаются, вѣчно жаждутъ покоя, но никогда имъ не наслаждаются. Скажите, вы когда нибудь любили?

Янъ смутился, покраснѣлъ, какъ дѣвушка, и тихо отвѣтилъ:

— Кто-же не любилъ?

— Кто? я! я! — печально сказала Роза. — Можно-ли назвать любовью то, что мы, вѣроятно, оба испытали, какое-то холодное минутное влеченіе? Я иначе представляю себѣ это чувство. Оно, по-моему, всецѣло овладѣваетъ душой, заставляетъ забыть весь міръ, возвышаетъ человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ порабощаетъ его.

— Счастливъ будетъ тотъ, кого вы полюбите и кто окажется достойнымъ вашей любви, — проговорилъ молодой художникъ.

— Развѣ мы любимъ только того, кто этого достоинъ? Развѣ мы знаемъ, что такое любовь? Насъ влечетъ къ любимому человѣку не красота его, не какія нибудь достоинства, нѣтъ, насъ влечетъ что-то неопредѣленное, неуловимое, таинственное, мы любимъ то, что любимъ, не зная почему. Ich liebe dich, weil ich dich liebe... сказалъ какой-то поэтъ.

— Мнѣ кажется, можно противиться влеченію своего сердца — замѣтилъ художникъ.

Вопросы и отвѣты Яна такъ были холодны и отчасти банальны, что неприятно подѣйствовали бы на другую, но миссъ Роза, однако, все болѣе и болѣе оживлялась.

— Да! у кого нѣтъ сердца! — гордо воскликнула она. — Впрочемъ, къ чему этотъ разговоръ! Наши мнѣнія расходятся. Мы по своимъ чувствамъ близки другъ другу, но не по мысли. Вы вѣрите во все, какъ дитя, я — ни во что.... О! нѣтъ, я ошиблась, — добавила она, вставъ съ кресла и пожавъ молодому человѣку руку, — я вѣрю въ искусство, вѣрю въ любовь, вѣрю въ судьбу.

— Это вѣра тѣхъ, у кого нѣтъ настоящей вѣры.

— Тѣмъ не менѣе, я удовлетворена ею и иной не желаю. Пойдемъ, мнѣ хочется показать вамъ мои картины.

Миссъ Роза пригласила Яна въ одну изъ своихъ залъ, гдѣ были произведенія старинныхъ мастеровъ, а затѣмъ показала свои работы. Въ нихъ было много огня, энтузіазма, но въ техническомъ отношеніи въ картинахъ оказалось не мало погрѣшностей.

— Скажите мнѣ ваше мнѣніе, относительно моей работы, только будьте откровенны и не стѣсняйтесь, за что я буду очень благодарна.

Янъ обстоятельно указалъ англичанкѣ какъ на хорошія, такъ и на дурныя стороны.

Роза крѣпко пожала ему руку и сказала:

— Вы хорошо понимаете искусство, а еще лучше—обязанности друга. Вѣдь не правда-ли, вы будете моимъ другомъ и учителемъ?

— Я самъ до сихъ поръ учусь.

— О! это ничего не значитъ! Мы учимся до самой, смерти. Хорошо?... А теперь,—добавила она, *спора усаживаясь*,—я хочу познакомиться съ вами ближе; расскажите мнѣ ваше прошлое.

Молодой художникъ хотѣлъ уклониться отъ признаній, или по крайней мѣрѣ отложить эту исповѣдь до болѣе благоприятнаго случая, но миссъ Роза обладала необыкновенной способностью быстро вліять на людей и заставлять ихъ тотчасъ исполнять ея желанія. Янъ принужденъ былъ подробно рассказать ей всю свою жизнь.

Когда онъ кончилъ, англичанка съ волненіемъ воскликнула:

— Вы сынъ народа и теперь вдвойнѣ для меня симпатичны. Всѣмъ вы обязаны только самому себѣ. Прошувась, будемъ друзьями! Вы меня будете учить живописи, а я васъ всему, что знаю изъ жизни и книгъ. Вы еще слѣпой. А теперь пойдемъ къ вамъ. Говорятъ, что Лафатеръ узнаетъ людей по почерку, а я изучаю по тому, въ какой обстановкѣ они живутъ. Мнѣ хочется отдать вамъ визитъ и осмотрѣть вашу квартиру.

— Миссъ Кромби, я живу далеко и... не одинъ.

— А съ кѣмъ-же? Быть можетъ, съ женщиной?—спросила она въ нѣкоторомъ смущеніи.

— Нѣтъ, съ художникомъ Аннибаломъ, который вмѣстѣ съ нами былъ въ катакомбахъ.

— Знаю! тотъ самый, что безпрестанно мнѣ поддакивалъ.
Не люблю такихъ людей.

— Онъ исповѣдуеть тѣ-же убѣжденія, что и вы.

— Тѣмъ лучше для него. Идемте скорѣе, я хочу видѣть
ваши работы.

— Пѣшкомъ?

— Почему бы и нѣтъ? Я хожу много и скоро.

— Такъ вы серьезно хотите идти ко мнѣ?—спросилъ Янъ.

— Совершенно серьезно. Почему это васъ такъ удивляетъ?

— Но что скажутъ люди?...

— Пусть говорятъ, что хотятъ. Впрочемъ, если вы уже
такъ дорожите общественнымъ мнѣніемъ, то мы возьмемъ съ
собою моего негра Неро.

Сказавъ это, миссъ Роза позвала своего черного слугу, и,
взявъ подъ руку художника, быстро спустилась по лѣстницѣ и
вышла на улицу.

Неро слѣдовалъ за своей госпожей въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Оживленно бесѣдуя, молодые люди незамѣтно подошли къ
скромной квартирѣ художниковъ. Оттуда доносились звуки гит-
тары. Янъ догадался, что тамъ была Анжіолина.

— Вы мнѣ позволите,—обратился онъ къ Розѣ,—предупре-
дить моего товарища? Онъ не одинъ.

— А! навѣрно съ женщиной.

— Кажется.

— Это насъ не касается. Кто она? Не ваша-ли натурщица?
Я знаю ихъ всѣхъ. Ее имя?

— Анжіолина.

— Она прелестна! Я ее знаю, это и моя Венера. Чего-же
мы стоимъ? Идемъ. Она мнѣ не помѣшаетъ.

Они открыли дверь и застали венеціанца спящимъ. Ан-
жіолина лежала на коврѣ и лѣниво играла на гитарѣ. При
видѣ Яна и миссъ Кромби, она быстро поднялась и тихо спросила:

— А! синьора! какъ вы сюда попали?

— Очень просто, Анжіолина, я пришли взглянуть на ра-
боты вотъ этихъ художниковъ.... и, быть можетъ, твоихъ воз-
любленныхъ?

— О! нѣтъ! Янъ вовсе не мой возлюбленный: онъ просто
камень, или какая-то льдина, онъ...

Анжіолина не dokonчила, такъ какъ въ эту минуту изъ полуоткрытыхъ дверей показалось черное лицо негра.

— Господа!— воскликнула она, всплеснувъ руками,— какой страшный еретикъ! какая черная образина! что за ужасная бестія!

И итальянка приблизилась къ негру, чтобы лучше его разглядѣть.

Аннибалъ проснулся, соскочилъ съ кровати и очень вѣжливо привѣтствовалъ миссъ Бромби, но англичанка, еле кивнувъ ему головой, тотчасъ стала осматривать работы Яна. Разсмотрѣвъ нѣсколько картинъ, она пришла въ восторгъ и ежеминутно пожимала ему руку.

Похвалы ея, разсыпавшяся Ругиутису, задѣли самолюбіе Аннибала, онъ нахмурился и отошелъ въ сторону.

Наконецъ миссъ Роза обратила вниманіе на удачно написанный венеціанцемъ портретъ Анжіолины, изображенной въ ея красивомъ національномъ костюмѣ.

— Продайте мнѣ этотъ портретъ,— обратилась англичанка къ Аннибалу.

— Онъ не продается,— холодно отвѣтилъ венеціанецъ.

— Вы можете себѣ сдѣлать другой, вѣдь оригиналъ каждую минуту предъ вашими глазами,— насмѣшливо замѣтила Роза.

— Тѣмъ не менѣе я желаю имѣть и копію.

— Какъ вамъ угодно. Addio! Вы со мной, не такъ-ли?— спросила она, обращаясь къ Яну.— Вы меня проводите?

— Непремѣнно,— отвѣтилъ художникъ.

Черезъ минуту они ушли.

По дорогѣ молодые люди останавливались возлѣ старинныхъ памятниковъ, статуй, фонтановъ и говорили съ искусствомъ.

Англичанка картинно и пылко излагала своему спутнику новѣйшія матеріалистическія теоріи. Она въ нѣсколько часовъ большее оказала вліяніе на Яна, чѣмъ Аннибалъ въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ.

Онъ колебался въ своихъ убѣжденіяхъ, его душой овладѣла тревога.

Весь вечеръ миссъ Роза читала Яну, бесѣдовала съ нимъ на самыя разнообразныя темы, все болѣе и болѣе очаровывая его своей богатой эрудиціей, своимъ утонченнымъ вкусомъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ.

Поздно ночью, прощаясь съ нимъ, она сказала:

— Вы будете у меня завтра?

— Завтра,—проговорилъ художникъ въ раздуміи,—право не знаю... у меня работа...

— Я хочу, я требую! Придете?

— Да.

На слѣдующій день снова происходило чтеніе, а затѣмъ бесѣда на тему о религіи. Англичанка смѣялась надъ нимъ, какъ надъ ребенкомъ, надъ его наивной вѣрой и предразсудками.

Когда Янъ уходилъ, она ему прямо сказала:

— Знаете что? У насъ съ братомъ масса лишнихъ комнатъ, мы положительно не знаемъ, что съ ними дѣлать, а потому, я предлагаю вамъ занять двѣ-три комнаты. Живите здѣсь, вамъ будетъ гораздо лучше.

— А люди?

— Снова люди! Какое мнѣ дѣло до людей?—проговорила она со смѣхомъ.

— Но вѣдь вы меня не вполне еще знаете.

— О! дитя! Мнѣ кажется, что я уже знаю васъ отъ колыбели. Вѣдь вы не умѣете притворяться. Ну, что-же, согласны? Вашъ Аннибалъ съ своей Анжіолиной очень скучное общество. Венеціанецъ — бездарность, а Анжіолина только красивый звѣрекъ. Если понадобится она, какъ натурщица, то мы ее пригласимъ сюда. Вдвоемъ намъ будетъ лучше и веселѣе.

— Право, я не смѣю... не знаю.

— Вы колеблетесь! бѣдняжка! говорила она, крѣпко пожимая ему руку.—Ну, въ такомъ случаѣ мы еще поговоримъ объ этомъ завтра. До свиданія, братъ! Христіане называли себя братьями во Христѣ, мы-же братья по искусству и чувствамъ. Право, не знаю отчего, но какая-то роковая сила влечетъ меня къ вамъ.

Янъ, услышавъ послѣднія слова, смутился и вернулся домой въ какомъ-то странномъ состояніи. Англичанка удивляла его, очаровывала, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждала какое-то непонятное состраданіе, какъ-бы предчувствіе угрожающаго ей несчастья. Бывали минуты, когда въ ея лазореваго цвѣта глазахъ отражалась какая-то тайная внутренняя борьба.

На слѣдующее утро Янъ получилъ отъ миссъ Розы письмо,

въ которомъ она усиленно приглашала его переѣхать къ ней какъ можно скорѣе. Часа черезъ два, явился негръ Неро съ двумя носильщиками и преспокойно забралъ его вещи и картины. Молодой художникъ почти машинально послѣдовалъ за негромъ во дворецъ.

Хотя миссъ Розы не было дома, но для гостя уже были приготовлены двѣ большія свѣтлыя комнаты. Въ одной изъ нихъ была маленькая библіотека, состоявшая, между прочимъ, изъ сочиненій философовъ второй половины XVIII вѣка и знаменитыхъ энциклопедистовъ.

Въ ожиданіи прибытія хозяйки, Янъ, удобно расположившись на кушеткѣ, занялся чтеніемъ. Ему попалось цѣлое собраніе сочиненій Руссо: «Элоиза», «Исповѣдь», «Общественный договоръ», «Письма». Писатель этотъ, казалось, точно былъ созданъ для Яна. Онъ съ такимъ увлеченіемъ читалъ страницу за страницей, что и не замѣтилъ, какъ въ комнату быстро вошла Роза.

— А, наконецъ-то вы здѣсь! — воскликнула она. — Очень рада вашему приѣзду, очень рада! Надѣюсь, вамъ здѣсь будетъ хорошо.

Янъ выразилъ ей глубокую благодарность за гостепріимство и вниманіе.

— Сейчасъ мы будемъ заниматься, — весело проговорила миссъ Роза. — Пойдемъ ко мнѣ.

Они отправились, и начались лекціи. Художникъ училъ англичанку, а она знакомила его съ основными принципами новѣйшей философской школы.

Лекціи эти продолжались долго. Постоянный обмѣнъ мыслей, впечатлѣній все болѣе и болѣе способствовалъ ихъ сближенію, но отношенія ихъ продолжали оставаться чисто братскими.

Въ ея сердцѣ, быть можетъ, съ перваго дня знакомства съ художникомъ зародилось болѣе нѣжное, болѣе горячее чувство, но оно не находило отклика въ желанной формѣ.

Янъ по цѣлымъ часамъ глядѣлъ съ восторгомъ на миссъ Розу, но въ сердцѣ своемъ не чувствовалъ ничего другого, кромѣ сильной, искренней, спокойной дружбы.

Въ этомъ постоянномъ восхищеніи, въ этой привязанности не было того, что называется любовью. Часто по вечерамъ они совершали отдаленныя прогулки въ окрестности Рима, вели

самую душевную бесѣду, обмѣнивались возникавшими въ нихъ мыслями, обсуждали интересовавшіе ихъ вопросы, вспоминали прошлое, но о любви не было рѣчи. Миссъ Роза ждала, волновалась, глаза ея то загорались огнемъ, то покрывались слезами, но Янъ оставался въ этомъ отношеніи невозмутимымъ.

— Все это пройдетъ со временемъ, — говорила она себѣ, — въ свое время явится и любовь.

Но время проходило, а между тѣмъ все оставалось по прежнему. Янъ продолжалъ ее любить, только какъ сестру, а она уже горѣла къ нему той исключительной любовью, на которую способна лишь цѣльная, чистая, глубокая натура. Миссъ Роза любила первый разъ въ жизни. Долго, долго никто не сумѣлъ возбудить въ ней этого чувства, а между тѣмъ первый взглядъ, брошенный на этого художника, сдѣлалъ все. Быть можетъ, оттого прелестная англичанка такъ сильно привязалась къ нему и такъ страстно желала привлечь его къ себѣ, что считала такъ бурно вспыхнувшее чувство первой и послѣдней любовью. Разница въ происхожденіи и общественномъ положеніи для нея не существовала. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ совмѣстнаго пребыванія, любовь ея подчасъ проявлялась такъ бурно, что одинъ лишь Янъ могъ видѣть въ ней только сильную искреннюю дружбу.

Спустя мѣсяць, миссъ Роза, видя, что всѣ ея усилія напрасны, стала печальна и молчалива. По цѣлымъ часамъ она сидѣла въ глубокой задумчивости, не будучи въ состояніи заниматься ни живописью, ни чтеніемъ.

Янъ замѣтилъ это и однажды спросилъ ее:

— Миссъ Кромби, что съ вами?

— Что со мной! — воскликнула она. — Что со мной? Вы не знаете?

— Откуда же я могу знать? Замѣчаю только, что съ нѣкотораго времени вы стали печальны, разсѣянны, задумчивы, но повода не знаю. Объясните мнѣ откровенно.

— Вы не знаете повода? Не знаете? — печально повторила миссъ Роза. — И никогда, быть можетъ, вы не узнаете. Зачѣмъ? для чего? — добавила она, какъ бы про себя.

— Я надѣюсь, что вы мнѣ объясните причину вашей грусти, — проговорилъ онъ. — Быть можетъ, я сумѣю утѣшить васъ, посовѣтовать...

— Если бы вы хотѣли или, вѣри́те, если бы вы могли?

— Неужели вы сомнѣваетесь въ моей искренности? Но въ моихъ-ли силахъ помочь вамъ?

— И да, и нѣтъ! Вы можете и вмѣстѣ съ тѣмъ не можете. Не спрашивайте меня, не спрашивайте, зачѣмъ вамъ знать? Это неизлечимая болѣзнь и кончится смертью. А смерть, мой дорогой, это непробудный сонъ, это сонъ безъ грезъ, какъ говорить нашъ Шекспиръ... Впрочемъ, кто знаетъ, безъ грезъ-ли, кто знаетъ, какой это сонъ?

И впервые подъ вліяніемъ сильнаго чувства миссъ Роза задалась вопросомъ *peut-être*? — котораго раньше у нея не существовало. Раньше она видѣла впереди полное уничтоженіе, а теперь въ ея душѣ, какъ бы зарождалась мысль о грядущей жизни.

— Впрочемъ, нѣтъ, — добавила она, послѣ минутнаго размышленія, — это вѣчный сонъ, это полное забвеніе, уничтоженіе и ничего болѣе.

Она отбросила отъ себя книгу и стала плакать.

— Миссъ Роза, ради Бога, скажите, что съ вами?

— Ради Бога? — повторила она съ улыбкой. — Отчего же это доброе существо, называемое Богомъ, допускаетъ, чтобы Его дѣти такъ страдали. Которое смотритъ на все зло и не предотвращаетъ его?

Янъ остолбенѣлъ.

— Вы страдаете, — сказалъ онъ, — но скажите мнѣ, отчего вы не хотите подѣлиться со мной своимъ горемъ? Вѣдь вы знаете, что я васъ люблю, какъ братъ, что я пожертвовалъ бы за васъ жизнью.

— Да, — прошептала англичанка, — только какъ братъ. Зачѣмъ мнѣ ваша жизнь, если нѣтъ любви? Не просите, — сказала она вдругъ, — не пытайтесь узнать, вы мнѣ ничѣмъ не поможете, ничѣмъ! Это болѣзнь неизлѣчимая.

— Но неужели ее нельзя облегчить?

— Нѣтъ, можно только ухудшить.

— Дорогая миссъ Роза!

Она окинула его блуждающимъ взоромъ.

— Янъ, — сказала она, — не допытывайтесь ради Бога, ради котораго вы умоляли меня.